С. П. Носиков

Мой папа Павел Михайлович Носиков

Москва

2020

Носиков Сергей Павлович
Мой папа Павел Михайлович Носиков – М.: ООО "Сам Полиграфист", 2020. – 132 с.

В книге подробно описана жизнь моего отца, ветерана Великой Отечественной войны Павла Михайлович Носикова (1923 – † 2015). Приведено древо рода, сведения о родителях, дедушках и бабушках. Описаны детство в деревне Пожарово Ярославской области, учеба в техникуме, эвакуация с заводом в Челябинск. В конце 1942 года Павел пошел добровольцем на фронт, был зачислен в 30-й Уральский добровольческий танковый корпус. В книге описан его боевой путь, в каких частях служил. Во время Орловско-Курской битвы отца первый раз ранили. В 1944 году наградили медалью “За отвагу” и орденом “Красная Звезда”. Тогда же приняли кандидатом в члены ВКП(б), через год он стал членом партии и оставался преданным коммунистом до конца своих дней. П. М. Носиков был кадровым военным, в общей сложности более 30 лет служил политработником в Вооруженных силах в войсках ПВО. В книге описаны послевоенная служба в Польше, учеба в академии, продолжение службы в различных воинских частях, включая Чукотку. Отец уволился из армии в 1973 году, потом 19 лет работал преподавателем общественных наук в Истринском педучилище, много лет был членом президиума Истринского Совета ветеранов, с 2003 по 2005 год возглавлял эту организацию.

Книга богато иллюстрирована, в ней более полутора сотен фотографий из семейных альбомов. Издание предназначено в первую очередь для тех, кто знал П. М. Носикова и помнит его.

© С. П. Носиков

Разрешается свободная перепечатка текстов и графических материалов при условии указания ссылок на книгу.

Оглавление

Введение 4
1. Родословное древо предков Носиковых (по архивным данным). . 11
2. Дедушки и бабушки, дяди и тети отца. 13
3. Родители Михаил Никитович и Александра Павловна . . . 15
4. Братья и сестры Носиковы 22
5. Деревня Пожарово, родительский дом 24
6. Детство Павла, учеба в школе в Давыдково (1923-1938) . . 31
7. Учеба в техникуме в Ярославле, начало войны, эвакуация (1938-1941) 34
8. Работа на Урале (1941-1942) 37
9. Призыв в армию, учеба на радиста, формирование УДТК (1942-1943) 38
10. Отправка на фронт, Орловско-Курская битва (1943) . . . 45
11. Первое ранение, лечение в госпитале Тулы (1943) . . . 51
12. Бои за освобождение Брянской области и Белоруссии (1943-1944) 54
13. Второе ранение, лечение в госпитале Климовичи (1944) . . 58
14. Освобождение Польши, учеба на курсах мл. лейтенантов (1944-1945) 62
15. Служба в Польше и на Украине (1945-1951) 70
16. Учеба в академии в Москве (1951-1956) 78
17. Служба под Волоколамском (1956-1958) 83
18. Служба под Мичуринском (1958-1962) 86
19. Служба в Ржеве (1963-1964) 91
20. Служба на Чукотке (1965-1967) 94
21. Служба под Истрой (1967-1973) 107
22. Работа в Истринском педучилище (1973-1992) 113
23. Помощник депутата Государственной Думы (1996-1999) . . 118
24. Общественная работа 120
25. Последние годы жизни 128

Введение

В ноябре 2020 года исполнится пять лет, как нет с нами Павла Михайловича Носикова, моего отца. В прежние годы мы всегда собирались 9 мая в Истре и отмечали День Победы. Такова была традиция нашей семьи на протяжении многих лет. Папа не раз говорил, что для него этот праздник самый главный в году. Когда его не стало, в этот день мы вместе со многими людьми стали принимать участие в шествии Бессмертного полка, неся портреты наших родственников – участников войны, среди которых и портрет моего папы, сделанный руками его внука Сережи.

Бессмертный полк, Носиковы – Истра, 9 мая 2016 г.

Павел Михайлович Носиков был активным гражданином, многие годы принимал участие в работе различных общественных организаций. Он многим помогал, выступал против несправедливых решений чиновников, защищал ветеранов, отстаивал их права. Отец до конца своих дней оставался верным коммунистом, не изменял своим убеждениям. Он был честным человеком и не способным на подлые поступки. Его многие знали и уважали, до сих пор помнят в нашей Истре. Но время идет, человеческая память со временем стирается, о многих заслуженных людях постепенно забывают. Мой папа к тому же был скромным человеком, не выпячивал своих заслуг. И, несмотря на его известность, на самом деле о нем люди не так много знают. О его славной биографии даже не все наши родственники имеют достаточное представление. А что будет, когда пройдет еще 5, 10 лет и больше?

Вот почему мне, его сыну захотелось устранить эту несправедливость, написать о Павле Михайловиче Носикове отдельную книгу. Рассказать о том, какой он был, каким запомнился. Ну и, конечно, рассказать о моей маме – Варваре Федоровне Носиковой (урожд. Барковой).

Поженились родители 1 мая 1955 года. Девять месяцев спустя родился я, Сергей. А еще через

полтора года появился на свет мой брат Миша. Помню, как в 2005 году отмечали золотую свадьбу папы и мамы, приезжали поздравлять из городской администрации. В счастливом браке мои родители прожили более 55 лет. Папа был рядом, когда мама умирала.

У Павла было два брата старше него – Константин и Александр, и две сестры моложе – Ольга и Валентина. Все они обзавелись своими семьями. И что надо отметить – разводов ни у кого не было и в каждой семье выросло по два ребенка. Таким образом, у всех Носиковых (сестры, правда, после замужества сменили фамилии) в общей сложности оказалось 10 детей, мальчиков и девочек поровну. Все они, когда выросли, также обзавелись семьями, родились дети. Так что род Носиковых получился большой. Вот в первую очередь для своих родственников – близких и дальних – я и решил написать эту книгу. Чтобы они знали об основателях рода, достойных гражданах нашей страны. Надеюсь, что эта книга будет интересна и другим людям, которые знали моего папу.

Родственники и гости на 70-летии Павла Михайловича Носикова – Истра, 9 мая 1993 г.

Сведения об отце собирались из разных источников. Много документов сохранилось в нашем семейном архиве (три автобиографии, послужной список, трудовая книжка, военный и комсомольский билеты, учетная карточка члена КПСС, справки о ранении, удостоверения о наградах, грамоты и т.д.). К счастью, уцелело и много фотографий, некоторыми снимками также поделились родственники. Отец в последние годы жизни активно сотрудничал с редакциями местных газет (“Истринские вести”, “Истра плюс”), в них публиковал статьи, посвященные годовщинам самых важных битв в Великой Отечественной войне. В основном это были известные сведения из учебников истории. Но иногда, что для меня очень ценно, папа делился личными впечатлениями (к сожалению, эти воспоминания были слишком краткие).

О Павле Михайловиче Носикове напечатана довольно большая статья в пятом томе сборника “Ветеранский полк”, который вышел за год до его смерти. Это единственная публикация такого рода, в ней рассказано об отдельных эпизодах войны и о службе папы на Чукотке.

При подготовке книги очень помогла видеозапись воспоминаний, сделанная мною в 1996 году. Инициатива тогда исходила от меня, я спрашивал папу о его родителях, родственниках, детстве, задавал много вопросов. Эта запись длится немногим более часа и заканчивается школьными годами. Помню, в конце беседы папа сказал, что устал отвечать и предложил отложить остальные вопросы о войне на потом. А потом как-то не сложилось, сам отец никакой инициативы в продол-

жении разговора не проявлял[1]. … Очень корю теперь себя за это. Но, увы, ничего уже не вернуть. Хорошо, что хотя бы частично эту ошибку позже исправили мой сын Сережа и племянник Паша. Когда они подросли, то стали интересоваться биографией своего дедушки, несколько раз встречались и беседовали с ним, задавали вопросы. Паша даже кое-что записал на видео, файлы сохранились. Все это мне здорово помогло при подготовке книги. Хотя конечно, далеко не обо всем внуки спросили дедушку. Поэтому довольно много осталось неясного в жизни Павла Михайловича Носикова. И это несмотря на то, что я почти всю свою жизнь прожил вместе или рядом с родителями. Но винить в том, что многого не знаю, некого, сам виноват.

К счастью, маму я успел расспросить более подробно, видеозапись разговора о ее жизни длится почти четыре часа (мы встречались и беседовали несколько раз). Варвара Федоровна была словоохотливой, любила поговорить, и из нее не приходилось, что называется, вытягивать информацию. Наоборот, порой даже вынужден был останавливать маму, когда она слишком увлекалась, уходила в сторону и подробно рассказывала о подругах, совершенно мне незнакомых.

Немало сведений о Павле Михайловиче, о роде Носиковых предоставили родственники. В ходе сбора материалов я вышел на связь почти со всей оставшейся родней (многие, к сожалению, уже умерли). Сразу скажу, что люди отнеслись к моей затее написать книгу об отце по-разному. Хотя прямого противодействия ни от кого не было, но большинство из тех, с кем общался по телефону или переписывался, большого энтузиазма не проявили, приходилось неоднократно напоминать о своих просьбах прислать фотографии и копии документов. Каких-то материалов я, к сожалению, так и не дождался от родни. Имен называть не буду, не хочу осуждать никого. Я ведь и сам еще совсем недавно почти не интересовался своими корнями.

Лучше отмечу тех, кто мне очень помог как воспоминаниями, так и копиями документов и фотографиями. Это родная тетя Валентина Михайловна Сухоруких из Курска и двоюродная сестра Светлана Александровна Носикова из Челябинска. Я с ними общался по телефону много раз (с каждой по несколько часов). Они не только отвечали на мои бесчисленные вопросы, но и рассказали немало интересных историй, о которых прежде не знал (или забыл). Выражаю также признательность двоюродной сестре Надежде Виноградовой из Ярославля, двоюродным племянникам Андрею Сидорову из Феодосии и Ирине Носиковой из Челябинска. Все они прислали копии трудовых книжек своих родителей, а также фотоснимки из семейных альбомов. Вся полученная от родни информация была использована при подготовке настоящего издания.

Это не первая книга, которую я написал в последнее время. Прежде у меня выходили произведения на исторические и краеведческие темы, в них много ссылок на официальные документы, архивные дела, из которых бралась информация. Здесь этого делать не буду, т.к. данная книга не научная, а для семейного чтения. Но отсутствие ссылок не означает, что что-то было придумано – все бралось из ранее написанных текстов (опубликованных и неопубликованных), а также из воспоминаний родителей и людей, которые их знали.

Изложение далее будет вестись в хронологическом порядке, начиная с предков, дедушек и бабушек, родителей, потом детство, учеба и взрослая жизнь. Фотографии старался использовать из семейных архивов как нашего, так и родственников, в крайнем случае, брал из интернета.

Павел Михайлович Носиков прожил долгую жизнь – 92 с половиной года. И треть ее (с 1942 по 1973) связана с Красной, потом Советской армией. Участие в войне, победу над Германием он считал самым важным событием в своей жизни, и об этом постоянно говорил нам. У отца в последние годы оказалось много наград, среди них два ордена – “Красной Звезды” и “Отечественной войны” (к юбилею), – и два десятка юбилейных медалей (среди них три Белорусские награды к памятным датам освобождения республики). А медалей от различных ведомств и общественных организаций набралось еще больше. Папа даже не все награды вешал на китель, т.к. свободного места там уже оставалось мало, да и все это была лишняя тяжесть для ветерана (когда я поднимал его парадный китель с медалями, то удивлялся, как такой тяжелый он мог подолгу носить).

[1] Хочу отметить, что когда я был еще маленьким, потом школьником, студентом, отец не рассказывал в семье подробностей о своем участии в войне. Отчасти потому, что он всегда был скромным человеком. Ну и потом, в прежние годы ветераны войны намного реже публично выступали с воспоминаниями. Это только, пожалуй, в XXI веке стало массовым явлением, когда самих ветеранов оставалось все меньше.

Портреты ветеранов на главной улице города; мой папа полковник – Истра, 9 мая 2015 г.; 2000-е гг.

Наверняка среди читателей книги найдутся такие, кто мало знал Павла Михайловича Носикова или вовсе не был с ним знаком. Поэтому мне хотелось бы рассказать о том, каким он был человеком. Для начала приведу слова из аттестации, составленной командованием в 1972 году незадолго до его увольнения из армии. Она характеризует папу со служебной стороны как офицера:

«*За время прохождения службы в подразделении показал себя дисциплинированным, грамотным и исполнительным офицером. Как офицер политработник политически грамотен, имеет отличную теоретическую подготовку. Тактико-специальная подготовка хорошая, технику, стоящую на вооружении, знает хорошо, над повышением своих политических и военных знаний работает постоянно. В строевом отношении подтянут, командирскими навыками владеет, волевые качества и организаторские способности развиты отлично. Воспитывает и обучает подчиненных методически правильно, к себе и подчиненным требователен. Имеет большой опыт организации и руководства партийно-политической работой и воспитания личного состава. К выполнению служебных обязанностей относится добросовестно. В решении служебных и партийных вопросов принципиален. Ведет большую общественную работу по воспитанию молодого поколения, руководит работой родительского комитета в Котеревской восьмилетней школе, является членом партийной комиссии части. Уставы Советской армии знает хорошо и практически правильно выполняет в повседневной жизни, из стрелкового оружия стреляет хорошо. Морально устойчив. Идеологически выдержан. Делу Коммунистической партии и Советскому правительству предан. Вывод: Занимаемой должности заместителя по политической части начальника отдела испытаний соответствует*».

Разбирая бумаги отца, я нашел несколько стихотворений, посвященных ему лично. Я не знаток и не любитель поэзии. Но даже мне видно, что стихи непрофессиональные, отдельные слова не в рифму. Но это неважно, главное, что они написаны от души и с уважением к моему папе.

Два стихотворения были вручены в день 75-летия Павла Михайловича Носикова в 1998 году. Одно из них подписано «*Н. Лукашов*», в нем есть такие строки:

«*Ты прожил ведь немного, всего семьдесят пять*
Спроси себя Павлик, а хочешь ли снова прожить все опять?»

В конце другого стоит подпись «*Вл. Вигский*», текст начинается так:

«Здравствуй, друг дорогой мой, ровесник,
Разбирая завалы преград,
Расскажи, исповедуйся, сверстник,
Как живешь ты, бывалый солдат.
Знаю я, беспокоит погода –
Раны ноют и ноги болят,
Выпускник сорок первого года,
Боевой мой товарищ и брат […]*».*

На листке с третьим стихотворением внизу написано: «*29.08.2011. Ольга Афанасьевна*». Привожу его текст целиком:

«Вам, человек дорогой,
Я посвящаю эти строки мои.
Вы заслужили своей судьбой
Большого уважения и любви.
Прошли по жизни Вы тернистый путь:
За Родину сражались, два ранения,
Но не могли Вас те опасности согнуть,
На все имели бесконечное терпение.
Остались верным убеждениям своим,
Не изменили партии, когда другие
Партийные билеты положили,
Приспосабляясь к временам иным.
В Училище – преподаватель любимый,
Активный, заботливый и хлопотливый,
Защитник ветеранов войны и труда,
Людям помогали от души всегда.
А душа у вас добра и гармонична,
В хоре ветеранов запевали.
Редко встретишь такую личность,
Чтоб эти качества вы сочетали.
Здоровья Вам крепкого и радости
До самой глубокой старости».

Собирая материал для книги, я опросил несколько человек, которые знали моего отца по работе и общественным делам. Оказалось, что все хорошо помнят Павла Михайловича Носикова, отзываются о нем добрыми словами.

Нина Егоровна Гусева, которая работала с папой в Совете ветеранов Истринского района, отметила такую черту характера моего отца, как принципиальность. Он не молчал, когда видел несправедливость, обладал чувством предвидения. Гусева сказала, что П. М. Носиков очень многим людям помогал, немало успел сделать, когда был помощником депутата Государственной Думы. То, что теперь Совет ветеранов находится в новом здании, как отметила Нина Егоровна, есть немалая заслуга Павла Михайловича. Еще сказала, что когда отец стоял во главе Совета ветеранов, он поднял работу этой организации на новый уровень, добился того, что с мнением ветеранов стала считаться местная администрация. В конце сказала слова: «*великий оратор*».

Моего папу хорошо помнят ветераны Великой Отечественной войны. Самый старший из них по возрасту Александр Тимофеевич Чернов, ему уже исполнилось 103 года. Он сказал, что вместе с отцом работал в президиуме Совета ветеранов Истринского района. А когда Павла Михайловича избрали председателем этой организации, то Александр Тимофеевич стал его заместителем. Чернов так охарактеризовал своего товарища: «*хороший человек, общительный*».

Еще один участник войны Валентин Алексеевич Бочкарев знал отца с 1986 года, когда пришел в Совет ветеранов. Там они познакомились и потом долгое время работали вместе в президиуме. Валентин Алексеевич отметил такие черты характера Павла Михайловича, как аккуратность, пунктуальность. При этом Бочкарев заметил, что отец иногда был и жестковат. Но чему тут удивляться? Такая черта свойственна многим кадровым офицерам, даже вышедшим в отставку.

Папа и Василий Иванович Касаткин – Истра, октябрь 2013 г.

Участник Великой Отечественной войны ветеран-подводник Василий Иванович Касаткин очень ценил Павла Михайловича Носикова, уважал как старшего товарища. И мой папа к нему тоже хорошо относился, они дружили. Я помню, как Василий Иванович регулярно приходил к нам домой, приносил партийные газеты. Касаткин отметил высокую эрудированность отца. Еще он сказал, что Павел Михайлович охотно выступал перед детьми, всегда относился к ним по-доброму, любил пошутить. Его выступлениями школьники заслушивались. В нашем архиве есть фотография их обоих, сделанная в Совете ветеранов фотографом из Павловской Слободы А. Н. Гольцевым. Хороший снимок, добрые лица у ветеранов. Я знаком с фотографом Александром, мы в хороших отношениях, оба занимаемся краеведением. Он запомнил моего отца, когда снимал в Совете ветеранов.

Ветеран Галина Ивановна Трифонова, которая многие годы работала в Истринском педагогическом училище вместе с папой, так его охарактеризовала: «*прямолинейный, порядочный настоящий коммунист, отличный специалист-историк. Добрый, никогда не бросит в беде. Был хороший оратор. Серьезно относился к порученному делу, но любил и пошутить*».

Это все отзывы людей, которые вместе работали с Павлом Михайловичем. А вот что сказала его родная сестра Валентина Михайловна: «*брат мой Павел был как бы ближе и роднее других. В детстве он всегда меня опекал, как самую маленькую. Ну а я была привязана к нему больше, чем к сестре и братьям старшим. И Павлик, как его все звали, был как бы за отца нам и заботился о нас. Даже после войны в трудное время все старался помогать: маме с бабушкой и мне с Ольгой. Светлая память о нем в наших сердцах останется навсегда*».

Папина племянница из Ярославля Надежда Александровна Виноградова так высказалась о нем: «*Самое большое, о чем запомнила, это то, что он всегда откликался по первому зову. Когда мы едем через Москву – всегда встречал на вокзале. Отзывчивость, забота. Считаю, что это самое важное в человеке*».

Другая племянница из Челябинска Светлана Александровна Носикова, охарактеризовала моего папу следующим образом: «*Дядя Паша был необыкновенный человек, у него был особый стержень, он был кумиром семьи. Он всем старался помочь, всегда в трудную минуту подставлял плечо, делал добро. Был веселым, любил шутки, подкалываться*». И в конце дала итоговую оценку: «*Чисто Носиковская порода*». Последними словами она хотела подчеркнуть, что отмеченные черты характера есть и у ряда других представителей нашего рода, это как бы особая группа людей.

Я готов согласиться со всем вышесказанным. Могу еще добавить, что папа был культурным, вежливым человеком, практически никогда (за редчайшими исключениями, которые, наверное, у всех случаются) не ругался матом. П. М. Носиков не был способен на подлость и обман людей.

Павел Михайлович Носиков – 1980-е гг.

Думаю, что категоричность и прямота его суждений не всем нравились. Но у меня нет сведений, чтобы у него были какие-то серьезные враги. Наоборот, у моих родителей было очень много друзей. Общались семьями, фамилии некоторых я помню: Антоновы, Мигуновы, Суманеевы, Лыткины, Ларионовы, Качан, Климовы. Папа, когда был военным, сменил много мест службы (только в моем детстве мы переезжал пять раз). И почти на каждом новом месте среди сослуживцев появлялись друзья, с которыми потом поддерживались хорошие отношения долгие годы, велась почтовая переписка.

Родственников у папы было много, у всех были свои семьи. Жили все в разных городах, но при этом регулярно встречались (увы, это все уже в прошлом). Когда мы (я и брат) были маленькими, такие встречи чаще всего происходили в Феодосии, куда летом регулярно ездили отдыхать. А когда наша семья переехала в Подмосковье в Истру, теперь уже родственники стали довольно часто к нам приезжать. Папа и мама любили принимать гостей, некоторые жили подолгу. Но я не припоминаю, чтобы от родителей хоть раз были сетования на какие-то доставленные неудобства, хотя в их маленькой однокомнатной квартире, конечно, было тесно всем разместиться. Так что о папе и маме могу с уверенностью говорить, что это были по-настоящему гостеприимные люди.

Отец был человеком старой закалки. И нет ничего удивительного, что ему нравились произведения советских авторов, его современников. Когда внук Паша спросил о кинофильмах, в которых наиболее правдиво передается атмосфера военных лет, то он выделил такие картины: “Они сражались за Родину”, “Летят журавли”. Среди книг на ту же тему ему больше всего понравились: “Волоколамское шоссе” Бека, “В окопах Сталинграда” Некрасова, “Живые и мертвые” Симонова, “Судьба человека” Шолохова, и еще очерки Эренбурга.

Прежде чем перейти к непосредственному изложению биографии отца, хотелось бы сделать еще несколько замечаний, пояснений. Для меня, как человека пишущего книги на исторические темы, самое главное – это говорить правду, не искажать факты, излагать все события так, как они случались в жизни. Мне не хочется делать из отца икону, идеального человека. Он был вовсе не ангел, и были периоды, когда жить с ним вместе было совсем непросто. Как любой человек, мой папа тоже в чем-то бывал не прав. Когда у него было хорошее настроение, он любил пошутить, подкалывать, особенно когда собиралась компания. Причем относилось это ко всем окружающим его людям и к родственникам тоже. Шутки его, в общем-то, были незлыми и безобидными. Но мне они далеко не всегда нравились, особенно когда касались меня, порой даже обижался на отца.

Но это вообще-то мелочь по сравнению с другим. Помню наши довольно острые конфликты, когда я учился в старших классах, дело порой даже доходило до рукоприкладства. Как мне казалось, отец порой был слишком категоричен в своих требованиях к нам, его сыновьям. Например, запомнилось, что он запрещал читать книги на тему фантастики, которыми я одно время увлекался. Он, видимо, полагал, что такие книги уводят от реальности и ничего хорошего не дают. И как армейский командир, довольно жестко требовал исполнения своих требований от подчиненных (в данном случае детей). Еще отец одно время очень не любил, когда в разговорах кто-то часто говорил «я». Он, как настоящий коммунист, ставил превыше интересы коллектива. И нас старался этому учить (признаюсь, что не всегда успешно).

Папа, насколько я помню, всегда (по крайней мере, после увольнения с армейской службы) занимался общественной работой. Он много лет был секретарем парторганизации в педучилище, был среди организаторов хора ветеранов и пел в нем, являлся помощником депутата Госдумы. Кроме того принимал активное участие в работе Истринского Совета ветеранов (сначала долгие

На параде на Красной площади, папа в нижнем ряду третий слева – Москва, 9 мая 2007 г.

годы входил в президиум, а потом два года стоял во главе этой организации). Пока позволяли силы, он довольно часто ходил и ездил на различные ветеранские мероприятия, встречи со школьниками и населением. Я хорошо помню, когда мы, его близкие люди, собравшись дома за праздничным столом 9 мая в заранее оговоренное время, потом терпеливо ждали, пока отец вернется домой с мероприятия. Случалось, что он довольно существенно опаздывал, и нам всем это не нравилось. Но для папы общественные дела, как мне кажется, были не менее важны, чем семейные.

Помню также наши острые споры на политические темы, происходившие в 1990-е годы и доходившие порой до крика и даже ругани (я тогда с братом был за демократов, которых отец терпеть не мог). Отец нам в запале говорил, что мы можем уезжать в Америку. С ним лучше было не спорить по принципиальным вопросам, переубедить было невозможно. Я это довольно быстро понял и старался для общего спокойствия острые углы обходить. А вот мой младший брат Миша не был столь дипломатичным, у него конфликты с отцом случались чаще.

Увы, все это было в нашей жизни. Вспоминать об этом и сейчас неприятно. Все были виноваты в этих семейных спорах. Но такие стычки, к счастью, случались не так часто. А со временем они и вовсе прекратились, все, видимо, стали умнее и менее категоричны в своих суждениях.

Предлагаемая вниманию книга – это мой частный, субъективный взгляд на своего отца. Я старался быть объективным, но, понимаю, что это невозможно. Поэтому не судите строго. Если окажутся несогласные по каким-то вопросам или найдутся существенные дополнения к изложенному в книге материалу, то можно мне позвонить 916-616-95-51 или написать по электронную почту nspnsp@mail.ru (Носиков Сергей Павлович).

1. Родословное древо предков Носиковых (по архивным данным)

Наиболее естественно начать разговор с корней нашего рода. Родился Павлик (так его звали родные) **12 мая 1923 года** в Ярославской области в деревне Пожарово в семье Михаила Никитовича и Александры Павловны Носиковых. Свое происхождение в автобиографии папа указал так: из семьи крестьянина-середняка. Национальность во всех документах писал: русский. Думаю, что и все наши предки (по крайней мере, ближайшие поколения) были той же национальности. Об этом также свидетельствует и наша фамилия, происходящая от всем понятного русского слова.

Верхняя часть родословной Носиковых – древо предков.

Из четырех своих дедушек-бабушек Павел смог назвать троих, а фактически даже двоих, т.к. кроме очевидного имени Никита, следующего из отчества своего родителя, он о родне по мужской линии ничего не смог сообщить. А вот о предках по женской линии сведений оказалось больше. Папа сказал, что его бабушку звали Ксения Даниловна, а ее мужем был Павел Лукин (отчество неизвестно). И при этом добавил, что Ксения родила Александру не от Павла и еще до их бракосочетания, истинного отца никто не знает.

Вот собственно и все, что касается анкетных данных предков, никаких их дат рождения (хотя бы примерных) мой отец назвать не смог. В Ярославском архиве (ГАЯО) в метрических книгах и исповедных ведомостях я нашел более полусотни ранее неизвестных имен в родословном древе Носиковых вплоть до восьмого колена. Хочу оговориться, что при желании можно было бы узнать о еще большем числе пращуров (в два-три раза больше – это точно). Но я не стал искать совсем уж дальнюю родню, решил ограничиться прямыми предками по мужской линии. Исключение лишь сделал для братьев и сестер (если они в документах указывались, то их тоже вносил в древо).

Но даже при таких ограничениях родословное древо предков оказалось довольно большим. Его даже пришлось повернуть на 90 градусов, чтобы показать целиком и в приемлемом масштабе (мне хотелось, чтобы все даты и имена людей можно было прочитать). Хочу подчеркнуть, что это лишь верхняя часть нашего родословного древа, а именно та, что касается предков. Есть еще и нижняя часть для потомков, здесь персон еще больше. Хочу еще отметить, что дни рождения и смерти до 1918 года приведены по старому стилю.

2. Дедушки и бабушки, дяди и тети отца

Приводимые далее сведения о дедушках и бабушках, родителях, братьях и сестрах моего отца получены в основном из видеозаписи беседы с ним в 1996 году. Мне не хотелось ничего искажать в словах родителя. Поэтому далее будет много прямой речи так, как Павел мне говорил (пусть не всегда складно). Чтобы в тексте наглядно были видны цитаты из воспоминаний отца, они набраны курсивным шрифтом (в квадратных скобках даны мои пояснения).

Вот как папа говорил о своих корнях: «*По линии отца я ни дедушку, ни бабушку не знаю, потому что я родился, когда их в живых уже не было. Они жили, родились в той же деревне Пожарово Ярославской области. Дед был состоятельным вполне человеком, он имел мельницу ветряную. Все люди привозили размолоть зерно на муку, и за это брали так называемый "гарцевый сбор". Поэтому небедные были, и дом был у него такой вполне* [добротный]. *Мельницу, как положено было, дед завещал младшему сыну, т.е. моему отцу*». Из архивных данных установил, папиного дедушку звали Никита Андреевич, а бабушку Анна Федоровна (для меня они прадедушка и прабабушка).

О своих дядях и тетях Павел сказал следующее: «***Брат отца – Федор Никитович,*** *он жил в той же деревне, где и я. Он сразу же, как только женился, построил себе дом, отделился, так раньше было положено. Дом был очень добротный, весьма роскошный, отделан вагонкой снаружи. Я старшего брата отца дядю Федора очень хорошо помню*». Потом еще добавил, что тот жил долго: «*После войны я приезжал в отпуск – он еще жив был. Но он отца был старше лет, наверное, на 15. Не знаю где похоронен, потому что хоронили без меня. У него не было детей*».

Про тетю сообщил такие сведения: «*И еще была* ***сестра*** *старше отца, звали ее* ***Марфа Никитична****. Замуж она выдана была в деревню километров за 7-8 от нашей деревни. Деревня Андроново была, где жила эта сестра. У нее потом своя семья была. Я помню, как она приезжала к нам на праздники с мужем, с детьми своими. Ну, потом перед войной муж у нее умер, она осталась с двумя или с тремя детьми, и, в общем, жила не очень хорошо*».

Говоря о фамилии Носиковых, папа сказал, что в Пожарово жили еще два старика с такой фамилией, имя одного он даже запомнил – Федор Егорыч. По его словам это были «*дальние родственники, дядьки были какие-то. Они были бездетные, много старше моих родителей были. Вот их раскулачивали*» (во время коллективизации).

Потом я попросил отца рассказать о своей родне по женской линии: «*Помню очень хорошо –* ***Лукина Ксения Даниловна****. Это мать моей мамы* [т.е. папина **бабушка** или моя прабабушка]. *У нее тоже судьба была своеобразная, я не знаю всех тонкостей, подробностей, мать никогда не*

говорила. Мама не от того человека родилась, с которым жила бабушка, которого она очень любила, уважала и он ее любил очень. Она, наверное, и не знает родного отца своего. Он [неродной **дедушка Павел Лукин]** *очень рано умер, почему – я не знаю. Был он очень авторитетным шефповаром и ездил на пароходах по Волге, которые ходили вплоть до Астрахани. Он хорошо зарабатывал, построил дом. Он умер, по-моему, до революции. Похоронен там, где и бабушка потом похоронена. Несколько раз она* [Ксения] *с ним плавала на пароходе до Астрахани и обратно. Она тоже очень хорошо готовила, разные холодные закуски очень искусно делала. На столе сделает сельдь, так украсит ее, как будто это живая. Бабушка умерла в 1951 году* [на самом деле в 1950], *уже после войны. Она жила сначала в деревне* [Копосово] *в 7 км от нашей деревни. Это там, где построил дом ее муж. У нее хозяйство свое было, корова была. А потом когда у нас отец умер в 1936 году* [точнее в конце 1935], *мама попросила, чтобы она переехала к ним, потому что нас осталось трое маленьких».*

Еще отец рассказывал, что до переезда Ксении Даниловны они ходили к ней в гости в Копосово: «*маленькие мы ходили туда к бабушке, когда отец жив был, в каждом году* [ходили]». «*Бабушка* [Ксения] *писать не умела, но расписываться кое-как расписывалась. Но деньги считала очень хорошо. И в принципе она рассказывала, когда после революции были ликбезы*[1]*, ее несколько раз оформляли, им выдавали бесплатно буквари, карандаши, тетрадки. Но она несколько раз сходит, а потом эти буквари, тетрадки все нам* [раздавала]. *Тогда же с бумагой было плохо».*

У Ксении Даниловны были проблемы со зрением, как говорил папа, «*подслеповатая была*». Он воспоминал, что когда впервые после войны приехал в родную деревню, то первой, кого увидел, была бабушка Ксения. Но та его поначалу не узнала.

Бабушка была верующим человеком, как говорил Павел: «*ложилась, обязательно молитву читала*». Валентина Михайловна также ее помнит, рассказ о ней в чем-то повторяет папин, а в чем-то дополняет. «*Мать нашей мамы Лукина Ксения Даниловна (девичья фамилия Скворцова) в молодости работала служанкой у барыни в Москве. В то время уже была маленькая дочь (это наша мама Александра), отец ее неизвестен. Барыня была добрая, любила ее дочь. Потом она уже вышла замуж за Лукина Павла. И дом в Копосово они купили потом. Бабушка Ксюша была труженицей доброй и веселой. После смерти нашего отца* [Михаила Никитовича] *переехала к нам. Помогала нам во всем. Домашние дела были на ней, и еще работала в сельсовете уборщицей. Умерла весной 1950 г. тяжело перед этим болела. Я в это время была в Горьком на преддипломной практике, а Ольга в Казахстане, там она работала после окончания института. Так что похоронили бабушку без нас».*

Ксения Даниловна с внучками Олей (слева) и Валей – Пожарово, 1940 г.

Бабушку Ксюшу (так называли ее родственники) видела и моя двоюродная сестра Светлана, вот какой ее запомнила: «*Маленькая, хрупкая, веселая, деловая, энергичная. Ксюша все время работала, ни минуты не могла усидеть. Все что-нибудь делала, не любила, чтобы кто-то бил баклуши. Была добрая, ко всем хорошо относилась, любила всех нас, почти не ругалась, только иногда. Как приехала к нам, устроилась в сельсовет и работала*

[1] «*Ликбез (ликвидация безграмотности населения) – массовое обучение неграмотных взрослых чтению и письму в Советской России и СССР*» (сведения из интернета).

там долго до его закрытия».

Ксения Даниловна прожила около 80 лет. О причине о ее смерти Светлана высказала такие предположения: «*Тогда ведь врачей не было. Она болела, но не так долго лежала. У нее болел желудок, тошнило. В конце концов, она перестала вообще есть и пить. Мы тогда думали, что умерла от старости. Хотя она не очень старая была. А теперь прикидываю и думаю, что, наверное, у нее был рак желудка. Она страшно похудела».*

Про маминых родителей отец еще говорил, что они похоронены в селе Сандырево, в чей церковный приход входила деревня Копосово. В 2012 году, когда отец последний раз побывал на своей родине, я его свозил в это село, мы походили вокруг заброшенной Благовещенской церкви и никакого старого кладбища там не увидели, видимо его ликвидировали.

3. Родители Михаил Никитович и Александра Павловна

Пора теперь перейти к родителям отца. Начнем с моего дедушки, которого звали **Михаил Никитович Носиков.**

Прежде чем начать излагать сведения о его жизни, хотелось бы сделать небольшое пояснение. В документах встречаются два варианта написания отчества моего дедушки – Никитич и Никитович. Возник вопрос: какой правильный? Согласно правилам русского языка верным считается первый вариант. Но я решил в книге употреблять второй потому, что так его звали родственники, так было написано на старом памятнике дедушке и бабушке в Толбухино (только в цитатах оставлял так, как написано в документе).

Я нашел запись в архиве в метрической книге Преображенской церкви Приселка Нового о рождении Михаил в семье Носиковых. Согласно ей мальчик появился на свет в 1879 году 27 октября (по старому стилю). В документе указаны родители: «*Сандыревской вол., дер. Пожарова кр-не Никита Андреев, и зак. ж.* [законная жена] *Анна Федорова, прав. исповед.».*

Павел запомнил своего отца таким: «*Он рослый был, где-то моего роста. Сколько помню, он с бородой был, у него черная борода была*». К этому еще добавил: «*Отец вообще считался грамотеем, сколько он кончил* [классов] *– я не могу сказать точно. Но он был в деревне один из самых грамотных, потому что я это помню. Если куда-то какую бумагу написать, заявление или что, обязательно приходили к нему: "Михаил Никитович, вот ты помоги написать"».*

А тетя Валя так высказалась о родителе: «*Михаил Никитович был серьезный человек, строгий надо сказать. И, наверное, справедливый. Его мало знаю. Я самая маленькая была и меня он баловал. Не помню, чтобы отец кого-то из детей наказывал. И мама ничего такого не рассказывала».*

В Ярославском архиве сохранилось «*Дело по жалобе гр-на Голодяевского сельсовета Носикова Михаила Никитовича об исключении его из колхоза, июнь-октябрь 1933 год*». В этом документе оказалось очень много интересной информации, есть автобиография дедушки. Из нее следует, что он дважды служил в армии. Вначале был призван в 1901-1906 годах. А потом был мобилизован на Первую мировую войну, находился на ней с 1914 по 1918 годы.

Папа так об этом рассказывал: «*он* [Михаил Никитович] *оказался в какой-то интендантской команде. Тогда ведь механизации не было и автомобилей не было, была только кавалерия. Артиллерийские* [орудия] *и даже подвоз осуществляли на лошадях. И они занимались поставкой лошадей для армии. На фронте он не участвовал непосредственно в войне, был в тылу. Мать к нему даже ездила»* (далее приводится их совместный фотоснимок, сделанный, вероятно, в это время).

Павел вспомнил рассказы своего отца во времена службы в армии, как «*они в Финляндию ездили закупать лошадей. Приходят на рынок, там лошади привязаны на продажу, а хозяев нет. Их надо искать, или в пивной где-то или еще где-то. И там* [в Финляндии] *Боже упаси, чтобы было воровство. Вот у них кто-то там решил – русские есть русские – а чего их искать этих хозяев? Отвязал лошадь, да и раз угнал ее. И кто-то на этом попался, целый скандал был большой».*

А вот еще эпизод (во время рассказа папа несколько раз смеялся): *«Как-то они* [Михаил с товарищами] *пошли в первый раз в баню финскую мыться. А там моются мужчины и женщины в одном зале вместе. А он в первый раз. Ну, вот отец и говорит: "Зашли мы туда, и смотрят – там женщины сидят. И все обратно оттуда". По-фински не понимают, им машут рукой – туда, туда. Потом он говорит: "А потом там ребятам понравилось, каждый день в баню ходили"».*

Служба во время призыва; во время мировой войны, дедушка справа – 1901-1906; 1914-1917 гг.

В нашем домашнем архиве и у родственников сохранилось несколько фотографий Михаила Никитовича в военной форме. На одном фото он совсем юный, с саблей. Полагаю, что этот снимок сделан во время первой службы в армии. На двух других карточках он вместе с сослуживцами. Здесь Михаил уже повзрослевший, фотографировался видимо в годы мировой войны.

На службе во время мировой войны, дедушка слева – 1916-1917 гг.

В Гражданской войне Михаил Никитович, по словам отца, участия не принимал, вернулся в Пожарово. В 1919 году начал строить для семьи новый дом и через два года стройку закончил. Про своего родителя Павел еще сказал, что «*уезжал на отхожий промысел, был классный печник, каменщик.* [Они] *работали по найму, подряды брали».* И еще добавил: «*когда образовался в 1931-м году колхоз в деревне, был избран первым председателем колхоза».* Колхоз был небольшой, всего две деревни, 20-30 дворов. На мой вопрос о том – какую личную скотину пришлось отдать в колхоз? – отец ответил, что только кобылу Чайку. А корову и овец оставили. Молоко сдавали все, кто имел коров, так в то время было по всей стране. Отдава-

ли также шерсть и мясо.

Далее папа рассказывал: «*Первый год* [работы колхоза] *был успешный, подводили когда итоги, привезли даже Красное знамя, переходящее за успехи. А потом (подноготную я всю не знаю), ну, в общем, кто-то донес, что мельница его считалась. Хотя он ее уже передал какому-то кооперативу. И он никогда на этой мельнице не работал, работал старший брат*, [т.е.] *дядя Федор. Я помню, у нас даже пришли описывать имущество* [как у кулака]. *Отца сняли с председателей колхоза. Но он написал апелляцию, подал в район. Уж кто как разбирался – я не знаю. Но я помню, он ездил. Приехал, говорит: "Все нормально". Никаких раскулачиваний, ничего не было».* Михаила Никитовича реабилитировали, поэтому семья из своего имущества ничего не продавала.

Вспоминая дальнейшие события, Павел сказал: «*Я хорошо помню, к нему приходили и мужчины и женщины из деревни* [и говорили:] *"Михаил Никитович, ну ты давай обратно председателем". Он категорически отказался. Сказал, что "Вот когда написали все – вы же все молчали на собрании, никто слова не сказал* [в мою защиту]. *Не буду!" И ушел, после этого* [работал] *почтальоном. В сельсовете почтовое отделение было, он там начальником был».*

Последний приезд папы на могилу родителей (памятник еще старый) – Толбухино, 2012 г.

Об обстоятельствах кончины и точной дате смерти Михаила Никитовича достоверных данных нет, документы не сохранилось. В автобиографии Павла Носикова написано, что родитель умер «*по болезни*» без какой-либо конкретизации.

Некоторые детали тех печальных дней вспомнила тетя Валя: «*Папа заболел воспалением легких, лежал, болел. Врачей в деревне не было, больница была в Давыдково. Запомнилось, что лежал около печки на лежаночке, где кухня. А мы спали в передней. Помню мама рано утром пришла и сказала: вставайте детки, папа умирает».*

О том, когда все случилось, Валентина Михайловна сказала, что смерть наступила в октябре или ноябре 1935 года. «*Говорили, что скончался близко к Михайлову дню* [21 ноября]. *Был уже снег, это я помню (хотя было всего 4,5 года). Помню, что везли гроб в санях, и везли в Давыдково в церковь отпевать. Меня посадили прямо на сани рядом с гробом. Ну а все шли пешком. Немножко помню, как в церкви отпевали».*

На старом памятнике в Пожарово были выбиты годы жизни Михаила Никитовича: «*1879 – 1935*». Это означает, что Михаил Никитович прожил 56 лет, умер совсем нестарым.

Таким образом, в 46 лет **Александра Павловна Носикова** стала вдовой. В 1935 году трудоустроен был лишь старший сын Константин. Средний Александр только окончил школу и устраивался на работу. Павел и Ольга были еще школьниками. А Валентина еще в школу не ходила. Несмотря на то, что хозяин в доме очень был нужен, Александра Павловна второй раз замуж не вышла, как сказал папа: «*Никаких мужчин в доме не было*». Она лишь попросила приехать из Копосово свою мать Ксению Даниловну, чтобы та помогала по хозяйству и с воспитанием детей.

Но вернемся по времени назад, когда все были еще живы. Я спросил папу: «*Как твои родители познакомились, они из одной деревни?»* Он ответил отрицательно и передал то, о чем ему говорила мать: «*Они совершенно незнакомы были, отца она не знала. Сваты приезжали, привезли вот эту бабушку* [Ксению Даниловну Лукину] *туда в деревню*. *Она приехала* [в Пожарово], *посмотрела – там хозяйство крепкое, скота много».* Как папа говорил, именно большое хозяйство сыграло решающую роль в том, Ксения решила выдать за Михаила свою единственную дочь Александру. Как это заведено, после свадьбы жена переехала в дом мужа в Пожарово.

В каком году родители поженились – папа не смог вспомнить. Я нашел нужную информацию в метрической книге Преображенской церкви Приселка Нового за 1908 год. В ней имеется запись

Михаил Никитович и Александра Павловна – 1914-1917 гг.

такая от 27 января: «[Жених:] *Сандыревской волости, дер. Пожарова крестьянин Михаил Никитыч Носяков, православнаго вероисповедания, первым браком, 27* [лет]. [Невеста:] *Сандыревской волости, дер. Копосова, девица Александра Георгиевна Лукина, православнаго вероисповедания, первым браком, 17* [лет]».

Сохранилась фотография молодой пары Носиковых. Никаких пометок на обороте нет. Но коль скоро супруг в военной форме, значит снимок сделан в годы Первой мировой войны. Возможно, это самое ранее изображение моих дедушки и бабушки.

Про свою мать Павел сказал, что она грамотная была, закончила, наверное, три или четыре класса: «*она писала, читала нормально*». Правда на сей счет есть и другое мнение. Моя двоюродная сестра Светлана считает, что бабу Шуру [так все звали Александру Павловну] начальной грамоте обучила ее мать Елизавета Николаевна, когда приехала в Пожарово в 1942 году и жила там несколько лет. Так или иначе, Александра Павловна писать умела, пусть и с ошибками. Об этом наглядно свидетельствует ее сохранившееся письмо (оно приводится ниже). И читать умела. Как вспоминала все та же Света, Павел привез как-то книги, и мать потом их читала. Было это незадолго до ее кончины.

Александра Павловна, как и ее мать Ксения Даниловна, была верующим человеком, про нее папа говорил: «*молилась все время*». Тетя Валя припомнила, что дома «*Всегда лампадочка перед иконой горела. Религиозные праздники всегда в доме отмечали: Пасха, Рождество. И до войны отмечали не день рождения, а именины, день ангела*». Но при этом, ни мать Александра Павловна, ни бабушка Ксения не навязывали детям своих убеждений. И в итоге никто из Носиковых не стал верующим человеком (по крайней мере, мне об этом неизвестно). Повзрослев, дети приняли другую «веру»: все стали коммунистами.

Я попросил тетю Валю описать свою мать, какой она запомнилась. И вот ее ответ: «*Она была среднего роста, более спокойная и умеренная, чем бабушка Ксения. Ее характер схож с моим (эмоции внешне не проявляю). Ей досталось большое хозяйство. Она работала тоже почти до самой кончины: и на ферме, и дома хозяйство, огород, скотина*».

О том, как тяжело приходилось бабе Шуре, говорил и мой папа: «*Мать рассказывала, что ей там досталось хозяйство большое, эти* [родители мужа] *уже старики были, ухаживать за скотом некому было, и ей там доставалось*».

Двоюродная сестра Светлана припомнила случай из своего послевоенного детства. Как-то вечером возвращается в Пожарово деревенское стадо коров. И в нем оказалась чужая корова с дур-

ными повадками – она была бодливой. И вот подходит эта скотина к нашему дому: «*А во дворе были маленькие дети (Надя, еще кто-то). Баба Шура увидела бодучую корову, что она идет к нам, и кричит: "Бегом на крыльцо" (оно было высокое). А сама не испугалась и пошла на корову. А корова прижала бабушку к воротам между рогов. Дети все кричат. Их услышал пастух, быстро прибежал и отогнал корову. Баба Шура не пострадала*». Очень наглядный случай. Александра Павловна в момент смертельной угрозы думала не о себе, а о малышах, внуках. И смело пошла навстречу опасности, не думая о том, что корова могла пропороть ее рогами.

Когда муж Михаил Никитович умер, Александра Павловна стала трудиться дояркой на колхозной ферме. Папа об этом сказал так: «*Ферма была прямо в деревне, небольшая была. Она* [мать] *обслуживала, я не помню* [сколько точно], *16 или 18 коров, за которыми она ухаживала, которых доила. У нее, я знаю, тоже было много грамот. Даже в войну и после премии давали за хорошую работу, что сохранила приплод. Давали где-то осенью теленка уже такого солидного*».

Валентина Михайловна не согласилась с цифрами, сообщенными Павлом: «*16 или 18 коров*». Т.к. она часто помогала матери, сама доила на ферме часть колхозных коров, закрепленных за Александрой Павловной, то я ее сведениям больше доверяю. Вот слова моей тети: «*За мамой было закреплено 10 коров. Это очень тяжело для доярки, особенно зимой. Летом коровы гуляли на лугу, их к озеру подгоняли, они там пили. А зимой они стояли (в ферме), надо их было напоить. Это было ужасно тяжело. Мне приходилось помогать маме. Поили их один раз в день вечером, воду приходилось таскать. Там был пруд в 200-300 метрах от фермы, и я таскала воду на коромысле. Каждая корова выпивала по два ведра, каждой надо было корм дать. Следили, когда отел, чтобы не прозевать. Доярки чувствовали, знали, когда будет отел. Шли, чтобы теленочка забрать и перенести в теплое помещение, которое отапливалось для малышей*».

Далее тетя продолжила говорить про свою мать: «*Она долго работала, пока ферму не убрали из Пожарово. Колхоз "Победа" был маленький, деревни вымирали и стали объединять колхозы. Нас объединили с Матвеево. Колхоз стал большой, и ферму из Пожарово перевели в другую деревню.* [Стало] *далеко ходить, и мама перестала в колхозе работать*».

В семейном архиве Ненилиных в Ярославле сохранился интересный документ – это "Временное удостоверение", выданное колхознице Александре Павловне Носиковой на полгода. В него вклеена фотография и указан год рождения – 1889. Можно заметить, что место рождения указано Пожарово. Это ошибка. Я не знаю, где бабушка появилась на свет. Возможно, это была Москва.

Оплата за труд колхозников в те годы была в основном не деньгами, а натуроплатой за трудодни. У каждого колхоза имелся обязательный план поставок сельхозпродукции, его требовалось выполнить в первую очередь. А уже то, что осталось от сдачи государству, распределялось между колхозниками пропорционально отработанным трудодням. Папа о размере выплат говорил так: «*Ну, это каждый год же по-разному. Вот в войну, как мать рассказывала, очень мало давали на трудодни. А перед войной давали хлеб, овощи, капусту. И деньги давали, небольшие. Но тогда в основном натуроплата была. Но, я знаю, был очень тяжелой год у них с 1946-го зима на 1947-й, когда был неурожай. Когда приехал в отпуск – там очень*

ВРЕМЕННОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ

Действительно на шесть месяцев.

Владельцем настоящего удостоверения является:

1. Фамилия, имя и отчество Носикова Александра Павловна
2. Время и место рождения 1889 г. Пожарево Середского р-на Ярослав об.
3. Национальность Русская.
4. Социальное положение Колхозница
5. Отношение к воинской службе не в/обяз.
6. Собственноручная подпись Носикова
№ 1313
Дата выдачи 15 Jul 1946

7. Кем выдано удостоверение Середский Р.О. Н.К.В.Д.
8. На основании каких документов выдано удостоверение Сер. с/совета стр. №1.
9. Лица, внесенные в удостоверение владельца:

№№ по пор.	Фамилия, имя и отчество	Возраст	Отношение к владельцу удост.	По основанию каких документов записана и кем

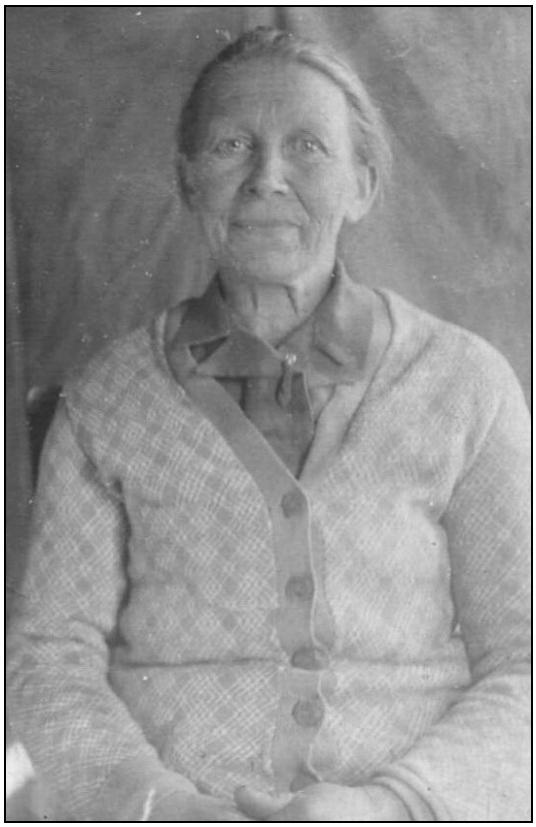
Начальник милиции
Нач. паспортного стола

Удостоверение колхозницы Носиковой Александры Павловны – 1946 г.

тяжело. В некоторых семьях буквально голодали». Это подтвердила и Валентина Михайловна: «*в войну и после войны было очень трудно в Пожарово. Ездили в Ярославль, на рынке продавали мясо, иногда молоко. Нужны были деньги, в колхозе после войны их не платили. В городе хотя бы по карточкам что-то давали, а в деревне их не было».*

И мало того, на семью каждого колхозника государство налагало налоги: «*мы должны были сдать столько-то литров молока, столько-то килограмм мяса, шерсти, яичек. Это обязательно. И денег за это не платили. Но народ выполнял, а куда было деваться».* Многие тогда в деревнях голодали. Тетя Валя вспоминала, как во время учебы в техникуме не доедала хлеб из своего скудного пайка ученицы (500 грамм в день), чтобы остатки отвезти в деревню для мамы и бабушки.

Когда я папу спросил – были ли правительственные награды у родителей? – он ответил следующее: «*Ну, у отца какие* [могли быть] *награды, в 1936-м году их и не было. А мать сразу, как война закончилась – тогда награждали далеко не всех – наградили медалью "За доблестный труд в Великой Отечественной войне". И она получила в числе первых. Орденов не было, конечно, у нее».* Медаль бабушки не сохранилась, приводится изображение награды из интернета. Как говорила Светлана, бабушку в колхозе и деревне уважали, обращались по имени отчеству Александра Павловна. Это подтвердила и тетя Валя: «*Мама работала добросовестно, честно, ее уважали».*

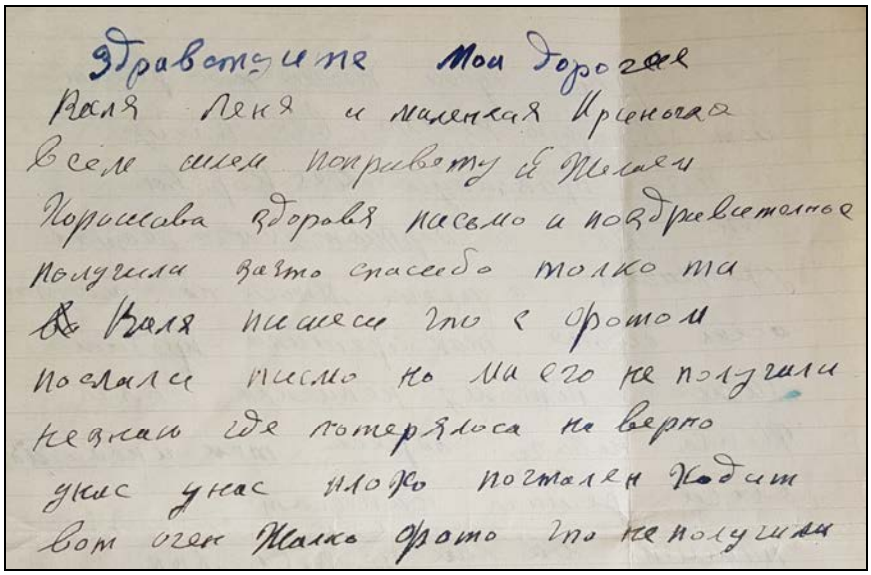
Моя бабушка; Медаль "За доблестный в труд в Великой Отечественной Войне" – 1944 г.

Папа нам рассказывал, что очень дорожил одним фотоснимком своей матери. Он его, к счастью сберег, снимок теперь в нашем семейном архиве. На обороте написано, что снято в 1944 году. Павел, видимо, получил его на фронте. На фото простая русская женщина, труженица. Александре Павловне на момент съемки было 55 лет, но выглядит она, как мне кажется, старше. Чему удивляться? У нее была тяжелая жизнь.

Павел очень любил свою мать. Я хорошо запомнил, как он с сожалением рассказывал о давно совершенной им ошибке: после войны он сам уничтожил письма, которые писал с фронта. Конечно, было бы очень интересно их сейчас почитать (правда, тетя Валя, которая их видела, говорила, что много слов в них было замазано цензурой). Но, увы, упущенного не вернешь.

Благодаря тете Вале и двоюродной сестре Светлане удалось узнать, как прожила свой последний год Александра Павловна. Летом 1959 года она вместе с Павлом поехала в Феодосию, чтобы повидаться с семьей старшего сына Константина, увидеть внуков Толю и Наташу. Поезд по пути в Крым делал остановку в Курске, и баба Шура на вокзале увидела свою младшую дочь Валю и внучку Иринку. По возвращении в Пожарово Александра Павловна серьезно заболела, целый месяц температурила, не вставала. Где-то в это время и было решено продать домашнюю корову.

Некоторые подробности тех дней удалось узнать из письма, написанного в ноябре того года в Курск. Оно, к счастью, сохранилось. Вот фрагменты из него: «*Здравствуйте мои дорогие Валя, Леня* [Лёня] *и маленкая Ириночка.* […] *Живем мы все здоровы, толко вот у нас ничево не стало, корову продала, теленка зарезали. Толко остались еще 4 гуся да курица. Гусей тоже надо резат. Вот вторую неделю все плачу не могу привыкнут без коровы. Очен жал и держат сил не стало ухаживат, да и сена много надо покупат очень дорого. Так и решила продат».*

Здравствуйте Мои дорогие
Валя Лёка и маленькая Ириночка
все сами поприветствуют с Тамарой
Порошкова здоровья письмо и поздравительное
получили большое спасибо только та
Валя писала что с фотом
послала письмо но мы его не получили
незнаю где потерялось не верно
у нас у нас плохо погиблен ходит
вот огек Жалко фото что не получили

Начало письма бабы Шуры в Курск – Пожарово, 1959 г.

Я специально не стал править орфографию письма бабушки, только кое-где запятые и точки поставил. За обилие грамматических ошибок (например, она нигде не ставила знаки препинания и мягкий знак) не должно быть никому стыдно. Надо учитывать, что детство Александры прошло до революции, когда не все деревенские мальчишки-то учились грамоте, а про девчонок и говорить не приходится. Так что очень хорошо, что хотя бы так баба Шура умела писать письма своим детям (другая моя бабушка Мария Никифоровна была совсем неграмотной).

Александра Павловна умерла 24 мая 1960 года (вероятно, сказались последствия тяжелой болезни, перенесенной осенью). Тетя Валя мне рассказала, как все случилось. Так сложилось, что Ольге Михайловне, которая жила с матерью в Пожарово, надо было по делам работы на день уехать в Ярославль. В ее отсутствие с бабой Шурой случился сердечный приступ. Но она не могла все дела бросить, т.к. на ее попечение оставили внучку Надю, которой было 4 годика. А когда Ольга вернулась из города, то она сразу слегла. Проболела всего три дня. У Ненилиных сохранилось свидетельство о ее смерти, в котором указаны возраст (71 год) и причина «*кардиосклероз*».

На похороны в Пожарово съехались все родственники, которых судьба разбросала по всей стране. Кто-то сделал фотоснимок с гробом умершей на фоне родительского дома. Это редкий кадр, на котором запечатлены все дети Александры Павловны. Стоящая слева бабушка мне неизвестна, видимо, кто-то из местных. Рядом с ней дядя Костя, челябинский дядя Саша, потом мой папа. Стоящую рядом с ним женщину я также не знаю. Правее тетя Оля и дядя Саша ярославские,

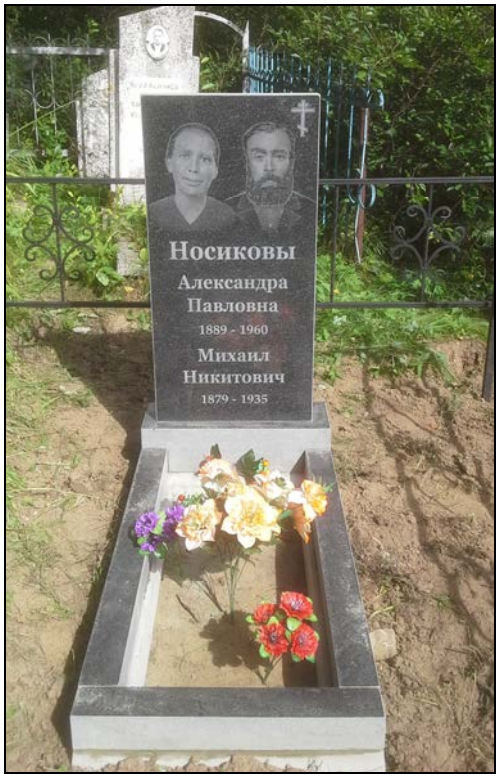
Родственники Носиковы, Ненилины и Сухоруких на похоронах Александры Павловны – Пожарово, май 1960 г.

далее тетя Валя и моя мама. Дети перед гробом – это я и мой брат Миша. Меня много позже папа и мама спрашивали: помню ли я что-то из той поездки? Мои воспоминания очень смутные, ведь мне было чуть больше четырех лет. Запомнился лишь яркий солнечный день.

Похоронили Александру Павловну рядом с мужем Михаилом Никитовичем на кладбище в Толбухино. Я несколько раз в разные годы его посещал. В последний приезд заметил, что памятник дедушке и бабушке стал приходить в негодность, стерлись некоторые буквы и цифры. Вместе с женой Татьяной решили заменить его на новый. Попросили ярославских родственников спилить разросшуюся на могиле рябину, заказали и оплатили новый памятник с оградой. Осенью 2018 года его сделали и установили. Спасибо за помощь Николаю Яковлеву и Надежде Виноградовой.

В ходе работы над книгой я получил фотографии от двоюродной сестры Светланы. Среди прочих оказалось хорошее изображение бабы Шуры, которое никогда не видел (это вырезка из другой фотографии). Свою бабушку в лицо я не помню, т.к. был слишком мал, когда видел ее живой в Пожарово. Поэтому знаю бабу Шуру лишь по фотографиям. Практически на всех сохранившихся снимках на ее лице улыбка, чуть снисходительная. И умные, внимательные и добрые глаза.

Баба Шура; новый памятник на могиле дедушки и бабушки – Пожарово, 1955 г.; Толбухино, 2018 г.

Завершая рассказ об Александре Павловне, хотелось бы привести слова ее дочери Валентины: «*На долю мамы досталась жизнь тяжелая. Как попала в семью, работала как негр, рожала чуть ли не в поле. Хозяйство было большое. Она не жаловалась на жизнь, такого не слышала никогда*».

Сильная женщина была моя бабушка. Она вырастила пятерых детей, у всех потом в свою очередь были дети, внуки. Так что частицы крови Александры Павловны сейчас в десятках людей (в том числе и во мне), род Носиковых продолжается. Вот как раз к этому вопросу и пора перейти.

4. Братья и сестры Носиковы

Семья Носиковых была многодетной, как говорил папа, в ней родилось девять детей. Все они показаны в родословном древе, приведенном ранее. Выжили пятеро: Константин, Александр, Павел (мой папа), Ольга и Валентина.

В метрических книгах Преображенской церкви нашел записи о рождении детей в семье Носиковых до революции. После первенца **Кости** (10 сентября 1909), на свет появились 25 октября 1911 года **Дмитрий**, 10 января 1914 **Павел**, 27 апреля 1917 **Ольга** (надо отметить, что Павел – это не мой папа, и Ольга – не ярославская тетя, это их тезки). Дмитрий, Павел и Ольга не дожили до взрослых лет. Точные даты их кончины неизвестны, в родословном древе годы указаны условно.

Отец говорил, что Дмитрий умер в 17 лет «*от сыпного тифа, паратиф, как его тогда называли. Помню, как он умер, болел тяжело, лежал, нас, конечно, к нему не пускали. Это было весной*». Папин тезка прожил «*лет 10 или 11*», а «*Ольга, по-моему, где-то лет 14 умерла*».

У меня вызывают сомнение эти данные, по крайней мере для двух последних детей (отец и сам был не уверен, называя сроки их жизни). Получается, что при живом Павле в семье в 1923 году появился еще один мальчик с таким же именем (мой папа), а в 1926 году тоже самое было с девочкой Олей. Подобные случаи происходили в старину в роду Носиковых (например, в XVIII веке в семье росли два Никиты – см. древо). Но вот чтобы такое случалось в советское время … Ну не знаю. Мне представляется более вероятным, когда повторные имена давались новорожденным после смерти первых детей. В пользу этого говорят и сведения, полученные от тети Вали. Она мне сказала, ссылаясь на свою мать Александру Павловну, что первая Оля прожила всего 5 лет.

Следующие дети в семье Носиковых появились на свет 3 сентября 1920 года, причем это сразу была двойня – **Саша** и **Никита.** Кто-то, возможно, подумает, что в родословном древе допущена ошибка, т.к. у первого указан 1919 год рождения. Объяснение тут такое: у Александра Михайловича в официальных документах записана не истинная дата рождения (он в молодости приписал себе год, чтобы приняли на работу). Про Никиту папа сказал, что тот прожил всего полтора года. Еще отец отметил, что имена Павла и Никиты для своих детей родители выбирали в честь дедушек (моих прадедушек): Никиты Носикова и Павла Лукина.

В нашем семейном архиве сохранилась интересная фотография, на которой семья Носиковых с тремя детьми. Снимок на обороте подписан: «*мать и отец со старшими братьями Костя, Митя и Павел (брат)*». Эти слова папа написал уже в наше время и по-моему ошибся. Дело в том, что Дмитрий и первый Павел родились с разницей всего в несколько лет, что явно не соответствует возрасту двух крайних детей на фото. И еще вопрос: почему на снимке только трое детей? Моя версия такая. На фотографии Александра Павловна держит на руках маленького Сашу, правее ее сын Костя, Михаил Никитович и сын Дима. Других детей – Павла 1-го, Ольги 1-й и Никиты – нет потому, что их уже не было в живых. Зная год рождения Саши, можно предположить, что снимок сделан летом 1921 или 1922 года.

Михаил Никитович и Александра Павловна
с тремя сыновьями – Пожарово, 1921-1922 гг.

После двойняшек 12 мая 1923 года появился на свет **Павел**, мой папа. Таким образом, он стал седьмым родившимся ребенком в семье. А если считать только выживших, то оказался третьим после братьев Константина и Александра. 14 января 1926 года на свет появилась **Ольга** и последней 26 марта 1930 года родилась **Валентина**. Трое последних детей оказались долгожителями.

5. Деревня Пожарово, родительский дом

Прежде чем приступать к изложению биографии своего отца, хотел бы сначала описать место, где он родился и провел свое детство. Таким образом, далее пойдет речь о деревне Пожарово Ярославской области (ранее губернии), в которой на протяжении как минимум трех веков жили восемь (а может и более) поколений рода Носиковых.

Принадлежность этой деревни в советских документах для разных лет указывалась поразному: Даниловский, Середский, Толбухинский, а сейчас это Ярославский район. Перед революцией деревня входила в Сандыревскую волость Романов-Борисоглебского уезда (город Романов-Борисоглебск в первые годы советской власти переименовали в Тутаев). А в XVIII столетии Пожарово относилось к Ярославскому уезду.

Теперь о церковной принадлежности деревни. Пожарово все время относилось к приходу Преображенского храма Приселка Нового, в который также входили деревни Голодяево, Ильинское, Петровское, Черницыно, Починки, Чертищево, Каликино, Павлищево. В воспоминаниях папы и его родственников неоднократно упоминались соседние населенные пункты из других приходов. Это села Толбухино (Давыдково), Сандырево, Новое (Приселок Новый), деревни Копосово, Матвеево, Андроники, Фёклино, Починки. Все они находились на расстоянии нескольких километров от нашей деревни. Читателям, полагаю, будет интересно глянуть на карту окрестностей Пожарово. Мне удалось найти историческую карту Ярославской губернии, составленную картографом Менде в середине XIX века. На ней многие упомянутые населенные пункты имеются (чтобы проще было ориентироваться, я продублировал крупными буквами названия некоторых селений). Для сравнения рядом поместил современную Яндекс-карту той же местности.

Сразу хотелось бы отметить, что ближайшим крупным населенным пунктом к Пожарово было село Давыдково, которое с 1950 года стало именоваться Толбухино по фамилии известного советского военачальника, происходившего из этих мест (из деревни Андроники). Это село находилось на юго-запад от деревни, до него по прямой линии чуть более 3 км, а по дороге могло быть и три с половиной версты. Этот путь дети Носиковы почти ежедневно проделывали (когда на лошади, а чаще пешком) на протяжении 6-10 лет, пока ходили в школу, находившуюся в Давыдково. На старой карте не показана железная дорога, т.к. она в то время еще не была построена. Современная железнодорожная станция Пучковский находится в 4 км от Пожарово в юго-восточном направлении. Не знаю, существует ли ныне тропинка от деревни к этой станции, по которой десятилетиями ходили все Носиковы (добираться до Ярославля было удобнее на поезде). Но озеро Лепекино, мимо которого она проходила, хорошо просматривается на старой и новой картах.

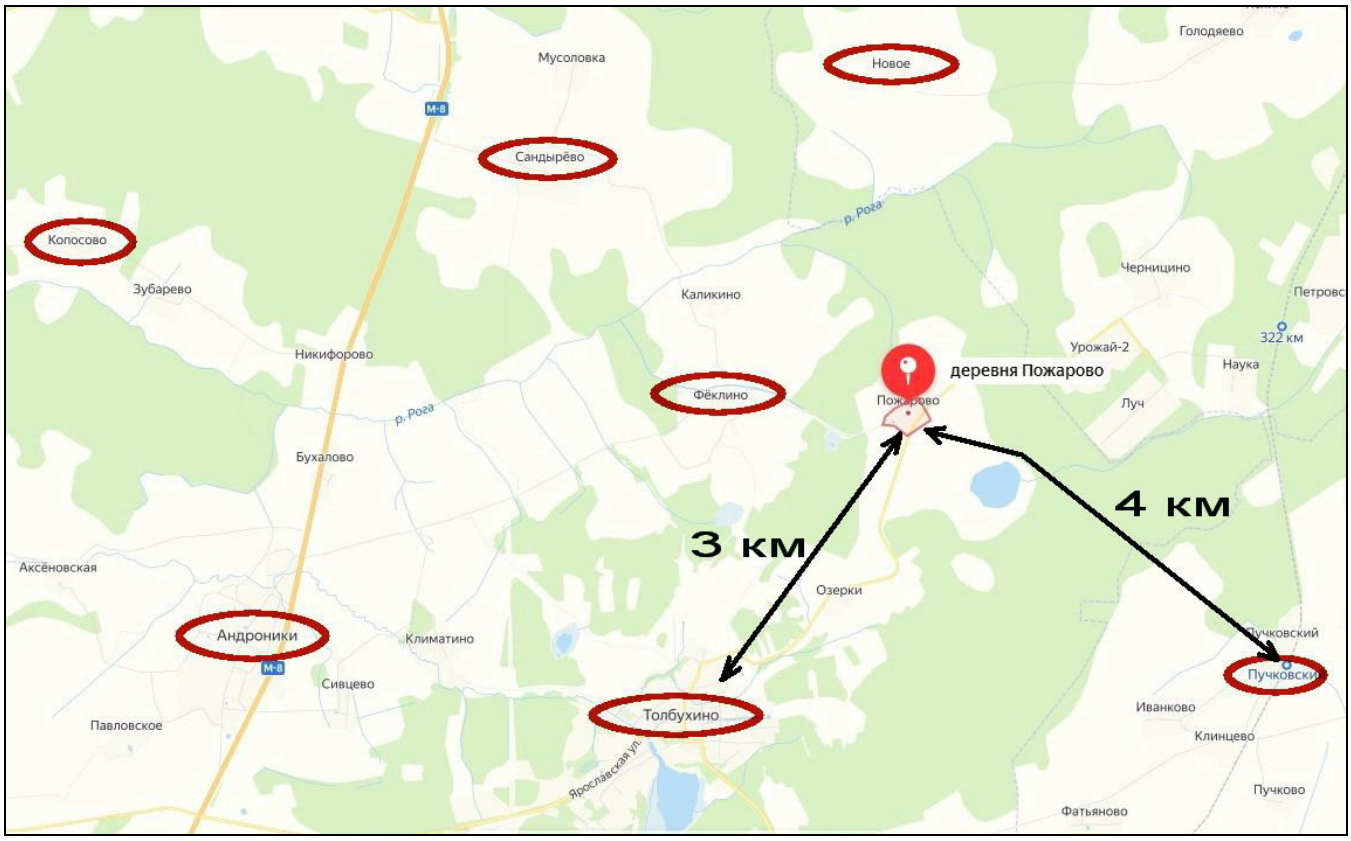
Мне хотелось привести в книге историческую справку о деревне Пожарово. Но, увы, поиск в интернете ничего не дал. Пришлось самому собирать сведения из разных исторических источников. Так, в исповедных ведомостях Преображенской церкви указывалось число дворов (домов), а также количество проживавших в них прихожан. В 1739 годы в Пожарово было 7 дворов, в которых жили 44 человека, в 1762 – 12 и 67 соответственно, 1789 – 10 и 54, 1803 – 11 и 114, 1819 – 8 и 51, 1841 – 9 и 66, 1861 – 16 и 100, 1878 – 15 и 69, 1911 – 15 и 90. Из этих цифр видно, что во все времена Пожарово было маленькой деревней. Численность населения в разные годы колебалась от 51 до 114 жителей. Такие изменения могли быть вызваны как естественными причинами (гибель людей от пожаров или эпидемий), так и следствием купли и продажи крепостных крестьян.

В отличие от деревни Копосово, в которой крестьяне были «*экономическими*», Пожарово всегда (по крайней мере, до отмены крепостного права) принадлежало какому-то помещику, который мог по личному желанию свободно перемещать людей между своими вотчинами или продавать их. Как удалось установить по архивным данным в XVIII веке Пожарово, а также другими соседними деревнями владел камергер (потом он стал генералом) Василий Иванович Стрешнев из известного дворянского рода. Более 40 лет деревня принадлежала этому высокопоставленному вельможе и есть большие сомнения, чтобы он хоть раз побывал в Пожарово (таких деревень у него могли быть десятки, если не сотни). После смерти помещика в 1784 году Пожарово было записано как «*Вотчины генеральши вдовы Настасьи Никитишны Стрешневой*».

Но всего через несколько лет владелец деревни сменился, новой помещицей стала Марья Никитична Миклашевская (иногда писали Миклачевская). Она была не такой известной, хотя ее

Фрагмент карты Ярославской губернии картографа Менде – 1850-е гг.

Яндекс-карта окрестностей деревни Пожарово в Ярославской области – 2020 г.

фамилия встречается на генеалогических сайтах. Марья Никитична была хозяйкой Пожарово чуть более 10 лет, и потом владельцем стал помещик Федор Антонович Азанчеев. В интернете можно найти информацию об этом человеке (фамилия иногда писалась Азанчеевский; но один ли это человек – данный вопрос не изучался). Он владел Пожарово около 40 лет. В 1838 году деревня была переписана на его сына подпоручика Якова Федоровича Азанчеева. Тот владел деревней несколько десятков лет вплоть до отмены крепостного права.

Вот такая краткая получилась историческая справка. Теперь перейду к воспоминаниям своих родственников. Они переносят нас на 60-90 лет назад в СССР, когда деревня еще существовала.

Сначала приведу слова папы: «*Деревня (Пожарово) небольшая была, где-то там 16-17 дворов всего. Рядом была маленькая деревня Починки.* [После того как ее жителей переселили в Пожарово] *стало где-то около 20 дворов. Крепкая деревня* [Пожарово] *была. Сколько я помню, в одном из домов раскулаченных был сельсовет. Я даже после войны приезжал – все время там сельсовет. Школа была в Толбухине (село Давыдково переименовали после войны). Большое село, когда-то было купеческое, очень богатое*».

Колхоз “Трудовик” организовали в 1930 году, в него входили Пожарово (там была центральная усадьба), деревни Починки и Фёклино. Помимо сельсовета в Пожарово была ферма для содержания колхозных коров, почта (где работал Михаил Никитович) и фельдшерский пункт (после войны?) О последнем упомянула тетя Валя: «*организовали акушерско-фельдшерский пункт, прислали на работу девушку, и она в нашем доме квартировалась. Она даже подружилась с Ольгой*».

Родительский дом находился в центре деревни. На основании ранее сказанного (что восемь поколений нашего рода жили в Пожарово) мне хотелось написать, что место под домом принадлежало Носиковым на протяжении трех веков. Однако я воздержусь от такого утверждения вот по какой причине. Известен старинный русский обычай, по которому родители оставались жить с младшим сыном, тому дом переходил по наследству. Если были старшие сыновья, то они после женитьбы отселялись и строили себе новое жилье. Глядя на древо можно заметить, что линия нашего рода по восходящей к предкам не в каждом поколении проходила через младшего сына. А это значит, что Носиковы переезжали. И где жили наши предки, например, в четвертом, пятом коленах, неизвестно и установить это невозможно. Можно лишь говорить, что это было Пожарово.

Однако пора вернуться к воспоминаниям родни. По словам папы на том месте, где ныне находятся остатки родительского дома, прежде стоял старый большой дом Носиковых «*пятистенный – как мать рассказывала*». После рождения двойняшек, как ранее уже говорилось, Михаил Никитович построил новый дом, тоже пятистенный. По словам Валентины Михайловны, родитель строил жилье с запасом, полагая, что когда сыновья вырастут и женятся, то понадобится расширение жилплощади. Поэтому он сделал высокий подпол с тем расчетом, что в будущем в нем можно будет прорубить окна и сделать жилую комнату. Увы, прогноз этот не оправдался. Сыновья еще до женитьбы уезжали из деревни в поисках лучшей жизни. Поэтому второй этаж (а точнее первый) так и не появился. Сам же дом смотрится довольно необычно – с большим крыльцом и высоко расположенными окнами.

Родительский дом – Пожарово, 1950-е гг.

Несколько старых фотографий, на которых виден родительский дом,

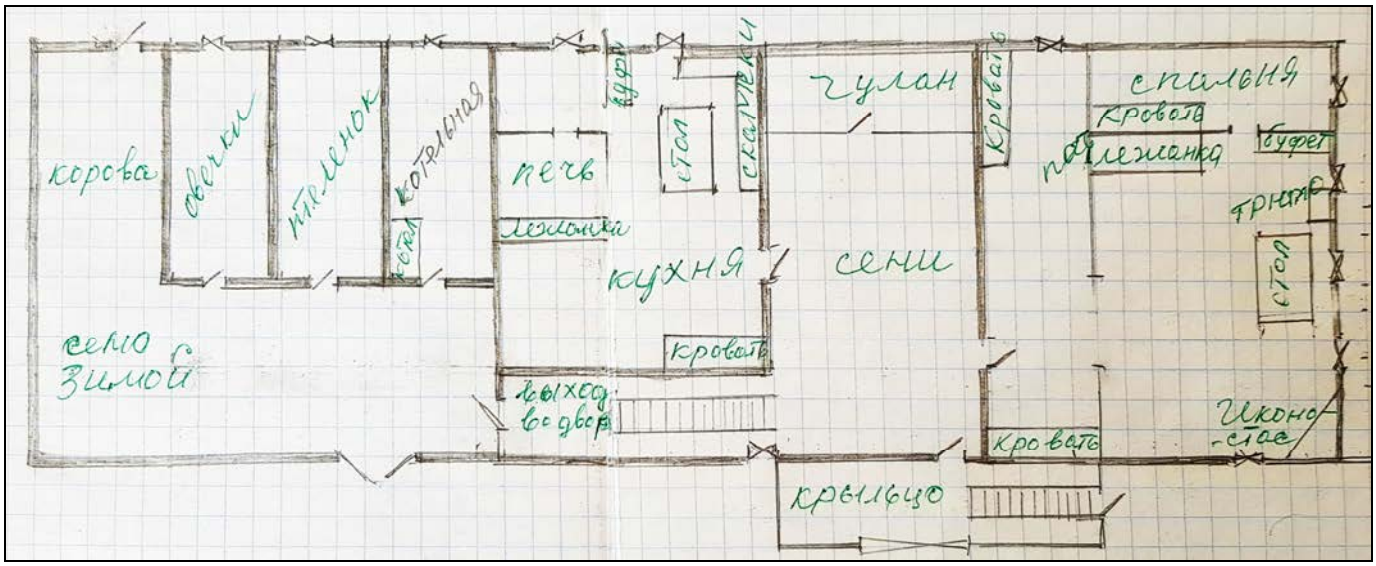
сохранились в архивах родственников. Они сделаны 2 августа в Ильин день, когда в Пожарово отмечался престольный праздник[1]. Как рассказывала двоюродная сестра Светлана, в этот день съезжались повеселиться со всей округи, приезжала родня Ненилиных из соседней деревни Матвеево. Сначала люди гуляли по домам, а потом собирались все вместе. В левой части снимка видно, как кто-то играет на баяне. Танцующая пара – это Валентина и Александр Носиковы (сестра и брат). В открытом окне видна баба Шура. Обращает на себя внимание красивый резной наличник на окне. Такие были на всех окнах дома.

Валентина Михайловна хорошо помнит родительский дом, я попросил его описать. Она рассказала, что в высоком крыльце было необычное оконце из разноцветных стеклышек. Ее племянница Светлана к этому добавила, что помнит надписи на стенках крыльца (это дети Носиковы когда-то писали карандашом или гвоздем). Далее тетя вспоминала:

«*Была верандочка. Заходишь в сени, они не отапливались, но были большие, наверное, метров 20 были. Из сеней направо была дверь в переднюю. А с другой стороны был вход в кухню. Там стояла русская печь. В передней была печь тоже, изразцовая, была лежаночка отцова. Она была на середине избы, выходила в обе комнаты. Передняя была разгорожена стеночкой. Была спальня отгорожена. А слева из сеней большая кухня, там русская печь была. Кухня была как столовая и там жили. Мы с мамой спали в передней части дома, там кровать стояла. А бабушка спала в кухне, там лежаночка была около печи. Когда я маленькая была, с мамой спала. А Ольга отдельно. На самой русской печке тоже спали, там очень хорошо, тепло спать. Около печки была лежаночка, тоже теплое местечко. Чердак в доме был. Мы дети туда орехи складывали, чтобы они доходили. Друг от друга прятали. Они полежат и становятся вкуснее. На чердаке ничего не хранили, т.к. в доме полно чуланчиков было. Под полом хранили овощи*».

Еще Валентина Михайловна сказала, что при ней (т.е. до 1950 года) электричества в доме и в деревне не было. Примерно тоже самое говорил и папа: «*Электричество без меня уже появилось, я уже не жил, до войны его не было*». Вечерами зажигали керосиновую лампу.

По моей просьбе тетя Валя нарисовала план родительского дома, каким его запомнила. Рисунок тети привожу без исправлений, как есть. Сделаю лишь одно пояснение. В левой (задней) части дома было помещение, помеченное на плане «*котельная*». Там стоял большой котел, в который наливали воду из колодца. И от печи она нагревалась, теплой водой потом поили скотину. Когда же в 1950-х годах в доме стала жить Ольга Михайловна и потом у нее появились дети, то из котельной сделали баню (прежняя баня находилась на улице и была довольно далеко от дома).

План родительского дома по воспоминаниям тети Вали – Курск, 2020 г.

[1] Храма в Пожарово никогда не было. А вот часовня в деревне была, папа даже показал примерное место, где она находилась (ее уже давно нет). На сайте “Храмы России” приводится информация, что ее построили в 1905 году, и скорее всего она была из дерева. Посвящение при этом не указано, но можно предположить, что часовня была Ильинской.

Про внутреннюю обстановку тетя рассказала следующее. «*У нас в доме был хороший иконостас. Там были такие иконы с окладами, было их несколько* [судьба икон осталась неизвестна, они пропали потом при продаже дома]. *Была швейная машина Зингер, ручная. Мама шила платья и мне, и Ольге, перешивала.* [Одежду] *было трудно купить, и негде. Помню, как мама перешивала Ольге свои платья. И даже когда Ольга училась в институте – она Ольге перешивала свое. Помню, у нее было подвенечное платье белое из шерсти. Потом я донашивала.*

Чашка и блюдце из родительского дома – Истра, 2020 г.

В доме стоял буфет – там, где кухня была. Там мы ели. И в передней комнате тоже был буфет красивый. Был стол, стулья. Посуда была неплохая, были старинные очень красивые чашки. [Когда] *приезжали на похороны, взяли как память. Голубенькая такая, я так жалела, не знаю, кто ее разбил. А остальное Ольге досталось, она осталась там жить. Помню, что буфет отдала в Матвеево Лизе, он потом у них стоял. Запомнила, что в передней комнате не было двери, а был проем, и шторы висели бархатные красивые. Был карниз толстый на кольцах. Полы некрашеные были. Пол покрасили после войны, когда Лёля приехала. И стены тоже некрашеные были*».

В цитате сказано о сервизе, который разобрала родня после смерти Александры Павловны. Если у курян чашка не сохранилась, то в нашем доме и в Ярославле они уцелели. Вот только блюдце у нас оказалось склеено (видимо, это сделал папа).

В архиве Ненилиных сохранилась фотография послевоенных лет, на которой Александра Павловна с курами и гусями. На дальнем плане на велосипеде катается ее внук Валера.

Говоря о домашнем хозяйстве и скотине мой папа сказал следующее: «*Корову и кур мать держала почти до последних дней своей жизни. Овцы обязательно были. Перед войной, когда бабушка к нам переехала, у нас две коровы были: бабушка свою привезла и еще наша. Сена, конечно, надо на двух коров много,* [поэтому] *одну корову продали. Вот даже вы* [отец показал на меня] *маленькие были, корова еще была. Свиней до войны держали, но мама почему-то не любила свиней. Она говорила “лучше теленка выкормить, и мясо лучше, и пользы больше, и меньше хлопот”*».

Баба Шура с домашней птицей – Пожарово, 1955 г.

Я попросил тетю Валю дополнить сведения о домашнем хозяйстве. «*Из сеней был выход во двор. Двор – это был под крышей сарай. Двор был огромный. Во дворе был отгорожен стенкой омшаник, там зимой были овечки. Корова стояла во дворе. В отдельных загородках помимо овечек был еще маленький теленок. По*

весне покупали гусиные яйца, подкладывали под курицу, она высиживала гусят. Их выращивали до осени, а осенью убивали на мясо. Свиней не выращивали. Мама не любила свиней. Чем свиней кормить? У нас же не было много картошки. Картошку сажали немного только себе на пропитание. Помню, когда Ольга приехала, Саша [ее муж] *пытался кроликов разводить и один раз свинью держали. Лошади своей не было. Телята были каждый год. Весной он рождался, гулял все лето, а осенью его на мясо. Корова хорошая была, удойная».*

К сказанному хотел бы сделать добавления. Первое касается того, как звали корову. Тетя не смогла имя вспомнить, но зато Светлана подсказала: «*Сайка*». Далее. Слова «*Лошади своей не было»* относятся к позднему времени. Тут следует вспомнить слова папы о том, что когда в начале 1930-х годов организовывался колхоз, у них «*забрали лошадь – кобылу Чайка*».

Говоря о живности, надо еще отметить, что, по словам Валентины Михайловны, собак в доме никогда не было. А кошка жила, звали ее Дымок (Дымка?)

По моей просьбе тетя Валя рассказала, что росло в саду: «*Плодовых деревьев (вишни, груш) у нас не было, из-за морозов ничего не выживало. Росла только яблоня ранетка. Ни у кого садов не было. На огороде были кустарники, смородина черная и красная, крыжовник. Малину собирали в лесу. А еще ходили в лес – орехи собирали. Мы все очень любили орехи. Это было ближе к осени».*

Спросил тетю и про то, как питались дома. До войны было так: «*Мясо было довольно редко, летом мы его не знали. Осенью, когда убивали скот, не все отвозили на рынок, что-то оставалось дома. В основном ели каши. В то время борщей не было, варили щи или суп. Второго блюда не было. Летом все время окрошка – это любимое дело. Квас сами делали, иногда из сыворотки. Квас всегда летом был, заделывали бочонок. Очень вкусный квас делала бабушка Ксюша».*

Окончив школу, дети Носиковы уезжали из родительского дома. Первым отбыл Константин (не позже 1927 года). В 1935 это сделал Александр. Мой папа повторил его путь в 1938. Ольга уехала учиться в 1944 году, а Валентина в 1946. Из всех перечисленных только Ольга зимой 1951-1952 годов вернулась в родительский дом и прожила в нем еще 9 лет. Остальные же, пока учились в Ярославле, ездили в Пожарово на выходные и каникулы. А выйдя на работу (или служа в армии), приезжали в деревню летом в отпуск. Это подтверждает Валентина Михайловна, это видно и по послевоенным фотографиям, сделанным в Пожарово. На них все члены семьи, нет только Константина (он приезжал в другое время, когда никто не фотографировал).

Привожу снимок, сделанный в Пожарово в первый послевоенный год. У сестер Носиковых

Прабабушка Ксения, тетя Оля, папа, тетя Валя, баба Шура на фоне дома – Пожарово, 1946 г.

закончилась учеба, они были дома. А их младший брат приехал в отпуск из армии. Видно, что у всех лица довольные (ну может, за исключением Ксении). Разумеется, все были рады встретиться с Павликом, которого давно не видели (это был его первый приезд на родину с момента эвакуации на Урал в конце 1941 года). В связи с этим хочу привести слова из воспоминаний папиной племянницы Светланы. Она часто летом гостила в Пожарово и припомнила, как дома очень ждали приезда дяди Паши и всей ватагой отправлялись его встречать за 4 км на станцию Пучковский.

Александра Павловна умерла в мае 1960 года. После этого примерно с полгода в доме продолжала жить тетя Оля (она работала врачом в Толбухино). Потом она перебралась в Ярославль к мужу в общежитие. Родительский дом продали какому-то частнику. В последующие годы дом как минимум еще раз поменял хозяев. Со временем Пожарово обезлюдело: кто помоложе был – тот уехал, а старики поумирали. Как дачное место деревня оказалась малопригодна, т.к. нормальной дороги в нее не было. На современной карте Яндекса можно найти Пожарово. Но это просто обозначение прежней деревни, которая уже не существует.

Когда я беседовал с папой в 1996 году, то он вспомнил, как за пару лет до этого посещал Пожарово вместе с сестрами: «*там еще четыре дома стояли. Наш дом продали обществу охотников Динамо. И вот база охотников. Ну, правда, двор там, крыльцо поломали, сожгли. И еще три дома стояло. В одном доме какие-то дачники жили из Москвы, мы с ними разговаривали. Один дом* [рядом с нашим] *тоже кто-то вроде купил. И был еще дом вот этого дядюшки* [видимо, Федора Никитовича Носикова], *он такой добротный, здоровый. Дорога* [в Пожарово] *есть, но теперь через другую деревню идет как бы в обход. А вот где мы раньше ходили прямо на Толбухино – так там все заросло*». Когда папа в следующий раз приехал в Ярославль, то его в родные места отвозил племянник Валера Ненилин на своем внедорожнике.

Я дважды бывал в Пожарово (если не считать нескольких приездов с родителями в раннем детстве). Один раз мы ездили в деревню в 1970 году (или около того) вместе с родственниками из Феодосии. От той поездки сохранилась фотография на фоне родительского дома. А в 2012 году я ездил с женой, с двоюродной сестрой Надей и отцом, это была его последняя поездка на родину. У меня машина вовсе не внедорожник, но мы смогли подъехать почти к самой деревне, т.к. незадолго до этого от Толбухино сделали хорошую асфальтовую дорогу (она идет дальше). В деревне Пожарово сохранилось несколько заброшенных домов и, к счастью, уцелел родительский дом. Я сделал несколько снимков, один из которых здесь привожу. Сравнивая его с предыдущим изображением, видно, насколько состояние дома за прошедшие десятилетия ухудшилось. Это и понятно, ведь он нежилой. Известно, что если в доме люди не живут, то со временем он умирает. В этом я сам лично убедился, когда увидел дом. Состояние его оказалось очень плохое: двери и окна выбиты, стены покосились. А внутри полный разгром, полов нет. Вид настолько печальный, что даже фотографию внутри комнаты приводить не хочется. Папа, видя все это, прослезился.

Папа, тетя Таня и я у родительского дома – Пожарово, 1970 г. (примерно); 2012 г.

6. Детство Павла, учеба в школе в Давыдково (1923-1938)

Автобиография:	«*В **1931 г.** поступил учиться в Толбухинскую неполную среднюю школу, по окончании которой в **1938 г.*** […]».

Папа, как уже говорилось, родился 12 мая 1923 года в Пожарово. В нашем семейном архиве сохранился замечательный снимок, на обороте которого написано: «*Брат Саша, сестра Ольга, я, 1927 г.*». Отец это писал в последние годы и мог

Саша, Оля и Паша Носиковы; отдельно Паша – Пожарово, 1927 (1926?) г.

ошибиться с датировкой. Оля родилась в январе 1926 года, а снимок сделан летом. Стало быть, девочке должно быть полтора года. А малышке скорее полгода. В таком случае снимали в 1926.

О раннем детстве Павлика у меня сведений нет, поэтому сразу перехожу к школьным годам.

В школу в то время брали с 8 лет. Поэтому Паша пошел в первый класс осенью 1931 года. Я его спросил об учебе в школе, наказывали ли дома за плохие отметки? Он ответил отрицательно, сказал, что отец Михаил Никитович «*меня благоволил всегда потому, что я учился хорошо, ему это нравилось. Прилежным всю жизнь был учеником. Я был всегда в числе самых лучших учеников. Был пионером, в комсомол вступил в 7-м классе*».

Папа рассказал, как добирались на занятия: «*Мы пешком, это три с лишним, почти четыре километра, каждый день ходили в школу. Когда зимой, я помню, если погода плохая, дорога плохая, заметет,* [то] *нас возили на* [колхозной] *лошади в школу. Отец* [Михаил Никитович] *тогда был почтальоном. У него была лошадь. Он запрягает лошадь, едет за почтой* [и одновременно вез маленькую дочку Олю] *к началу занятий. А мы ходили пешком. Причем интересная ситуация была. Я учился в 4-м классе, а Саша уже в 6 или 7-м. И у него друг был (Вакин Анатолий). Мы всегда выходили раньше. А эти два постарше были. Они поджидали – как только отец выезжает, они сзади там на полозья встают. И он их везет. Отец, конечно, это видел, но там же сын родной, что он его сгонит что ли. А потом уже нас догоняют где-то на подходе к селу, мимо нас проезжают, нам ручками помашут. Они хитрее были* [папа смеялся, когда это рассказывал]».

Когда я ездил с папой в 2007 году в Толбухино (в Пожарово тогда не смогли попасть), он показал двухэтажный дом у озера и сказал, что это бывшая школа: «*Классы большие были. Было два первых* [класса]». Это потом подтвердила и тетя Валя, при этом сказав, что из-за большого числа учеников в селе было три школьных здания. В ту поездку я сделал снимок одного из них. Но он получился неважный. По моей просьбе двоюродная сестра Надежда Виноградова недавно заново сфотографировала школьное здание у озера, я привожу его.

Одно из школьных зданий, в котором учился папа – Толбухино, 2020 г.

Когда спросил отца про трудности, голодали ли в детстве, он ответил следующее: «*в нашей семье не было такого, чтобы мы недоедали, в школу когда-то голодные ходили. Больше того я помню в начальной школе учились, там были бесплатные завтраки. И мать иногда говорила: "Ну пойдете вы туда в эту столовую завтракать". Всегда с собой мы что-то брали, носили. Вот когда отец умер, трудности были. Помню, утром рано уходили занимать очередь, чтобы купить хлеба.* [Вообще-то] *хлеб обязательно пекли в своей печке.* [Но] *в тот период муки-то не было, не из чего печь-то было.* [А так в магазине ничего не покупали] *кроме сахара, соли».*

На мой вопрос – как проводили лето в деревне? – папа ответил так: «*Мы грибы собирали, лес был в Романцево где-то метров 300-400 от дома.* [У нас] *с Сашей были здоровые короба такие, корзинки. У него свой маршрут, у меня свой. Где-то, наверное, с полкилометра проходим и набираем этих грибов, что потом еле тащим домой. Грибы были в основном подосиновики. За белыми надо было дальше идти в березняк, нас одних туда не пускали. Были вот эти грузди. Опят мы вообще не признавали как грибы в тот период и никогда не собирали, я их в жизни не собирал. Она* [мать] *отбирала самые молоденькие*, *мариновала их в глиняных горшках (стеклянных банок-то не было). В русской печи были противни огромные,* [мать] *нарежет* [грибы] *и туда. У нас на чердаке стояла корзина плетеная с крышкой, огромная такая. И вот полная корзина этих грибов сушеных. Зимой суп варили,* [можно было] *с картошкой там жарить их. Рыбалка была. Тогда не ловили удочками, а ловили бреднями. Я помню, Костя приезжал, он обязательно организовывал рыбалку, ловлю бреднем на озере Лепекино. Близко у берегов там мелко (очень много ила было), а если подальше – там были вот такие карасищи».* Показывая размер рыбы, папа развел руки, как бывалый рыбак (на самом деле не помню, чтобы отец когда-либо ловил рыбу, рыбаком он не был).

Еще спросил папу про охоту. И вот какой получил ответ: *«Я никогда не охотился, и у нас дома никто не охотился. Один у нас был мужчина, у него ружье было, каждую зиму бил зайцев. Волков били, мы даже бегали смотреть, в школе тогда учились. Там убьют где-то охотники – пошли волков смотреть. Мы на перемене побежали».*

На мои расспросы об обязанностях по дому отец ответил так: *«У нас был огород. Летом обязанность была поливать этот огород. Копать-то мы маленькие не копали, а вот поливать, полоть* [было за нами]. *За каждым были закреплены какие-то грядки, ухаживали, поливали. Мы таскали воду из колодца в ведрах. Она* [мама] *уйдет на работу,* [надо было] *напоить теленка, воды из колодца домой наносить, чтобы чан полный воды был всегда в доме. Сено – ну это была одна из самых больших обязанностей. Косили взрослые. А вот ворошить сено, чтобы оно быстрее высохло* [это делали мы]. *Скосят в валках – надо эти валки разбросать. Полдня прошло, его надо перевернуть, называется ворошить. Мы заняты были* [все лето]».

В другой раз папа дополнил свой рассказ: *«Я маме помогал, мы убирали сено. У каждого дома была так называемая овинница – участок где-то соток может быть 10-15, а может больше, где трава специально росла. И вот ее скашивали, и это сено сушили. Если туча приближалась, то наша обязанность была сгрести это сено, собрать в кучу, чтобы его не вымочило».*

Дети подрастали, работы для них становилось больше. «*Когда в колхозе уже были, там бригады были, убирали это сено всеми бригадами. Мы маленькие тоже участвовали, сгребали это сено. Взрослые грузили на эти повозки, увозили в сараи».*

А в конце трудового дня все вместе отдыхали: *«Где-то под вечер, когда убрали все это сено, молодежь и пожилые все шли на озеро купаться. Тогда же ведь не было плавок, и трусов тогда не было! В кальсонах мужики ходили. А жарко – так вообще без кальсон. И вот купались. Там стоял кустик такой. Значит по одну сторону кустика мужчины, по другую сторону женщины. Купались голые вместе в одном озере. Мужики помоложе, как в воду заплывали, там женщин хватают. Те кричат, шумят* [рассказывая это, папа смеялся]. *Жизнь была такая полнокровная, веселая. И все вместе»*. К этому могу лишь добавить, что мой отец хорошо плавал, мог подолгу находиться в воде. И меня с братом еще в детстве научил плавать.

Тетя Валя припомнила, как брат Павел «*делал палисадник перед домом и носил из леса всякие заготовки. Для этого я с ним ходила в лес и носила, сколько могла, разных веточек для загородки. Он же посадил в садике цветочки и поставил скамеечку там. И в огороде пытался сажать клубнику, но как-то ничего у него не получилось. Он всегда пытался что-то сделать для дома».*

На этом завершаются воспоминания папы о школе и детстве. К этому периоду его жизни можно добавить слова, которые напечатаны в книге “Ветеранский полк”: «*В детстве, по воспоминаниям Павла Михайловича, он любил слушать сказки о героях-богатырях, защищавших русскую землю и её народ, читал книги об исторических подвигах наших предков, приумножавших славу Руси. И, наверное, сам мечтал совершить что-нибудь героическое*». Что на эти слова сказать? Мне папа ничего такого не говорил. Как-то это все похоже на выдуманную автором статьи красивую историю, былину. Хотя кто его знает – может и на самом деле все так было в детстве Павлика.

Учась в седьмом классе школы, папа в феврале 1938 года вступил в комсомол, ему шел 15-й год. Он оставался в этой организации, как свидетельствуют документы, до 1951 года. В нашем домашнем архиве хранится его комсомольский билет, выданный организацией «*Сталинский РК ВЛКСМ*» (Районный комитет, Всесоюзный Ленинский коммунистический союз молодежи). В билете нет отметок о взносах за первый год (вероятно, потому, что он был школьником и доходов не имел). Платежи (по 20 копеек) появились только с августа 1939 года, когда уже учился в техникуме и получал стипендию. Я решил увеличить фотокарточку из комсомольского билета, т.к. кроме приведенной выше фотографии Паши в трех-четырехлетнем возрасте других изображений моего отца в детстве нет. Следующие по датировке снимки относятся к концу войны и к более позднему времени.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ВСЕСОЮЗНЫЙ ЛЕНИНСКИЙ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ СОЮЗ МОЛОДЕЖИ

КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ

№ 4423889

Фамилия Носиков

Имя и отчество Павел Михайлович

Год рождения 1923

Время вступления в ВЛКСМ Февраль 1938

Комсомольский билет и вырезанная из него фотография Павла Носикова – 1938 г.

7. Учеба в техникуме в Ярославле, начало войны, эвакуация (1938-1941)

Анкета (из военкомата):	«***сентябрь 1938 – август 1941,*** *студент Ярославского автомеханического техникума, г. Ярославль;* ***август 1941 – сентябрь 1942****, наладчик автоматов, госзавод № 62, г. Ярославль;* ***с ноября 1941*** *Челябинск*».

Весной 1938 года Павел Носиков окончил 7-й класс в Давыдковской школе. Как мне объяснила тетя Валя, он мог бы учиться дальше до 10 класса (так, например, позже поступила его сестра Ольга). Но учитывая трудное положение в семье, в которой не было отца, Павел решил быстрее получить рабочую профессию, чтобы начать самостоятельно зарабатывать деньги.

Папа учился в школе хорошо и, думаю, без проблем поступил в автомеханический техникум, находившийся в Ярославле. Почему он выбрал это учебное заведение? К сожалению, моя запись разговора с отцом заканчивается школьными годами, и потому ответа я не знаю, как и того – были ли в городе другие возможности для получения рабочей профессии (думается, что какие-то варианты были, т.к. Ярославль и в то время был крупным городом, областным центром).

Хочу поделиться своими соображениями о причинах, почему папа оказался именно в этом учебном заведении. Первое – это то, что в автомеханический техникум несколькими годами ранее пытался поступить средний брат Саша (его попытка оказалась неудачной, видимо, потому, что в школе учился хуже). Стало быть, Павел знал об этом учебном заведении, наверняка, брат что-то рассказывал. А вторая причина – это удобное расположение техникума. Если ехать из дома на поезде, то первая остановка в Ярославле после моста через Волгу – это станция Приволжье. И как раз рядом с ней находится здание техникума[1]. Так или иначе, выбор был сделан, папа поступил в техникум и стал в нем учиться рабочей профессии.

О своей учебе в Ярославле Павел почти ничего не рассказывал. В библиотеке РГБ я нашел и прочитал книжку об указанном техникуме. В ней написано, что он был основан в 1929 году и поначалу именовался автомашиностроительным. С 1933 года учебное заведение переименовали в автомеханический. В это же время техникум получил собственный учебный корпус.

В указанном техникуме с 1946 года стала учиться папина сестра Валентина, она поделилась своими воспоминаниями. Так тетя сказала, что были два преподавателя (один из них по истории), которые помнили ученика Павла Носикова. Еще она говорила, что жила в общежитии при техникуме и получала стипендию. Думаю, что все аналогично было и у моего отца. У Валентины Михайловны сохранилась фотография автомеханического техникума, которую здесь привожу.

На каникулы Павел приезжал в родную деревню. В Пожарово также приходилось работать, на отдых оставалось немного времени. Сын помогал матери по хозяйству, а если была возможность – то и подрабатывал. Про один такой случай папа сам рассказал, когда шла речь о старшем брате Косте: «*Это был 1940-й год. У него были каникулы, и у меня каникулы, я в техникуме учился. И мы работали. Там у нас возле деревни озеро, бурили скважину,* [т.к.] *воды не хватало. Был водопровод проложен к станции Пучковский, где паровозы заправлялись водой*».

Автомеханический техникум – Ярославль, 1947 г.

Интересно, что на одной из современных топографических карт я нашел обозначение этого водопровода в виде голубой

[1] Кто-то это может посчитать несущественным аргументом. В ответ могу сослаться на личный пример: ровно по такой же причине я в свое время из множества ВУЗов Москвы выбрал МАИ как раз из-за близости к железнодорожной платформе, с которой можно напрямую ехать в Истру.

Карта с линией водопровода.

прерывистой линией. Начинается он от водокачки (отметка «*вдкч.*») и кончается у железнодорожной станции Пучковский. Отметкой «*нежил*» обозначено место несуществующей деревни Пожарово (все отметки для наглядности обвел).

Недостаток информации по периоду обучения в техникуме частично восполнил мой племянник, которого зовут так же, как и папу – Паша Носиков. Он расспрашивал своего дедушку о его участии в войне и что было перед ней. Так, спросил, было ли ощущение надвигающейся войны? Вот папин ответ: «*Конечно! Был и фильм "Если завтра война". Был членом ОСОАВИАХИМа*[1]*, ходили в лыжный поход 300 км зимой, встречались с награжденными на Хасане*[2]».

По отметкам о взносах в комсомольском билете отца видно, что с января 1940 года он стал получать зарплату – сначала 65 рублей, потом в разные месяцы было 85 и 70. После январской зарплаты 1941 года в 80 рублей следующие полгода в графе "Месячный заработок" почему-то стоит прочерк. Другой информации о первых трех годах учебы в техникуме нет.

Внук Паша спросил дедушку о том, как он узнал о начале войны в июне 1941 года:

«*Когда началась война, я уже был переведен на четвертый курс* [техникума], *заключительный. И в этот момент в июне месяце мы проходили производственную практику, проходил ее на* [ярославском] *автозаводе, в то время там был автозавод тяжелых автомобилей, сейчас там моторный завод. И там услышал впервые о начавшейся войне. Выступление Молотова слушали мы прямо во дворе этого завода, там динамики были установлены. Нас сразу отпустили. Все мы жили в общежитии при техникуме, направились в техникум. Собрались мы группой, и вот кто-то сказал из группы, что пойдемте записываться добровольцами. Нам тогда казалось в силу юношеского максимализма, что стоит нам только вступить в армию на защиту, и мы решим эту задачу победоносно. Пошли мы в военкомат. Ну что я могу сказать? По дороге невольно как-то мысли возвращались – мама жила в деревне, отца уже не было, были еще две сестры моложе меня, которые в школе учились – как я скажу маме, что вот пошел добровольцем. Явно расчет* [у нее] *был, что я как кормилец должен быть в семье. Но получилось так, что когда мы пришли к военкомату – там двор такой большой был – забит был полностью народом. Пройти в помещение было нельзя*».

Далее папа продолжил: «*Но в это время вышел работник военкомата и через рупор металлический объявил, что никакой записи добровольцев в военкомате производиться не будет, мы заняты формированием частей, которые положены по нашему мобилизационному плану. А добровольцев будут оформлять через партийные и комсомольские органы. Мы ушли. В техникуме занятия к этому времени вообще уже прекратились, практика тоже закончилась, и нас распустили на каникулы*».

Далее внук спросил: «*Слышали ли вы*[3] *речь И. Сталина 3 июля 1941?*» И получил такой ответ: «*Нет, был в деревне. Потом прочитал в газетах ни один раз*».

Каникулы продолжались «*где-то недели две*» и потом пришла повестка с вызовом обратно в

---

[1] ОСОАВИАХИМ – это "Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству".

[2] По сведениям из интернета: «*Хасанские бои – серия столкновений в 1938 году между Японской императорской армией и РККА из-за оспаривания Японией принадлежности территории у озера Хасан*».

[3] Внук Паша со своим дедушкой, конечно, общался на ты. Но тут он решил обращаться на вы, т.к. записывал видеоинтервью не для себя, а для какого-то сайта и задавал вопросы по анкете, присланной оттуда.

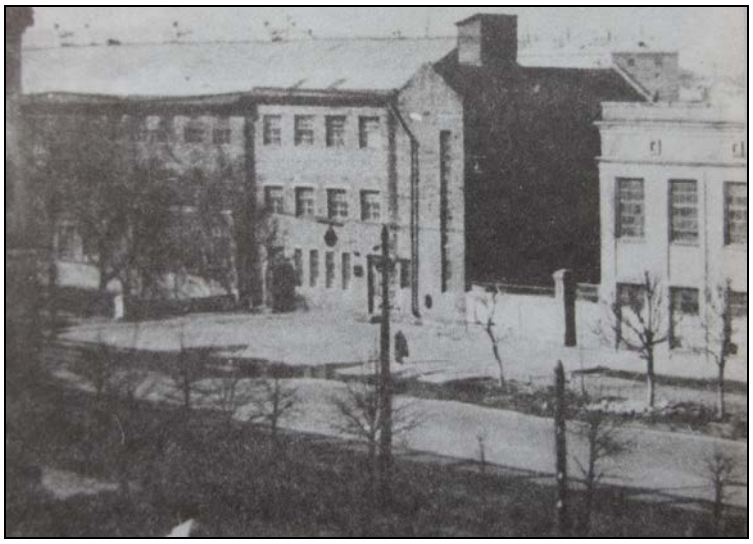
техникум. Пришлось из Пожарово возвращаться в Ярославль. «*Оказывается, четвертым курсам была команда дана завершать обучение. Нам уже выдали темы дипломных работ, чтоб готовить диплом, хотя мы ряд предметов еще не изучали. Вот приходим на занятия, а преподавателя уже нет – в армию мобилизовали. Заменяют* [его] *другим. Или самостоятельно* [занимаемся] *в оборудованных кабинетах, там разобранный автомобиль, схема электропроводки и т.д. Но долго мы не занимались. Где-то недели* [через] *две к концу уже июля месяца команда дана нас распределить на заводы. И я попал на военный завод 62-й* [в Ярославле]. *Это Министерства боеприпасов*». Десятилетием позже папа в своей автобиографии написал следующее: «*по призыву горкома комсомола пошел работать на военный завод № 62 в качестве наладчика токарных автоматов*».

Таким образом, Павел Носиков учился в техникуме не четыре года, как было предусмотрено планом, а только три, так сложились обстоятельства. По документам же считается, что техникум он закончил, хотя не все положенные по учебной программе предметы успел пройти.

Далее началась трудовая деятельность на ярославском заводе № 62, там уже работал средний брат Александр. «*Пришел туда, там сразу оформили в отделе кадров. В цех пришел, меня направили к мастеру на производственный участок. Он спросил: "Откуда я, что я знаю?" И говорит: "Ну, будешь работать наладчиком у нас автоматов". А я этих* [токарных?] *автоматов и в глаза не видел до этого. Но тем не менее. Меня прикрепили к наиболее компетентному мастеру. И в этот момент на завод получили пять новых автоматов с Московского станкостроительного завода им. Орджоникидзе. Их установили и начали настраивать. И я все время работал с ним по настройке этих автоматов. Мы пару или тройку настроили, начали они продукцию давать*».

Судя по записям в комсомольском билете, зарплата папы с сентября 1941 года существенно выросла, достигнув 250 руб. Это и не удивительно, он начал трудиться на оборонном заводе.

Захотелось узнать об истории предприятия, с которого началась трудовая биография моего отца. В 1992 году в Челябинске была издана книга "Этапы большого пути", в которой есть необходимая информация. В ней написано, что в 1931 году «*на территории бывшей спичечной фабрики Думаева, где прежде размещался завод "Госшвеймашина", было решено создать новый завод по выпуску*» оборудования для предприятий Ярославля. С этого началась история завода, позже получившего номер 62. В следующем году был построен первый корпус. В книге приведена довоенная фотография одного из заводских корпусов. В интернете узнал, что в начале войны "Ярославский механический завод № 62" был передан в подчинение Всесоюзного снарядного треста. На сайте архивной службы Ярославской области написано, что завод «*должен был производить осколочные, бронебойные и трассирующие снаряды и головные и донные взрыватели*».

Фасад механического завода – Ярославль, 1930-е гг.

Папа недолго[1] трудился в Ярославле. На заводе выпускали оборонную продукцию, он находился недалеко от Москвы, к которой стремительно приближались немцы. Как написано на одном из сайтов: «*Только за октябрь 1941 г. произошло около ста налетов немецкой авиации* [на Ярославль]. *В результате погибло 327 человек, было ранено 552 человека, уничтожено 15 жилых домов, 4 железнодорожных вокзала, 175 вагонов*». Поэтому правительство 15 октября приняло решение об эвакуации завода № 62 и многих других оборонных предприятий подальше вглубь страны. И уже 21 октября с железнодорожной станции Всполье отправился первый эшелон с оборудованием завода. А в конце ноября на восток ушел последний, шестой эшелон.

[1] Как долго – я напрямую отца не спрашивал. В двух газетных публикациях написано, что Павел Носиков успел поработать в Ярославле всего три недели. Однако по данным анкеты получается, что он начал трудиться на заводе в августе. И работал до октября, когда поступила команда на эвакуацию. Таким образом, получается, его трудовой стаж в Ярославле составил около двух месяцев.

В интервью внуку Павел Михайлович Носиков подробно описал, как проходила эвакуация:

«Где-то в середине октября [1941 г.] *в 20-х числах поступила команда: завод этот* [№ 62] *должен быть эвакуирован в тыл. Собирают по участкам рабочих, говорят: так и так, поедут все, у кого позволяет семейная обстановка. И сразу стали готовить к эвакуации, срывать станки с фундаментов. На завод проходила ветка железнодорожная,* [стали] *прямо грузить на платформы. Где-то это продолжалось дня 3-4, и первый эшелон был сформирован. Домой меня отпустили, съездил домой, взял кое-какие вещи и приехал* [назад]. *Сформировали эшелон, погрузились мы и поехали на восток. Проехал я мимо родного дома* [точнее через станцию Пучковский], *доехали до Данилова, повернули на восток через Буй, Киров, Молотов (это Пермь нынешняя) на Свердловск. Продержали полсуток, может больше, и потом ночью повезли дальше, куда – никто ничего точно не знал. Ехали мы, конечно, в вагонах не в плацкартных, а в специальных, оборудованных для перевозки личного состава, но грузовые, утепленные, с теплушками, никаких других удобств не было. Ехали мы недели две наверно».*

Здесь я на время прерву рассказ отца и приведу цитату из книги “Этапы большого пути”: «*из-за бомбежек и перегрузки железных дорог эшелоны двигались медленно, подолгу простаивали в пути. Первый эшелон, например, прибыл к месту назначения только на восемнадцатые сутки* […] *Часто поезда останавливались из-за больших снежных заносов, и тогда на расчистку путей выходили все, кто мог держать в руках лопату»*. Все сказанное относилось к первому эшелону. Именно в нем отправился Павел Носиков на восток нашей страны.

8. Работа на Урале (1941-1942)

Анкета (из военкомата):	«***с ноября 1941,*** *наладчик автоматов, госзавод № 62, Челябинск».*

Продолжу рассказ Павла Михайловича своему внуку: «*Утром где-то в первых числах ноября вдруг остановился наш эшелон, старший стучит в дверь – вылезай, приехали. Привезли нас в Челябинск, там недалеко от города разъезд Шерстни называется. Подцепили теплушкой, повезли еще километра два или три* [на] *элеватор. Это новый построенный был буквально накануне войны элеватор, склады кирпичные,* [их] *несколько, длинные. Их уже к этому времени освободили от зерна и в этих складах мы начали долбить фундаменты для своих станков, затаскивали их, заливали фундаменты, и сразу подключали».*

В книге “Ветеранский полк” есть дополнительная информация: «*здесь* [в Челябинске] *было столько примеров трудового героизма, что не сосчитать. Словом, через два месяца завод выдал первую продукцию – снаряды для авиационных пушек* [калибра 22 мм]. *Мы работали по двенадцать часов в сутки».* По сведениям из интернета первая продукция на заводе была выпущена 12 декабря 1941 года, т.е. спустя 5 недель после прибытия первого эшелона.

Челябинские краеведы в архиве разыскали информацию об оборонных предприятиях города и выложили ее во всемирную сеть. Там есть информация и о нашем предприятии: «*Завод № 62 4ГУ НКБ, г. Ярославль эвакуирован в Челябинск на площадку бывших складов УГМР Наркомзага, (1249 ед. оборудования, 1980 человек). Первый эшелон прибыл в Челябинск 07.11.41 г. Выпускал снаряды. Упоминается обозначение – п/я 161* [почтовый ящик] *(1943 г). Сейчас это Челябинский АМЗ. (Постановление о размещении Челябинского обкома партии от 09.11.41)*».

Вот так отец впервые в жизни оказался за пределами Ярославской области. Как мне рассказала двоюродная сестра Светлана, проживающая ныне в Челябинске, Павел Михайлович уехал в эвакуацию вместе с работавшими на том же заводе ее родителями – Александром Михайловичем Носиковым (родной брат моего папы) и его женой Елизаветой Николаевной.

Ярославских рабочих по прибытию на Урал размещали, где только могли. В книге “Этапы большого пути” об этом написано так: «*Жилых домов около завода в ту пору не было, а всего из Ярославля прибыло 3.300 работников завода и членов их семей. Эвакуированные жили* […] *в деревнях Сосновка, Смолино, Исаково, Сухомесово на расстоянии от десяти до тридцати километров от промышленной площадки. На работу ездили на открытых машинах.* […] *в зимнюю непогоду многие часто ночевали в цехах».*

О подробностях своей жизни и работы в Челябинске папа не рассказывал, лишь отмечал, что было очень тяжело. Необходимую информацию я получил от родственницы Светланы. Она, ссылаясь на воспоминания своих родителей, рассказала, что первое время жили все вместе в землянке с земляным полом. А ведь стоял уже ноябрь, было холодно. Челябинск расположен на южном Урале и зимы там настоящие, с крепкими морозами. Землянка находилась в 6 км от завода. Поэтому частенько бывало, что Александр и Павел после окончания смены не шли домой, а оставались ночевать на заводе (все, как описано в книге). Как сказала Светлана: «*Приходили, когда надо было постирать*». О том, насколько тяжелые были условия быта на Урале, говорит и тот факт, что почти сразу после родов Елизавета Николаевна уехала с новорожденной Светой в Пожарово, где и прожила потом три года. А иначе дочь могла и не выжить, если бы осталась в землянке.

Тетя Валя к этому добавила: «*Условия труда в Челябинске были очень трудные, работали на морозе, руки примерзали к металлу. У отца сильно заболели ноги. И он предпочел пойти в армию*».

Последние слова сестры о брате, признаюсь, меня поначалу огорошили: «*предпочел пойти в армию*». Получается, что Павел смалодушничал, спасовал перед трудностями в быту и на работе? Но у меня язык не повернется обвинить в чем-то подобном своего отца. Разве можно желание пойти на войну с врагом назвать поиском легкой жизни? Да, в тылу было тяжело, порой очень трудно приходилось жить и работать. Но ведь там не было бомбежек и обстрелов, не грозила смертельная опасность, какая подстерегала солдат на фронте.

К сожалению, пока не удалось найти ни одного старого снимка челябинского завода № 62, который позже стал называться Челябинский АМЗ (автоматно-механический завод). Поэтому размещаю найденный в сети снимок, сделанный в наши дни. Понятно, что это не тот корпус, с которого начинался завод. Один из местных жителей мне написал про сегодняшнее состояние АМЗ: «*от завода остался один цех, остальное постепенно догнивает*».

Проходная АМЗ – Челябинск.

Информации об этом периоде жизни отца совсем немного, к сказанному можно лишь добавить данные из комсомольского билета о его зарплате за 1942 год по месяцам (в рублях): «*250, 1100, 400, 380, 410, 425, 597, 597, 597, 400, 200, 8-50*». Как видно в декабре заработок резко упал. Объяснение здесь простое: в указанное время папа на заводе уже не работал. Почему? Здесь мы переходим к новой странице биографии моего отца, как он сам считал – самой важной в его судьбе. Павел Носиков был призван в армию, которой потом отдал более трех десятков лет.

9. Призыв в армию, учеба на радиста, формирование УДТК (1942-1943)

Послужной список:	«***сентябрь 1942 – май 1943**, курсант, 2-е курсы радиотелеграфистов при Главном Управлении связи Красной армии, г. Свердловск*».

Работая на оборонном предприятии, братья Носиковы имели бронь, которая освобождала от призыва на фронт. Но папу это не устраивало, ему хотелось непосредственно принимать участие в войне с немцами, своими руками громить врага. И вскоре появилась возможность попасть на фронт. Как это произошло – об этом и пойдет речь далее.

Но сначала необходимо кое-что пояснить. Об этом периоде своей жизни папа в последние годы писал довольно часто в различных статьях, наиболее подробно все изложено в книге “Ветеранский полк”, изданной в 2014 году. Но, как оказалось, в рассказах отца имеются неточности, нестыковки и расхождения с официальными документами. Думаю, они вызваны тем, что происходившие в 1942-1943 годах события он описывал 70 лет спустя, опираясь на свою память, которая его порой подводила. Теперь же, когда с многих документов времен войны снят гриф секретности, и

они, благодаря интернету, стали общедоступны, многое в истории того времени прояснилось. И следует сказать, что ошибки, а точнее неточности, обнаруженные в рассказах Павла Михайловича Носикова, в общем-то, не такие уж существенные. Как правило, они касаются каких-то дат, очередности событий. Но у меня нет никаких подозрений в том, что папа где-то специально врал или прихвастывал. Не такой он был человек, чтобы приписывать себе чужие заслуги. Основные черты его характера, как говорил в начале книги – это честность, принципиальность. Кроме того его всегда отличала скромность, он никогда не бахвалился своими воинскими делами, он даже не употреблял слово подвиг по отношению к себе. Наоборот, от него раньше было крайне тяжело добиться воспоминаний о войне. Так, по крайней мере, было в те годы, когда он служил и работал.

Итак, попытаемся разобраться, восстановить хронологию событий, происходивших на Урале почти 80 лет назад. В конце 1942 года началось наступление Красной армии под Сталинградом, завершившееся полным разгромом немецких войск. Это вызвало мощный подъем патриотических настроений по всей стране. Как П. М. Носиков рассказывал своему внуку, на Урале в это время родилась инициатива: «*В 42-м году в конце декабря в газетах трудящиеся обратились с письмом к Сталину с просьбой разрешить сформировать добровольческий танковый корпус на условиях, что корпус будет укомплектован исключительно трудящимися с Урала трех областей*». При этом трудовые коллективы трех областей (Челябинской, Свердловской и Молотовской (ныне Пермской)), от которых исходила инициатива, брали на себя обязательства. Так рабочие обещали, что на место призванных в армию других людей брать не будут, *«а будут оставшиеся работать за них. Корпус будет на период формирования полностью обмундирован, обеспечен всем необходимым. И вооружен за счет сверхплановой продукции уральских областей, благо там в тот период уже было больше половины всей военной промышленности нашей страны»*.

Далее отец перешел к себе: «*Так как с военных заводов не брали* [на фронт, то меня] *пригласили в комитет комсомола, там был секретарь парткома.* [Он и говорит:] *“Вот Урал формирует корпус добровольческий, как вы смотрите?” Нас двое было с Ярославля, мы согласились: “Да, обязательно мы пойдем”. Потому что работать было трудно, а особенно жилищные условия плохие, в деревне жили в совершенно неприспособленных условиях. Ну и вот где-то в конце декабря я был призван уже на основании этого решения и направлен на радиокурсы, учился на радиста три месяца до апреля*».

Боевой путь Уральского добровольческого танкового корпуса.

Забегая немного вперед, следует сказать, Уральскому добровольческому танковому корпусу (УДТК) при формировании присвоили номер 30-й. Через четыре месяца после успешных боев на фронте ему присвоили почетное звание гвардейского, и он стал уже 10-м. А еще немного позже в сокращенном его названии появилась буква “Л” – Львовский. Начиная с Орловско-Курской дуги воинские части корпуса участвовали в ключевых битвах Великой Отечественной войны, освобождали много городов, включая Берлин и Прагу. Соединению в годы войны за боевые отличия вручили четыре ордена, многие десятки бойцов были отмечены высокими наградами Родины (21 солдат стали полными кавалерами ордена Славы, 38 – Героями Советского Союза). С одной стороны, где-то жаль, что боевой путь папы продолжался в этом славном соединении всего одну неделю (до получения ранения). А с другой стороны … Останься отец и потом служить в УДТК, который оказывался в самых горячих точках на фронте, то кто знает, как бы сложилась его судьба, может и не довелось дожить до Победы. А значит, и меня с братом тогда не было бы …

Об этом прославленном соединении написано немало статей и книг, на Урале имеется даже специальный музей. Папа так высказался о корпусе, в котором начинал свою армейскую службу: «*Уникальное соединение! Подобного ни до, ни после не было*». Думаю, что нет смысла подробно говорить здесь об истории УДТК, желающие легко могут найти об этом информацию, ее в сети много. Отмечу лишь, что папа спустя полвека вновь оказался тесно связан с этим славным соединением, когда активно его защищал от расформирования (об этом подробный рассказ впереди).

Но вернемся назад в 1942 год, попытаемся ответить на вопросы: когда папа оказался на курсах радистов и когда был призван в Красную армию? Информация об этом имеется в официальных бумагах, которые хранятся в Истринском военкомате в личном деле[1] Павла Михайловича Носикова. Первый документ – это автобиография, написанная его рукой. В ней сказано: «*28 сентября 1942 г. был призван в Советскую армию на 2-е курсы радиотелеграфистов в г. Свердловск*».

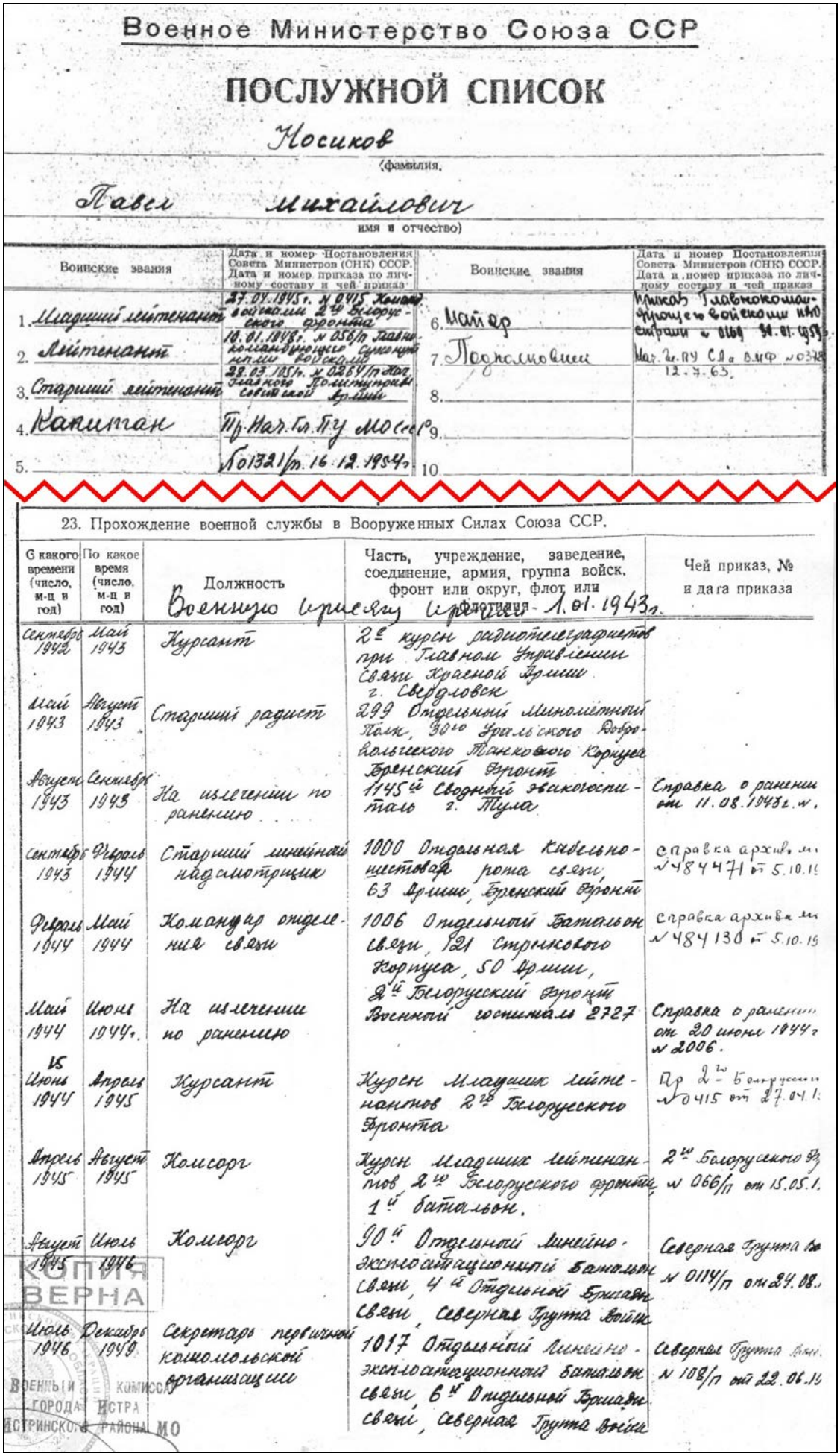
В личном деле имеется также послужной список отца, в котором есть такие строки: «*22) Когда вступил на военную службу*: *22 ноября 1942 г. Сосновским райвоенкоматом, Челябинской области по призыву. 23) Прохождение военной службы в Вооруженных силах Союза ССР: военную присягу принял 1.01.1943 г.; сентябрь 1942 – май 1943, курсант, 2-е курсы радиотелеграфистов при Главном Управлении связи Красной армии, г. Свердловск*».

Документы из личного дела задают новые вопросы. Нетрудно заметить, в одной бумаге написано о призыве в армию в сентябре 1942 году, а в другой указан ноябрь. Так, когда же все-таки Павел Носиков был призван в Красную армию? Полагаю, что верной следует считать дату **22 ноября 1942 года**, это записано в послужном списке, в который работники вносят записи только на основании официальных документов.

Далее хотелось бы понять, когда началась учеба на курсах радиотелеграфистов, и где они находились. В различных документах отца написано, что учеба на курсах началась в Свердловске в сентябре, а в одной из автобиографий даже указано точное число 28 сентября 1942 года. Через два месяца, как следует из послужного списка, его призвали в армию, но почему-то из Челябинской области. Чушь какая-то. Он что для этого должен был прервать учебу в Свердловске и вернуться на старое место? Полагаю, что никакого возвращения не было, в автобиографии приведены неточные данные (в таких документах порой писали сокращенно и упускали отдельные детали).

Разобраться в этой нестыковке могут помочь записи о взносах в комсомольском билете, в которых приведены данные о заработке отца в конце 1942 года (цифры приведены выше). Из них следует, что в сентябре, октябре и ноябре Павел зарабатывал от 200 до 600 рублей. А в декабре получил только 8 с половиной рублей (такая же сумма проставлена для первых четырех месяцев следующего года, когда он был на радиокурсах). И тогда получается, что всю осень он проработал на заводе и получал там зарплату. Но как тогда объяснить, что по другим документам с сентября он уже был курсантом? Полагаю, могло быть так. Осенью отец по-прежнему работал на заводе № 62 и в свободное время ходил на курсы. Это все было в Челябинске, и он еще не был военнослужащим. А в конце ноября, видимо, состоялся тот самый разговор в комитете комсомола, после которого его призвали в армию. Вот тогда Павел, скорее всего, и переехал в Свердловск для продолжения учебы на курсах радиотелеграфистов «*при Главном Управлении связи Красной армии*».

[1] Вскоре после смерти отца я пошел в Истринский военкомат и мне, как сыну, предоставили ксерокопии многих документов из личного дела П. М. Носикова.

Военное Министерство Союза ССР

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК

Носиков
(фамилия,

Павел Михайлович
имя и отчество)

Воинские звания	Дата и номер Постановления Совета Министров (СНК) СССР. Дата и номер приказа по личному составу и чей приказ	Воинские звания	Дата и номер Постановления Совета Министров (СНК) СССР. Дата и номер приказа по личному составу и чей приказ
1. Младший лейтенант	27.04.1945 г. № 0415 Командующего войсками 2-го Белорусского фронта	6. Майор	Приказ Главнокомандующего Войсками ИВО страны № 0164 31.01.1957 г.
2. Лейтенант	10.01.1948 г. № 056/п Главнокомандующего Сухопутными войсками	7. Подполковник	Мат. ч. ПУ СА и ВМФ № 0328 12.7.63.
3. Старший лейтенант	28.03.1951 г. № 0284/п Главного Политуправления Советской Армии	8.	
4. Капитан	Пр. Нач. Гл. Пу МО	9.	
5.	№ 01321/п. 16.12.1954 г.	10.	

23. Прохождение военной службы в Вооруженных Силах Союза ССР.

С какого времени (число, м-ц и год)	По какое время (число, м-ц и год)	Должность	Часть, учреждение, заведение, соединение, армия, группа войск, фронт или округ, флот или флотилия	Чей приказ, № и дата приказа
		Военную присягу принял	1.01.1943 г.	
сентябрь 1942	май 1943	Курсант	2-е курсы радиотелеграфистов при Главном Управлении Связи Красной Армии г. Свердловск	
май 1943	август 1943	Старший радист	299 Отдельный минометный полк, 30-го Уральского Добровольческого Танкового Корпуса Брянский фронт	
август 1943	сентябрь 1943	На излечении по ранению	1145-й Сводный эвакогоспиталь г. Тула	Справка о ранении от 11.08.1943 г. №
сентябрь 1943	февраль 1944	Старший линейный надсмотрщик	1000 Отдельная кабельно-шестовая рота связи 63 Армии, Брянский фронт	справка архив. № № 484471 от 5.10.19
февраль 1944	май 1944	Командир отделения связи	1006 Отдельный батальон связи, 121 Стрелкового Корпуса, 50 Армии, 2-й Белорусский фронт	справка архива № № 484130 от 5.10.19
май 1944	июнь 1944 г.	На излечении по ранению	Военный госпиталь 2727	Справка о ранении от 20 июня 1944 г № 2006.
15 июнь 1944	апрель 1945	Курсант	Курсы младших лейтенантов 2-го Белорусского Фронта	Пр 2-м Белорусском № 0415 от 27.04.1
апрель 1945	август 1945	Комсорг	Курсы младших лейтенантов 2-го Белорусского фронта, 1-й батальон.	2-го Белорусского Фр № 066/п от 15.05.1
август 1945	июль 1946	Комсорг	90-й Отдельный линейно-эксплоатационный батальон связи, 4-й Отдельной Бригады связи, Северная Группа войск	Северная Группа во № 0114/п от 24.08.
июль 1946	декабрь 1949	Секретарь первичной комсомольской организации	1017 Отдельный линейно-эксплоатационный батальон связи, 6-й Отдельной Бригады связи, Северная Группа войск	Северная Группа войск № 108/п от 22.06.19

КОПИЯ ВЕРНА

ВОЕННЫЙ КОМИССАРИАТ ГОРОДА ИСТРА ИСТРИНСКОГО РАЙОНА МО

Фрагменты листов из послужного списка Павла Михайловича Носикова – 2016 г.

Остался еще один непонятный эпизод: как при разговоре с парторгом, который состоялся в конце 1942 года, могла зайти речь о добровольческом танковом корпусе, если о нем впервые было написано в газетах только в январе 1943 года, т.е. спустя почти два месяца после призыва отца в армию? Тут возможно такое объяснение. Инициатива о создании такого соединения слишком масштабная, она явно была оформлена ни в один день. Ей наверняка предшествовала длительная подготовка со стороны руководств уральских заводов. Наверное, где-то на начальном этапе, когда еще ничего не было окончательно решено, отцу было сделано предложение о призыве в армию, при этом было сказано о планах по созданию корпуса. И если бы даже потом руководство страны не поддержало инициативу трудящихся Урала, то Павел Носиков все равно оказался бы на фронте, но в какой-нибудь другой воинской части. Ведь он уже был призван в армию.

Тот, кто все это прочитал, может подумать: а зачем я заострил внимание на неясных вопросах, нестыковках в документах отца, столько много об этом написал? Отвечу так. Мне хотелось докопаться до истины, понять, как все было на самом деле. Мой принцип, как краеведа-историка – описывать только подлинные факты, а свои мысли и предположения не выдавать наравне с историческими документами, допуская, что на самом деле могло все быть иначе. Это первое. А второе – это важность данного вопроса для моего отца. Это видно по тому, как часто он в своих статьях, воспоминаниях возвращался к тому, когда и как оказался в армии. Думаю, он хотел нам показать, что пошел на войну добровольцем, когда была возможность это не делать, остаться в тылу и не подвергать свою жизнь смертельной опасности на фронте. И при этом он успешно прошел отбор в состав УДТК (конкурс при наборе добровольцев был 10 человек на одно место).

Прежде чем идти дальше подведу итог рабочей биографии отца. Она оказалась короткой: всего около года он проработал на заводе № 62: сначала в Ярославле, а потом в Челябинске. Но, несмотря на это, Павел Носиков имел полное право писать о своем происхождении: «*из рабочих*».

Новый 1943 год он встретил в Свердловске на курсах радиотелеграфистов. Но вряд ли этот праздник тогда широко отмечали. Как следует из послужного списка, Павел **1 января** принял воинскую присягу. Как происходила учеба на курсах, чему обучали – увы, папа никому не рассказывал и нигде не писал (кроме сведений о размере его стипендии курсанта других данных нет). Не думаю, что тут была какая-то тайна – просто не спрашивали об этом. А он, видимо, не придавал своей учебе большого значения, т.к. радистом не служил (или же служил, но совсем недолго).

В те весенние месяцы 1943 года на Урале шло активное формирование воинских частей УДТК. На заводах в качестве сверхплановой продукции изготавливалось необходимое вооружение, снаряжение, в том числе и на средства трудящихся. Как написано на одном из сайтов в сети: «*Коллектив фабрики “Уралобувь” изготавливает добротные юфтовые сапоги. На фабрике “Одежда” шьётся обмундирование. Колхозники поставляют муку, мёд, молоко, табак*».

Рабочие завода Уралмаш передают танки военным УДТК – Свердловск, 1943 г.

В сети нашел интересную информацию о том, что для всех бойцов УДТК рабочие Златоустовского инструментального комбината в качестве подарка изготовили особые армейские ножи, которые были покрыты *«черным кузбасслаком»*. Это был *«нож финского образца с прямым однолезвийным клин-*

Черный нож бойца УДТК – из фондов Уральского государственного военно-исторического музея.

ком, деревянной рукояткой с небольшой плоской железной гардой и деревянными ножнами». На том же сайте еще написано: «*Эти ножи были своеобразной "визитной карточкой" легендарного танкового корпуса*». Не знаю, насколько это соответствует истине, папа про такой нож ничего не говорил. На другом сайте нашел информацию, дополняющую сказанное выше: «*Каждый боец и командир* [УДТК] *получил индивидуальную продуктовую посылку, туалетный набор, папиросы, табак, носовые платки, подворотнички и другие подарки*».

А тем временем активно шел набор добровольцев. В одной из своих статей папа написал: *«Я всё это видел своими глазами: как шёл отбор (именно отбор) добровольцев, так как было подано почти 100 тысяч заявлений с просьбой о зачислении добровольцем, а отобрано было 9660 человек личного состава. Причём я хотел бы подчеркнуть то обстоятельство, что прошло полтора года войны – за это время сотни тысяч семей в стране получили похоронки о гибели родных, близких. Но это не остановило тех, кто подал заявление с просьбой отправить на фронт. Это ли не пример величайшего, массового патриотизма советского народа, благодаря которому мы победили сильного врага?»*

Согласно автобиографии и послужного списка в мае папа окончил учебу на курсах, военная должность его называлась «*старший радист*». Воинское звание при этом нигде не указано, но в августе он по документам был младшим сержантом (думается, что это звание отец получил еще на курсах). Павел Носиков был направлен в «*299 Отдельный минометный полк*» (МП), находившийся в составе добровольческого корпуса. Формирование полка происходило в окрестностях города Молотов (ныне Пермь), куда он и переехал из Свердловска (вот так получилось, что отец побывал во всех трех областных центрах, в которых происходило формирование УДТК).

Вот что Павел Носиков сказал внуку в видеоинтервью: «*меня распределили в минометный полк 120-мм минометов, который формировался в Перми. Приехали мы в Пермь, распределили нас по подразделениям, по батареям. В это время люди уже занимались полностью освоением боевой техники. Я вот знаю, у нас уже в батарее были и минометы, все стрелковое оружие, конечно, полностью было. Провели стрельбы реальные из этих минометов»*.

В интернете нашел статью с заголовком «*Мы помним. 75 лет назад был сформирован 299-й пермский миномётный полк*», опубликованную в Пермской газете "Звезда" 15 мая 2018 года. В ней приведены слова одного из ветеранов полка, в которых сказано: «*Минометчики вели учебные стрельбы из Разгуляя (пригород г. Молотов) через Егошихинский лог. По итогам проверки боеготовности пермские формирования заняли первое место в соединении»*. В статье также имеется фотография за подписью автора. Можно предположить, что на ней как раз бойцы 299

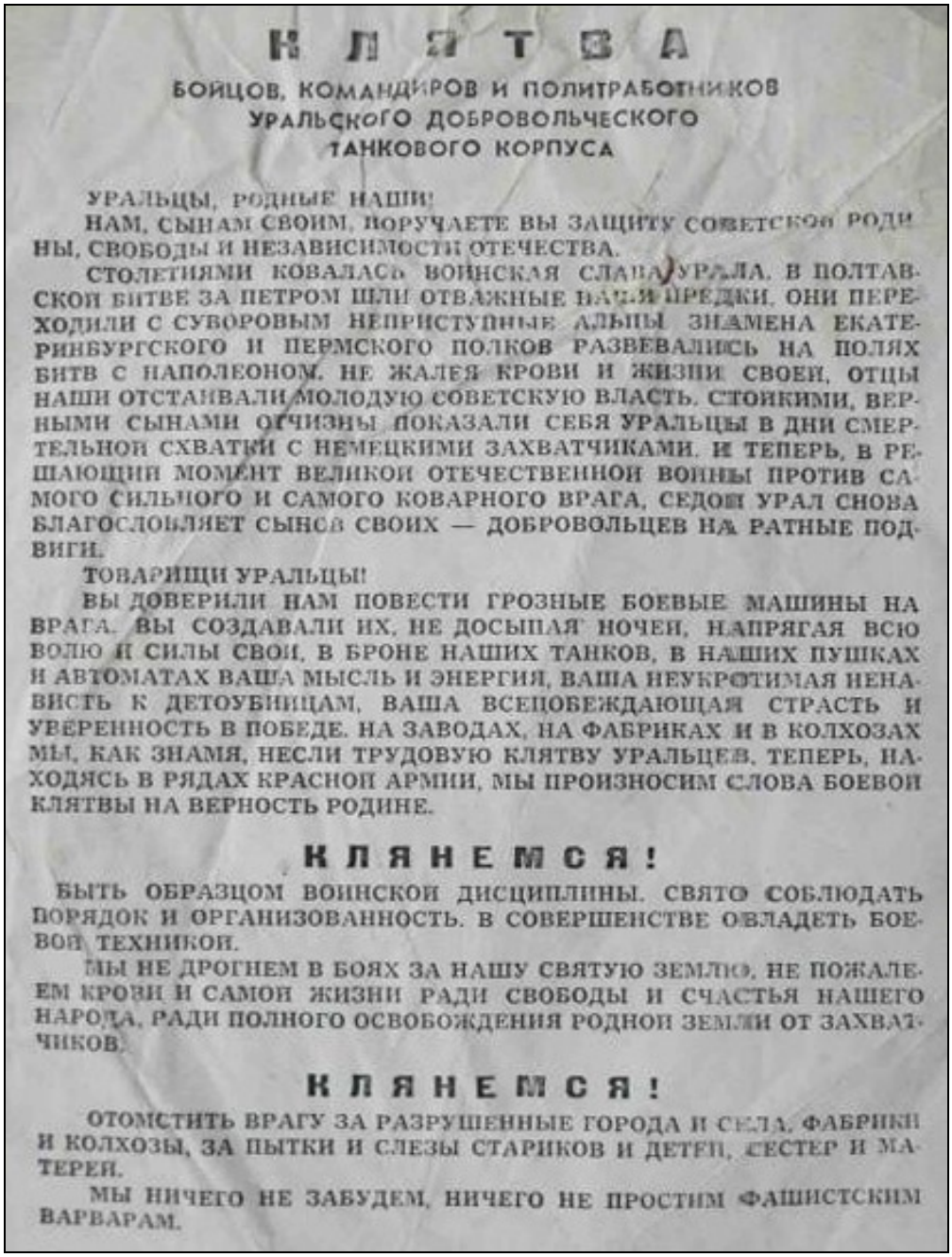
Фото из газетной статьи о 299 МП УДТК.

МП. Видны четыре миномета, это как раз одна батарея. На переднем плане слева сидит военнослужащий, разговаривающий по армейскому телефону. Я далек от мысли, что это папа, боец и не очень на него похож. Но на фронте Павел Носиков большую часть времени занимался тем же самым делом – обеспечением бесперебойной связи между подразделениями и командирами.

Я не могу уверенно говорить о том, кем папа был в минометном полку: был ли радистом или телефонистом, как его учили на курсах, или же он входил в минометный расчет (каждый расчет состоял из 7 бойцов, включая командира). Могу лишь сказать, что вес 120-миллиметрового миномета в боевом положении составлял 270 кг, а каждой мины – 16 кг. Нелегко приходилось бойцам минометных расчетов. Теперь понятно, почему туда отбирали физически крепких молодых парней. Всего в УДТК было 42 миномета калибра 120 мм.

В интернете на страничке, посвященной 299 МП, нашел такую информацию: «*3 июня 1943 года на центральной площади г. Перми состоялся митинг, на котором прозвучал наказ трудящихся добровольцам, и состоялся парад. Мимо трибуны, перед глазами тысяч людей прошли со своей грозной боевой техникой воины-миномётчики*».

Перед отправкой на фронт бойцы публично дали клятву, текст ее нашел в интернете. В ней говорится: «*Уральцы, родные наши! Нам, сынам своим, поручаете вы защиту Советской Родины, свободы и независимости Отечества.* […] *КЛЯНЕМСЯ!* […] *Мы не дрогнем в боях на нашу Святую землю, не пожалеем крови и самой жизни ради свободы и счастья нашего народа, ради полного освобождения родной земли от захватчиков* […] *Мы ничего не забудем, ничего не простим фашистским варварам*».

КЛЯТВА

БОЙЦОВ, КОМАНДИРОВ И ПОЛИТРАБОТНИКОВ
УРАЛЬСКОГО ДОБРОВОЛЬЧЕСКОГО
ТАНКОВОГО КОРПУСА

УРАЛЬЦЫ, РОДНЫЕ НАШИ!

НАМ, СЫНАМ СВОИМ, ПОРУЧАЕТЕ ВЫ ЗАЩИТУ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ, СВОБОДЫ И НЕЗАВИСИМОСТИ ОТЕЧЕСТВА.

СТОЛЕТИЯМИ КОВАЛАСЬ ВОИНСКАЯ СЛАВА УРАЛА. В ПОЛТАВСКОЙ БИТВЕ ЗА ПЕТРОМ ШЛИ ОТВАЖНЫЕ НАШИ ПРЕДКИ. ОНИ ПЕРЕХОДИЛИ С СУВОРОВЫМ НЕПРИСТУПНЫЕ АЛЬПЫ. ЗНАМЕНА ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО И ПЕРМСКОГО ПОЛКОВ РАЗВЕВАЛИСЬ НА ПОЛЯХ БИТВ С НАПОЛЕОНОМ. НЕ ЖАЛЕЯ КРОВИ И ЖИЗНИ СВОЕЙ, ОТЦЫ НАШИ ОТСТАИВАЛИ МОЛОДУЮ СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ. СТОЙКИМИ, ВЕРНЫМИ СЫНАМИ ОТЧИЗНЫ ПОКАЗАЛИ СЕБЯ УРАЛЬЦЫ В ДНИ СМЕРТЕЛЬНОЙ СХВАТКИ С НЕМЕЦКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ. И ТЕПЕРЬ, В РЕШАЮЩИЙ МОМЕНТ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ПРОТИВ САМОГО СИЛЬНОГО И САМОГО КОВАРНОГО ВРАГА, СЕДОЙ УРАЛ СНОВА БЛАГОСЛОВЛЯЕТ СЫНОВ СВОИХ — ДОБРОВОЛЬЦЕВ НА РАТНЫЕ ПОДВИГИ.

ТОВАРИЩИ УРАЛЬЦЫ!

ВЫ ДОВЕРИЛИ НАМ ПОВЕСТИ ГРОЗНЫЕ БОЕВЫЕ МАШИНЫ НА ВРАГА. ВЫ СОЗДАВАЛИ ИХ, НЕ ДОСЫПАЯ НОЧЕЙ, НАПРЯГАЯ ВСЮ ВОЛЮ И СИЛЫ СВОИ. В БРОНЕ НАШИХ ТАНКОВ, В НАШИХ ПУШКАХ И АВТОМАТАХ ВАША МЫСЛЬ И ЭНЕРГИЯ, ВАША НЕУКРОТИМАЯ НЕНАВИСТЬ К ДЕТОУБИЙЦАМ, ВАША ВСЕПОБЕЖДАЮЩАЯ СТРАСТЬ И УВЕРЕННОСТЬ В ПОБЕДЕ. НА ЗАВОДАХ, НА ФАБРИКАХ И В КОЛХОЗАХ МЫ, КАК ЗНАМЯ, НЕСЛИ ТРУДОВУЮ КЛЯТВУ УРАЛЬЦЕВ. ТЕПЕРЬ, НАХОДЯСЬ В РЯДАХ КРАСНОЙ АРМИИ, МЫ ПРОИЗНОСИМ СЛОВА БОЕВОЙ КЛЯТВЫ НА ВЕРНОСТЬ РОДИНЕ.

КЛЯНЕМСЯ!

БЫТЬ ОБРАЗЦОМ ВОИНСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ. СВЯТО СОБЛЮДАТЬ ПОРЯДОК И ОРГАНИЗОВАННОСТЬ. В СОВЕРШЕНСТВЕ ОВЛАДЕТЬ БОЕВОЙ ТЕХНИКОЙ.

МЫ НЕ ДРОГНЕМ В БОЯХ ЗА НАШУ СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ, НЕ ПОЖАЛЕЕМ КРОВИ И САМОЙ ЖИЗНИ РАДИ СВОБОДЫ И СЧАСТЬЯ НАШЕГО НАРОДА, РАДИ ПОЛНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ РОДНОЙ ЗЕМЛИ ОТ ЗАХВАТЧИКОВ.

КЛЯНЕМСЯ!

ОТОМСТИТЬ ВРАГУ ЗА РАЗРУШЕННЫЕ ГОРОДА И СЕЛА, ФАБРИКИ И КОЛХОЗЫ, ЗА ПЫТКИ И СЛЕЗЫ СТАРИКОВ И ДЕТЕЙ, СЕСТЕР И МАТЕРЕЙ.

МЫ НИЧЕГО НЕ ЗАБУДЕМ, НИЧЕГО НЕ ПРОСТИМ ФАШИСТСКИМ ВАРВАРАМ.

Клятва бойцов УДТК – 1943 г.

Бойцы УДТК, как показали дальнейшие события, сдержали клятву, с честью выполняли свой воинский долг. За годы Великой Отечественной войны 299 минометный полк стал гвардейским, 5 (пять!) раз был награжден орденами Родины и получил почетное звание *«Тарнопольский»* (Тернопольский). Увы, это доблестное соединение с такими славными традициями было расформировано в 2009 году (Министром обороны тогда был печально известный Сердюков).

10. Отправка на фронт, Орловско-Курская битва (1943)

Послужной список:	«***май 1943 – август 1943***, *старший радист, 299 Отдельный минометный полк, 30-го Уральского Добровольческого танкового корпуса, Брянский фронт* [младший сержант]».

Далее перехожу к описанию участия Павла Михайловича Носикова в Великой Отечественной войне. Как мне кажется, весь этот период его биографии можно разделить условно на три части: 1) от отправки на фронт и до первого ранения, 2) от излечения в госпитале и до второго ранения, 3) от излечения в госпитале и до Победы. Как было в то время принято почти повсеместно, после излечения от ран бойца направляли в другую воинскую часть. Именно поэтому папа за два неполных года пребывания на войне (июль 1943 – май 1945) несколько раз менял своих боевых товарищей. Не по своей воле, конечно.

Но вернемся в 1943 год, когда настал день отправки воинских частей УДТК на фронт. Папа говорил, что это было в начале июня. В интернете нашел уточнение, что 299 МП выехал из Молотова (Перми) 3-го числа. Вряд ли отца кто-то провожал при отправке поезда – ведь родное Пожарово было далеко, а брат Александр работал в Челябинске. Поэтому он просто наблюдал, как прощаются другие бойцы с близкими людьми. И увиденное запомнил на всю жизнь, потом это ярко описал в нескольких статьях. Наиболее подробно и эмоционально о сцене прощания на вокзале написано в книге “Ветеранский полк”:

«"Никогда не забуду тех минут отправки эшелона на фронт..." – Павел Михайлович задумался. Большие, сильные руки его вдруг замерли и затихли, как бы внезапно осознав, что... помочь нельзя. Тем более давно ушедшему...

"Площадка перед составом была заполнена сотнями провожающих, – вспоминал Павел Михайлович. – Женщины, дети, старики…" – По выражению его вдруг ставшим напряженным лица я поняла, что через толщу ушедших лет он ясно увидел тот день...

"...Все шло своим чередом. Кто-то плакал, говоря слова напутствия, кто-то пытался шутить. Смотрели друг другу в глаза, крестились, произнося молитвы, клялись, обещали, прощали и прощались... Жизнь суетилась как бы... у "обрыва", но последний шаг еще сделан не был... Ждали! И вдруг трубач протрубил сигнал: "По вагонам!" Что тут началось! Тысячная толпа закричала едино! Раздался неистовый вопль! Мне вдруг мгновенно показалось, что душа каждого, в своей искренности горя, открылась настолько, что я увидел образованную из них пропасть... еще чуть-чуть – и рассудок канет в образовавшуюся глубину человеческой стихии. И по сей день содрогаюсь при воспоминании. Ведь вернулись... единицы"».

Одна из танковых частей УДТК направляется на фронт – 1943 г.

Железнодорожные эшелоны отправились на запад, на фронт. В интернете нашел ценную для нас историческую фотографию, подписанную так: «*Лето 1943 года, следующий на фронт эшелон с личным составом и бронетехникой (на платформах – танки Т-34-76 и САУ СУ-122) 30-го танкового Уральского добровольческого корпуса. Автор снимка – Пётр ОЦУП* [ТАСС]».

Да, на снимке, видимо, не та воинская часть, в которой служил папа, на платформе находятся танки, а не минометы. Но корпус-то тот – 30-й, добровольческий. И нетрудно представить, как примерно так же, в таком же вагоне-теплушке Павел Носиков ехал с сослуживцами на фронт. …

И еще одна удача: на сайте "Центр документации общественных организаций Свердловской области" обнаружена фотография бойцов как раз того самого 299 полка, в котором служил отец. И причем в то время, когда он там находился. Еще лучше было бы, если б он оказался на этом снимке. Но, увы, знакомого лица среди бойцов я не нахожу …

Бойцы 299 минометного полка перед отправкой на фронт – 1943 г.

Думаю, что это не постановочные снимки, слишком естественны лица людей, все эмоции видны. Многие ли из изображенных на фотографиях солдат дожили до Победы?

Своему внуку Паше Павел Михайлович рассказал о событиях, которые происходили дальше: «*Поехали на запад тем же путем, которым я ехал, когда эвакуировался на Урал. Ехали мы быстрее, чем туда, буквально двое или трое суток. А тогда же паровозы водили эшелоны, плечи* [перегоны] *паровозных бригад были небольшие, они менялись часто. Несколько десятков эшелонов было с техникой и личным составом Уральского корпуса. Был зеленый свет дан, нигде нас не держали. Сменится бригада и дальше.*

Снова проехал я мимо родины. Думал, что удастся мне встретиться, дал телеграмму по пути, что буду проезжать. Мама даже ездила на узловую станцию в Ярославль (тогда Всполье она называлась). Но ничего, конечно, не получилось, эшелон там стоял очень недолго. Сразу выставили патрулей, я попытался на вокзал пройти – не пропустили.

Приехали на фронт, разгрузились мы в Наро-Фоминске[1]*. Правда там мы недолго почему-то* [были], *снова погрузились и повезли нас в Малоярославец. Там мы выгрузились и сразу своим ходом* [передислоцировались] *в лес на север где-то Калужской области. Вырыли там землянки и занимались весь июнь, июль до первых чисел».* Как папа написал в одной из статей: более месяца находились в этом месте в ожидании приказа о вступлении в бой.

В интернете попалась информация, что «*Из 8206 человек личного состава корпуса только 536 человек имели опыт военных действий»,* и что *«Среднее звено командного состава было укомплектовано за счет* [выпускников] *танковых училищ и КУКС* [Курсы усовершенствования командного состава]. *Младший начальствующий и рядовой составы – добровольцами Урала»*. Поэтому, пока позволяла обстановка на фронте, бойцы – бывшие рабочие, многие из которых не служили в армии, – интенсивно по 12 часов в день обучались военному делу. Ведь им скоро предстояло вступить в бой с опытными подразделениями немецкой армии. Но в этих непростых условиях помогало то, что бойцы корпуса практически поголовно были моложе 40 лет, и при этом половина из них были коммунистами.

В конце срока пребывания под Москвой были проведены учения частей корпуса, приемная комиссия их оценила так: «*В акте передачи 30-го УДТК Костеревскому танковому лагерю отмечалось, что личный состав корпуса подготовлен удовлетворительно. Материальная часть боевых машин и артиллерийского вооружения, полученная корпусом, была абсолютно новая*».

[1] В материалах по истории 299 минометного полка написано, что выгрузка эшелонов произошла в Кубинке. Но на самом деле это недалеко от Наро-Фоминска. Личный состав воинских частей в течение нескольких недель проходил обучение на полигоне в Кубинке.

30-й УДТК вошел в состав войск 4-й Танковой армии, которая 18 июля была передана в подчинение Западному фронту (а позже – Брянскому фронту). С 19 по 23 июля, как написано в архивном деле ЦАМО[1] (ф.3411 оп.1 д.13), происходила передислокация воинских частей корпуса на юг в район города Козельск. При этом танки по железной дороге перевозились на станцию Сухиничи Калужской области, где происходила их выгрузка. И затем они скрытно «*с соблюдением мер светомаскировки*» своим ходом передвигались под Козельск.

Бойцы УДТК на марше во время войны.

Вот что написал папа в одной из своих статей: «*Начиная с 5 июля* [когда начались бои на Орловско-Курской дуге], *ежедневно слышали грохот взрывов, эхо выстрелов артиллерии, гул самолетов. Все понимали, что идет жестокое сражение и скоро наступит наш час*». Эту тему он продолжил в разговоре с внуком Пашей: «*было чувство готовности. Где-то 12-го или 13-го июля ночью нас подняли по тревоге и выбросили туда в район боевых действий. Это было уже на севере Орловской области, севернее города Болхова. Начали с того, что сразу разгрузились, заняли боевые порядки*». В упомянутом деле ЦАМО приводится иная дата переброски УДТК в район боевых действий. Согласно архивным данным 26 июля корпус переместился на север Орловской области в район села Середичи (в деле имеется карта с дислокацией воинских частей, вблизи этого села был размещен и 299 минометный полк). А на следующий день началось наступление частей корпуса.

Я не стану подробно описывать ход сражений на Орловско-Курской дуге, которая стала точкой окончательного перелома в ходе Великой Отечественной войны. Обо всем этом подробно рассказано в учебниках истории, много информации в интернете. Основной упор буду делать на участии частей УДТК в этом историческом сражении на северном, Орловском участке дуги. Хочу лишь отметить, что битва началась 5 июля 1943 года с наступления немцев. В это время части корпуса находились в резерве командования и вступили в бой три недели спустя, когда наше контрнаступление было уже в самом разгаре.

На сайте, посвященном истории УДТК, описана первая боевая задача, поставленная перед соединением: «*Наступая из района Середичи на юг, перерезать коммуникации противника на линии Болхов – Хотынец, выйти в район села Злынь, а в дальнейшем оседлать железную и шоссейную дороги Орел – Брянск и отрезать пути отхода орловской группировки гитлеровцев на запад. Перед УДТК была оборонительная полоса, эшелонированная в глубину на 25-30 км. Немцы создали систему опорных пунктов и узлов сопротивления в сёлах и деревнях на господствующих высотах и по берегам рек. Подступы к ним были густо минированы и защищены противотанковыми рвами, проволочными заграждениями и другими инженерными сооружениями. 27 июля Уральский танковый корпус вступил в бой и уже к концу дня части корпуса пробились к реке Орс – важной стратегической линии обороны. На следующий день наступления возобновились. Части 30-й мотострелковой и 197-й танковой бригады при поддержке* ***299-го миномётного полка*** *и батареи самоходных орудий переправились через реку Орс и закрепились на окраине села Дулебино*».

Выполнение поставленных задач затруднялось тем, что «*против уральцев, в большинстве ещё необстрелянных, стояли отборные, имеющие большой опыт боевых действий части 25-й моторизованной, 18-й танковой дивизий, двух самоходных артиллерийских полков, полка "Великая Германия" и сводного немецкого добровольческого батальона*».

[1] ЦАМО – Центральный архив Министерства обороны.

Карта боевых действий частей УДТК
в районе Болхова Орловской области – 1943 г.

Я нашел карту, на которой отмечено, как продвигались части УДТК в июле-августе 1943 года. На ней можно увидеть перечисленные выше населенные пункты, особо выделил два: районный центр Орловской области город Болхов, и небольшую деревню с редким запоминающимся названием Злынь (в городе мне довелось побывать в 2014 году, а про существование деревни узнал лишь, когда начал собирать материалы для данной книги).

Итак, боевой путь УДТК (и моего отца) начался **27 июля 1943 года**, когда части корпуса вступили в бой с врагом. Павел Носиков на всю жизнь хорошо запомнил этот день: *«больше всего, конечно, помню первый бой»*. Он так и сказал внуку, что это осталось самое яркое воспоминание о войне, видимо потому, что был еще необстрелянный и «*в первый же день угодил под массированную бомбардировку с воздуха»*. Отец неоднократно потом описывал свои впечатления об этом дне. Причем каждый раз немного по-другому, приводя разные эпизоды. Я попытаюсь, опираясь на его слова из воспоминаний, разных статей, воспроизвести цельную картину, как это было. Хотя не исключено, что, возможно, это были эпизоды боев из разных дней. За это я ручаться не могу (да так ли это важно – один бой был или несколько?) А вот за что точно отвечаю – так это за то, что все далее написанное – это слова папы, он все это вспоминал или описывал в своих статьях, и это действительно с ним происходило.

Крещение боем случилось юго-западнее г. Болхов, более точное место отец не указал:

«Выступили рано утром, после короткого марша заняли позиции в лощине на окраине деревни». «И тут же подверглись нападению. На нас Юнкерсы прилетели, начали бомбить». «Здесь я впервые узнал, что такое бомбежка. Десятки пикирующих бомбардировщиков с ревом сирен обрушили на нас сотни бомб. Мы к этому времени лишь развернули на огневой позиции свои минометы, но сами окопаться еще не успели. Пришлось укрываться кто где мог: в кюветах, канавах. Земля под ногами содрогалась от взрывов, казалось, что она уходит из-под ног». «Когда земля под тобой ходит, сплошной

гром, неба не видно – конечно, впечатления жуткие были. И состояние такое сложное было».

Вот так довольно туманно папа высказался о своем состоянии во время бомбежки: «*сложное было».* Какое именно – знал только он сам. Конечно, страшно было. Но поле боя отец не покинул. И это несмотря на то, что его тогда контузило: *«В глазах моих вдруг потемнело*», *«Смутно помню, что было после окончания налета вражеской авиации, тем более, что получил контузию, хотя и не очень тяжелую*». Но папе еще повезло, т.к. среди личного состава были потери: «*В первый же день пришлось похоронить товарища, с которым учился на радиокурсах».*

После того, как вражеские самолеты улетели, минометчики приступили к выполнению поставленной боевой задачи: «*Вскоре получили приказ открыть минометный огонь, который вели более часа – до начала атаки танков и пехоты*». Однако выполнить этот приказ было непросто: *«Рвались снаряды, шел дождь. Но мы заняли выгодную позицию, потому что минометы можно поставить и в овраге, и они будут разить врага. В этом неоспоримое преимущество минометов. В тот раз, однако, мины к ним оказались на расстоянии около четырехсот метров. Раскисший орловской чернозём не давал возможности подвезти боеприпасы прямо к позициям. Поэтому мы подносили их бегом, неся в руках по две мины сразу, а вес каждой составлял 16 килограммов. Этот безостановочный бег выдерживали не все. Дождь, разрывы, непрерывное хлюпанье под ногами, крики, стоны».*

И вот еще одно впечатление: *«В этот день я впервые увидел, как горят танки. Это страшное зрелище*». Вот таким оказалось боевое крещение Павла Носикова.

Мне, как гражданскому человеку, сложно представить, какой кошмар пришлось пережить папе и его необстрелянным товарищам. Это же надо такому случиться: первый бой на войне и попали в самое пекло, можно сказать в ад. Но надо отдать должное уральцам: бывшие рабочие не дрогнули, не испугались и выполняли приказы командования.

Но на этом длинный день 27-го июля для минометчиков еще не кончился. Как написал папа в одной из своих статей: «*К вечеру поступила команда прекратить огонь и подготовиться к движению. Двинулись в сторону противника. И тут увидели следы своей работы: сотни воронок на позициях немцев. А затем перед нами развернулась трагическая картина боя наших танков: на поле остались несколько подбитых тридцатьчетверок, множество трупов. Но останавливаться мы не имели права, нужно было преследовать отступающего противника».*

Тут я прерву цитирование отца, т.к. к его словам есть дополнение. В интернете нашел страничку, озаглавленную: “Боевая хроника. Уральский добровольческий танковый корпус”. Из размещенной там информации стало ясно, какой именно последовал приказ: «*27 июля, 299-й минометный полк вечером форсировал р. Орс»* (эта речка протекает южнее Болхова, она видна на карте боевых действий, приведенной выше).

А теперь продолжу рассказ Павла Носикова: «*Так было в течение двух недель*[1]*. Занятие новых позиций, стрельба, снова бомбежки врага. Не обходилось без потерь с нашей стороны. В районе Болхова, в местечке Злынь, я, будучи на наблюдательном пункте, увидел танковый бой. По сигналу наши Т-34 двинулись в атаку. Но к этому времени противник выдвинул в район боя свои знаменитые "тигры"' и "пантеры". Это действительно грозное оружие. При прямом попадании вражеского снаряда в наш танк он выходил из строя, экипаж погибал. Преимущество наших тридцатьчетверок было в их маневренности, скорострельности. Наши создатели танка сконструировали его корпус так, что практически не было брони, расположенной под прямым углом. Поэтому многие попадания в корпус рикошетили. Но 76-мм снаряд нашего танка не мог пробить мощную броню "тигра"».*

Отец в своих статьях, выступлениях вновь и вновь возвращался к событиям 1943 года, к давно прошедшим дням, оставшихся в его памяти: «*Бои были ожесточенными. Некоторые населенные пункты приходилось атаковать по несколько раз». «Неся потери, корпус с боями продвигался на юг. Враг упорно сопротивлялся на рубежах рек. Их было несколько. Снова и снова нам приходилось прорывать фашистскую оборону. Особенно запомнился бой у местечка Злынь. Под бомбежкой мы развернули огневые позиции и начали длительный обстрел позиций противника. Бой длился более суток. Добровольцы мужественно сражались, бились до победы. Поставленную задачу*

[1] Тут требуется уточнение: папа был ранен 2 августа и, стало быть, принимал личное участие в сражениях только одну первую неделю. Об остальных боях корпуса он написал по рассказам других.

Памятник погибшим воинам – Злынь.

корпус выполнил. Железная дорога на Брянск была перерезана, путь к отступлению немцев был закрыт».

В приведенных цитатах упомянуто местечко Злынь. В этом населенном пункте имеется памятник воинам, павшим летом 1943 года, на табличке выбиты фамилии 94 бойцов. Фото памятника нашел в интернете.

Все вышеприведенные цитаты – это слова моего отца, которые он говорил внукам или писал в статьях. Они довольно большие, но я не стал их сокращать, т.к. это свидетельство очевидца, принимавшего непосредственное участие в ожесточенных боях на Орловской земле. В "Карточке учета ветерана 4-й гвардейской танковой армии" я нашел такую информацию: «*Носиков Павел Михайлович. Служба в 4-й танковой армии: с апреля 1943 г. 299 минометный полк, 3-й дивизион, 9-я батарея, старший радист до 2 августа 1943 г.*». Отец отвечал на обеспечение связи между подразделениями своего полка и командованием. Но описанный выше эпизод с подносом боеприпасов говорит о том, что он также помогал сослуживцам-минометчикам в выполнении ими боевых задач. Армейское звание у него в то время было младший сержант. Можно еще добавить, что согласно записям в комсомольском билете отцу в июле и августе месяце была начислена зарплата 60 рублей. Не знаю, получал ли он эти деньги на руки (а куда их было тратить на фронте?)

5 августа войска Красной армии освободили города Орел и Белгород. Вечером того же дня в Москве впервые за два года войны был дан победный салют. Этот салют Родины был и в честь уральских добровольцев.

На Орловской земле 55 лет спустя, папа справа – 1998 г.

УДТК в ходе Орловско-Курской битвы по сведениям архивного дела освободил 66 населенных пунктов. Как написано в докладе командира корпуса генерал-лейтенанта Родина: «*Весь личный состав показал беспредельное желание громить немецких фашистов до их полного уничтожения*». Однако в ходе ожесточенных столкновений с врагом только за первые три недели соединение понесло большие потери, как в технике, так и в живой силе: сгорел 71 танк, подбито 73, уничтожено 14 минометов. Учитывая,

что перед началом боев во всех частях было 202 танка Т-34, получается, что корпус лишился двух третей своих бронемашин. Среди военнослужащих потери (убитые, раненые и пропавшие без вести) – 3.651 человек, т.е. более одной трети списочного состава. После таких потерь бойцам требовался отдых и пополнение рядов, в сентябре УДТК был переведен в резерв Ставки.

Хотел бы еще сказать, что участие в боях на Орловско-Курской дуге для отца было, пожалуй, самым знаковым во всей войне. В других сражениях с фашистами, настолько же знаменитых в истории, он не участвовал. Поэтому понятно, что на различных встречах, в своих статьях отец чаще всего вспоминал именно эти эпизоды. Хотя их было не так уж много – ведь ровно через неделю после первого боя он был ранен и отправлен в госпиталь на лечение.

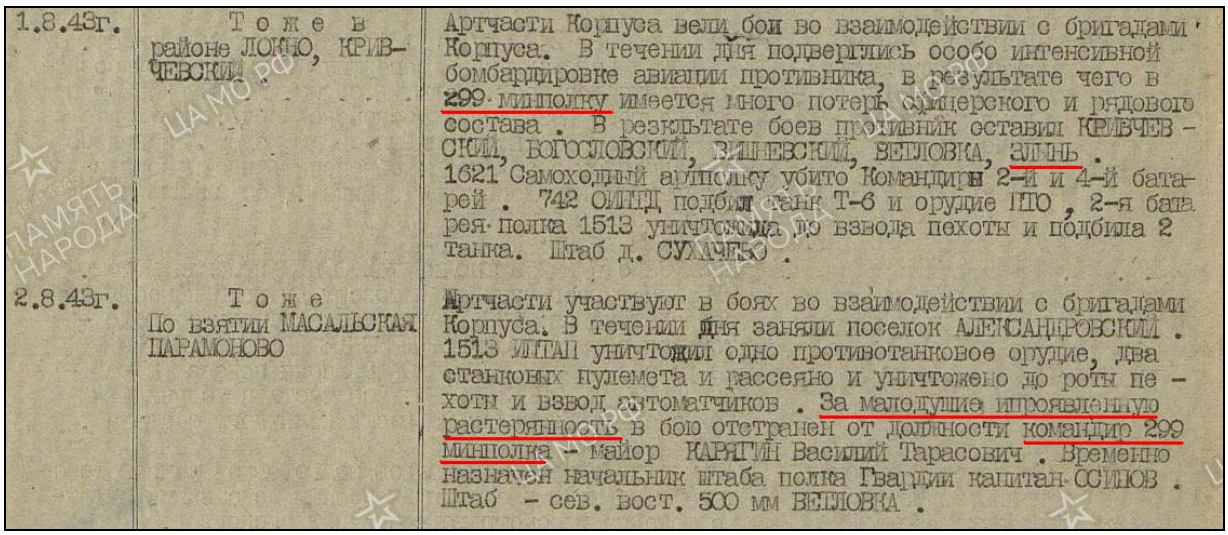
После войны, уже в наши дни ветерана Павла Михайловича Носикова неоднократно приглашали посетить места боев на Орловско-Курской земле в юбилейные даты. Он ездил на 50-летнюю годовщину битвы, и на 55-ю. И потом писал статьи-отчеты о своих поездках. Вот отрывок из публикации, вышедшей 1 сентября 1998 года в газете “Истринские вести”, в которой папа отметил, что поездка оставила в его памяти самые приятные чувства и воспоминания*: «Два дня мы провели в Урицком районе, участвовали во всех мероприятиях, посвященных 55-летию битвы за Орел. Самое сильное впечатление оставило у нас посещение мест, где мы участвовали в боях. Конечно, за 55 лет многое изменилось, трудно узнать те места, где мы сражались. Но нам на помощь пришли местные ветераны, которые помогли восстановить в памяти то, что когда-то пережили».* Там же в газете был опубликован фотоснимок, на котором Павел Михайлович Носиков вместе с однополчанами (оригинал этого снимка я потом отыскал в нашем архиве).

11. Первое ранение, лечение в госпитале Тулы (1943)

Послужной список:	*«**август 1943 – сентябрь 1943**, на излечении по ранению, 1145-й Сводный эвакогоспиталь, г. Тула, справка о ранении от 11.08.1943 г.* [мл. сержант]».

О своем ранении, случившемся 2 августа, папа неоднократно рассказывал и писал. Однако каких-то особых подробностей не приводил, не указал точное место, где это случилось (вполне возможно, что и сам не знал название местности). Также не говорил, как лечился в госпитале (упоминал лишь город Тулу).

Поэтому пришлось самостоятельно заниматься сбором информации, чтобы узнать, где в день ранения отца вели бои воинские части УДТК. В интернете нашел такую информацию: «*Южнее Борилово, у высоты “212,2”, развернулись ожесточенные танковые бои. Здесь командир корпуса ввел в бой Челябинскую танковую бригаду. 2 августа корпус овладел селом Злынь и вышел к рубежу противника в районе Массальская*». В поисках мне помог сын Сережа, он нашел архивный документ ЦАМО, напрямую относящий к воинской части, в которой воевал его дедушка – это сводка боевых действий частей корпуса.

1.8.43г.	Тоже в районе ЛОКНО, КРИВЧЕВСКИЙ	Артчасти Корпуса вели бои во взаимодействии с бригадами Корпуса. В течении дня подверглись особо интенсивной бомбардировке авиации противника, в результате чего в 299 минполку имеется много потерь офицерского и рядового состава. В результате боев противник оставил КРИВЧЕВСКИЙ, БОГОСЛОВСКИЙ, ВИШНЕВСКИЙ, ВЕТЛОВКА, ЗЛЫНЬ. 1621 Самоходный артполку убито Командиры 2-й и 4-й батарей. 742 ОИПД подбил танк Т-6 и орудие ПТО, 2-я батарея полка 1513 уничтожила до взвода пехоты и подбила 2 танка. Штаб д. СУХАЧЕВО.
2.8.43г.	Тоже По взятии МАСАЛЬСКАЯ ПАРАМОНОВО	Артчасти участвуют в боях во взаимодействии с бригадами Корпуса. В течении дня заняли поселок АЛЕКСАНДРОВСКИЙ. 1513 ИПАП уничтожил одно противотанковое орудие, два станковых пулемета и рассеяно и уничтожено до роты пехоты и взвод автоматчиков. За малодушие проявленную растерянность в бою отстранен от должности командир 299 минполка – майор КАРЯГИН Василий Тарасович. Временно назначен начальник штаба полка Гвардии капитан ССИПОВ. Штаб – сев. вост. 500 мм ВЕТЛОВКА.

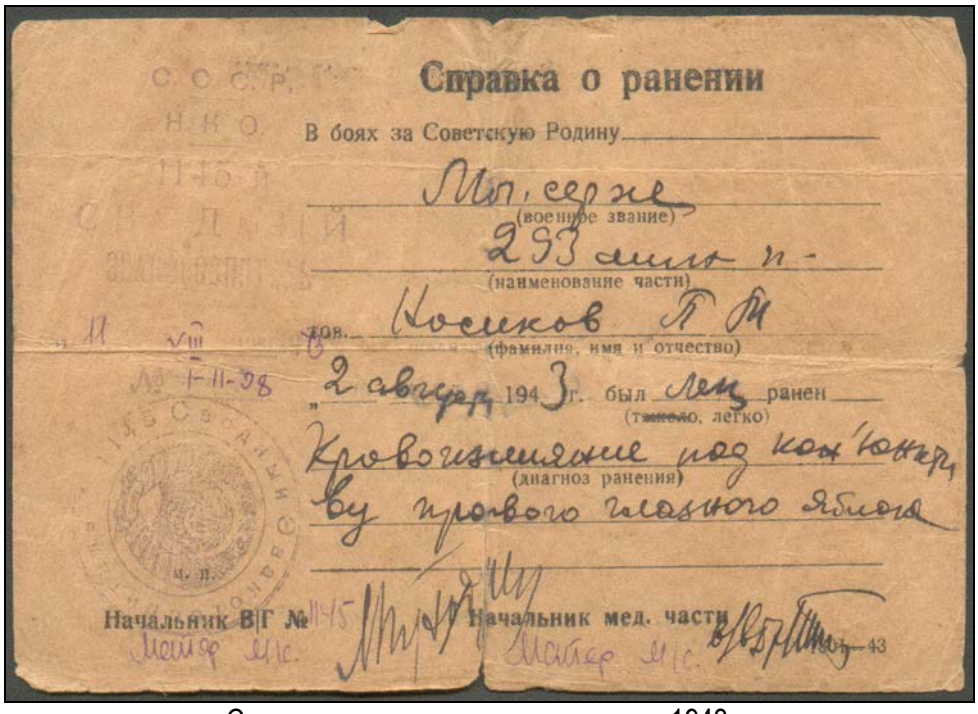
Сводка боевых действий УДТК – август 1943 г.

В сводке за 1 августа отмечено: «*В течении дня подверглись особо интенсивной бомбардировке авиации противника, в результате чего в 299 минполку имеет много потерь офицерского и рядового состава*». А если прочитать сводку за следующий день, то бросается в глаза отстранение командира полка майора Карягина «*За малодушие и проявленную растерянность*»[1]. В этот день были бои по освобождению селений Масальская и Парамоново, бои, как иногда говорили – «*местного значения*». Если посмотреть на приведенную ранее карту, то Масальская в самом ее низу, южнее той самой Злыни, которая уже неоднократно упоминалась и где велись ожесточенные бои. Вот где-то в этой местности и случилось зло – ранили младшего сержанта Павла Носикова.

Как уже отмечал, о своем ранении папа говорил немногословно и каждый раз немного иначе. В газете написал так: «*В одном из боев, когда наша батарея передвигалась на новые позиции, мы попали под минометный обстрел. В результате понесли потери: два человека были убиты, несколько ранены, в том числе и я – получил осколочное ранение в правый глаз. Осколок остался под глазным яблоком*». А внуку Сереже рассказал следующее: «*в крону рядом стоящего дерева попала минометная мина в момент, когда бойцы выгружали орудие. Получил множественные ранения лица, глаз*».

Перевязка раненного бойца на минометной позиции.

Справка о ранении

В боях за Советскую Родину

Мл. серж. (военное звание)

293 мин п- (наименование части)

тов. Носиков П М (фамилия, имя и отчество)

2 августа 1943 г. был лег ранен (тяжело, легко)

Кровоизлияние под конъюнктиву правого глазного яблока (диагноз ранения)

Начальник ВГ № 1145 Майор м/с

Начальник мед. части Майор м/с 43

Справка о первом ранении – август 1943 г.

В интернете нашел снимок, как санитарка на позиции минометной батареи перевязывает раненного в голову бойца. Эта фотография позволяет представить, как все могло происходить с папой.

Большая удача, что папа сохранил справки о своих ранениях. Это уже очень ветхие листки бумаги, видно, что ими неоднократно пользовались и условия хранения не были идеальными (учитывая, что небольшой листок когда-то был сложен вчетверо, мне так и хочется сказать, что отец носил в нагрудном кармане своей гимнастерки – но утверждать не буду, т.к. он этого не говорил).

На листке можно прочитать, что «*В боях за Советскую Родину мл. серж. 293* [ошибка, правильно 299] *мин. п. тов. Носиков П. М. 2 августа 1943 г. был легко ранен:*

[1] Так как два события произошли в один день – малодушие майора и ранение подчиненного ему младшего сержанта – то невольно приходит мысль, что, возможно, папа пострадал из-за своего командира.

Кровоизлияние под конъюнктиву правого глазного яблока». На штампе в левом углу можно разобрать: «*НКО*[1] *1145-й Сводный эвакогоспиталь, 11.VIII*».

О своем пребывании в тульском госпитале отец почти ничего не говорил. Лишь в одной из его газетных статей имеется несколько слов об этом: «*Когда сняли повязку, радости не было предела: глаз видел*». Внуку Паше он еще сказал, что во время лечения в госпиталь приезжал артист Бунчиков. Мне это имя незнакомо, на сайте Википедии нашел краткую информацию о нем: «*Владимир Александрович (Абрамович) Бунчиков (1902 – † 1995), советский певец, лирический баритон, заслуженный артист РСФСР*». Хотел найти какое-нибудь фото, где он выступал перед раненными бойцами (думаю, что он ездил не только в Тулу). Увы, ничего не попалось.

Зато в интернете нашел такую информацию: «*госпиталь 1145 – один из немногих, почти единственный в г. Туле, где размещены особо тяжело больные и раненые. Госпиталь имеет следующие отделения: челюстно-лицевое, нейрохирургическое, газовой инфекции, отоларингологическое,* ***глазное,*** *ранение черепа, стоматологическое, ранение нижних конечностей и, наконец, спецотделение для летно-подъемного состава*» (я выделил жирным шрифтом слово, имеющее отношение к специфике ранения папы).

Школа № 39 – Тула (Красный перекоп), 1950-е гг.

Также в сети узнал, где в 1943 году в Туле размещался эвакуационный госпиталь № 1145. Он располагался в трех школах города: ул. Коммунаров, школа № 39; ул. Тимирязева, школа № 18; пос. Красный Перекоп, школа № 58 (потом стала № 39). Нашел фотографию одного из школьных зданий, в котором размещались раненые. Снимок, правда, сделан уже после войны, когда в нем учились дети. Возможно, что в этой школе папа находился на излечении.

В Туле папу вылечили, вот его слова: «*В госпитале признали меня годным к службе, и я возвратился на фронт».* Сколько времени заняло лечение? Отец об этом никогда не говорил. В приведенной выше справке на штампе стоит дата 11 августа. Вполне вероятно, что это дата выписки. И тогда получается, что лечение заняло чуть более недели.

Во всех документах папы про первое ранение написано, что оно было легким. Да, лечение, судя по всему, оказалось недолгим, и после него младший сержант Носиков вновь оказался годным к несению воинской службы. Но не все тут так здорово, как могло бы показаться. Минный осколок (осколки?) оказался поблизости от глазного яблока. Знали ли об этом врачи? Думается, что знали, наверняка же делали рентген места ранения. Но удалять кусок железа не стали, коль скоро глаз видел. Спустя два с лишним десятилетия, оставшийся в голове осколок стал негативным образом проявлять себя, после чего врачам пришлось удалить глаз (подробнее об этом расскажу в материале о службе на Чукотке).

И еще. Таня (моя жена) говорила, что на голове папы видела небольшую твердую шишку (я ее не замечал). Павел Михайлович ей сказал, что это осколок со времен войны, он «гуляет» по голове. Вот так. Так что осколков от мины в голове отца могло остаться несколько. Вот такие «подарки» достались ветерану на память о войне.

[1] НКО – Народный комиссариат обороны.

12. Бои за освобождение Брянской области и Белоруссии (1943-1944)

Послужной список:	«***с сентября 1943 по февраль 1944****, старший линейный надсмотрщик, 1000 Отдельная Кабельно-шестовая рота связи, 63 армии, Брянский фронт;* ***с февраля 1944 по май 1944****, командир отделения связи, 1006 Отдельный батальон связи, 121 стрелкового корпуса, 2-й Белорусский фронт* [мл. сержант]».

Как уже говорилось, во время войны бойца после излечения от ранения часто направляли не в ту воинскую часть, где он прежде служил. Чем это было вызвано – я как человек невоенный и не служивший в армии – не могу точно сказать. На ум лишь приходит предположение, что за время нахождения в госпитале прежняя воинская часть вылечившегося солдата могла далеко переместиться, ее расположение еще надо знать. Да и к тому же, передвижение одиночных бойцов в тылу в поисках своих частей вряд ли приветствовалось бы командованием. Да и каким транспортом люди добирались бы в прифронтовой зоне? Проще было всех вылечившихся собирать в одном месте и по мере набора группы отправлять организованным образом на фронт в одну из частей.

Вот так и произошло с отцом. Как написано в одной из статей: «*Павлу Михайловичу выдали обмундирование и направили в запасной полк в Туле. Затем полк вновь отправили под Орёл. На сборном пункте Павла Михайловича определили в роту связи – телефонистом*». В другом месте указана должность «*линейного надсмотрщика*» и сказано, что отец уже был не рядовым бойцом, а командиром отделения. Что осталось прежним – так это Брянский фронт и звание младший сержант. А вот что папа рассказал внуку: «*После ранения попал в запасной полк, из него маршевой ротой на фронт в 63-ю армию, где нас распределили по частям. И я попал сначала в 1000-ю отдельную кабельно-шестовую роту связи 63-й армии, потом ее расформировали. И нас перевели в 1006-й батальон связи 121-го стрелкового корпуса. Ну, с этими частями прошел Брянскую область и вошел на территорию Белоруссии в Могилевскую область».* Судя по всему, с минометами моему отцу больше не приходилось иметь дело.

В приведенной цитате есть слова про «*кабельно-шестовую роту связи*». Прежде мне не доводилось слышать о таких воинских соединениях, и папа ничего не рассказывал. Из кинофильмов о войне мне казалось, что на фронте телефонные провода клали прямо на землю или снег. А тут какие-то шесты. Стал искать подробности и на сайте Википедии нашел: «*Основной задачей кабельно-шестовых рот было создание и поддержание в рабочем состоянии временных воздушных кабельно-шестовых линий связи. Для этого использовались специальные шесты с изолятором, на которые крепились различные виды кабелей*». Нашлась и фотография в сети, на которой видно, как бойцы прокладывают такую линию связи.

Внук Паша спросил дедушку: что ему запомнилось больше всего в этот период службы? Ответ был такой: «*Брянская область: выходили* [люди] *встречать из леса. Слезы навертываются на глаза. Даже банку варенья тащили, угощали белорусы: их же жгли всех. Оставались одни печные трубы. Их уже сами угощали (сахар не видели 2 года!)».*

Установка линии связи на шестах.

А на вопрос о пленных немцах папа ответил так: «*На Брянщине встречали. Жалкий вид, но у каждого солдата часы! И губные гармошки. Первым делом потом их отбирали. В Белоруссии уже не сопротивлялись, тут же сдавались, кроме одной группы эсэсовцев. После поджога стогов сдались. Вести пленных было тяжело потому, что местные вырывали им глаза».*

В газетных статьях об этом периоде войны отец писал так:

«В начале сентября я уже воевал в составе 63-й армии Брянского фронта. Каждый город Брянской области освобождали с боями, правда, менее кровопролитными, чем во время Орловско-Курской операции. Участвовал я в освобождении городов Погар, Почеп, Стародуб. Серьезное сопротивление оказал враг при форсировании реки Сож. Применяя подручные плавсредства, наши передовые подразделения переправились на западный берег, захватили плацдарм, чем способствовали переправе основных сил. Запомнились встречи с брянскими партизанами, выходившими из леса навстречу нам. Сколько слез радости, благодарности мы услышали от тех, кому довелось испытать на себе ужасы вражеской оккупации». «Объятия, поцелуи…Этого забыть нельзя!».

«К осени 1943 г. мы вышли на реку Днепр на границе с Белоруссией, сходу форсировали ее в районе местечка Быхов. Зима 1943-44 гг. не была отмечена на нашем участке фронта крупными активными боевыми операциями». «Где-то с конца октября (1943 г.) были попытки расширить плацдарм на Днепре, но, к сожалению, закончились они на нашем участке не очень удачно».

Мне хотелось проследить, какие места освобождали воинские части, в которых служил папа. Выше была приведена цитата, в которой упоминались Почеп, Стародуб, река Сож. Первые два города находятся на западе Брянской области, а река Сож (приток Днепра) протекает уже по территории Белоруссии, Гомельской и Могилевской областям. К сожалению, в интернете не удалось найти сведения о 1000-й роте связи, подчинявшейся, видимо, непосредственно командованию 63-й армии. Проще оказалось найти информацию о 1006-м батальоне, который был сформирован 10 декабря 1943 года и входил в 121 стрелковый корпус (СК). Этот батальон в апреле 1945 года был награжден орденом Красной Звезды (в указанное время отца уже не было в этом соединении).

В послужном списке Павла Михайловича Носикова отмечено, что в 1006-й батальон он был направлен в феврале 1944 года. В интернете нашел информацию, что 121 СК в это время входил в 50-ю армию Белорусского фронта. В марте фронт уже назывался 1-й Белорусский. А в мае корпус перевели в подчинение 2-го Белорусского фронта.

На сайте Википедия имеется информация о 121 СК, какие боевые задачи он выполнял: «*С 15 декабря 1943 года по 21 февраля 1944 года, в составе 50-й армии, части 121-го стрелкового корпуса находились в обороне в районе западнее населённого пункта Смолица Быховского района Могилёвской области. С 22 февраля по 2 марта 1944 года корпус перешёл в наступление с задачей выйти на рубеж Красный Пахарь – Залесская Слобода – Новая Боярщина. С 3 по 25 марта 1944 года части корпуса находились в обороне на рубеже Яново – Староселье. С 25 марта по 3 апреля 1944 года корпус ведёт наступательные бои по улучшению своих позиций на рубеже Яново – Староселье. С 4 апреля по 23 июня 1944 года части корпуса находились в обороне на рубеже Устье – Усушек – Дворовы – Мамочино*». Все упомянутые названия населенных пунктов – это восточная часть Белоруссии, Могилевская область. Часть территории республики наши войска освободили еще осенью 1943 года, даже местами форсировали Днепр, об этом отец говорил.

Из учебников военной истории известно, что в 1944 году с 21 по 26 февраля была проведена фронтовая Рогачевско-Жлобинская операция. Войска Красной армии форсировали Днепр, прорвали сильно укрепленную оборонительную полосу противника, захватили выгодный в оперативном отношении плацдарм размером 62 км по фронту и до 30 км в глубину. Наши части очистили от врага небольшую территорию на восточном берегу Днепра. В данной операции принимали участие части 121 СК. Эту воинскую операцию снимал фронтовой фотограф К. Лизогуб, на одном из его снимков видно, как бойцы по-

Форсирование Днепра – февраль 1944 г.

могают армейскому грузовику подняться в горку (видимо обледенелую).

Я уже говорил, что у папы было много медалей, отмечал, какой тяжелый его парадный китель. Однако более всего он ценил две награды: медаль “За отвагу” и орден “Красная звезда”. Они были получены на фронте за выполнение опасных заданий командования и, что называется, ценой собственной крови (к ордену это относится в самом прямом смысле).

О том, как и за что получены эти награды – отец неоднократно рассказывал (правда, не так подробно, как хотелось бы). И как позже выяснилось – иногда путал даты награждения. А выяснилось это следующим образом. Когда в 2015 году папа умер, это был, конечно, большой удар для всех. Мой сын Сережа захотел на сайте “Бессмертный полк” сделать страничку о любимом дедушке и стал собирать о нем информацию во всемирной сети. На сайте “Подвиг народа” нашел копии архивных документов с представлениями Павла Михайловича Носикова к наградам. С одной стороны, очень здорово, что данные документы нашлись. Но, с другой стороны, как жаль, что это случилось уже после смерти отца, и он не увидел найденные представления (я не уверен, что наградные листы на себя он вообще когда-либо видел).

Ниже приводится изображение машинописной копии архивного документа ЦАМО (ф.33 оп.686044 д.3386), я приведу его текст, т.к. не все слова хорошо читаются.

«*НАГРАДНОЙ ЛИСТ. 1. ФИО: НОСИКОВ Павел Михайлович. 2. Звание: младший сержант. 3. Должность, часть: линейный надсмоторщик 1006 Отд. батальона связи 121 Стрелкового Корпуса. ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ: к награде* ***медалью “ЗА ОТВАГУ”.*** […]

Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг:

Младший сержант НОСИКОВ участник отечественной войны с марта 1943 года. Во время наступательных боевых действий с 23.2.44 г. при форсировании реки Днепр в районе ***Селец-Холопеев***[1] *Быховского района Могилевской области, взвод, где старшим надсмоторщиком НОСИКОВ, обслуживал связью командира корпуса с соединениями по линии наблюдательных пунктов. Сильный артиллерийский и минометный огонь противника часто рвал линию. 24.2.44 г. НОСИКОВ под сильным минометным огнем противника за 40 минут устранил 8 повреждений на линии. 2 марта 1944 г. под огнем противника устранил 31 повреждение линии связи. Находясь под вражеским обстрелом чувствует себя спокойно. Действует уверенно и решительно.*

Достоин правительственной награды медалью “ЗА ОТВАГУ”.

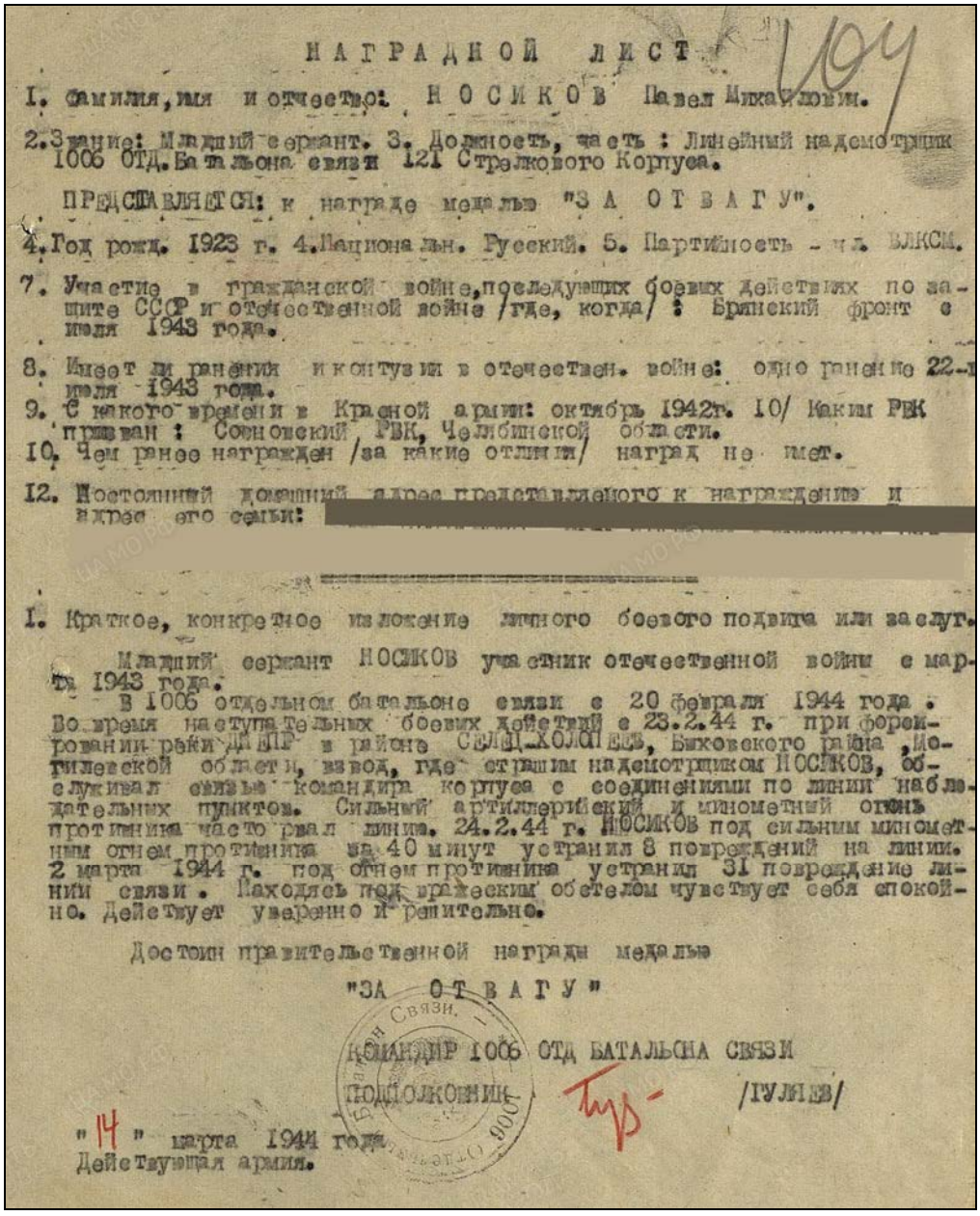
Командир 1006 Отд. Батальона связи подполковник Гуляев. 14 марта 1944 г.»

На обороте наградного листа также есть текст, там стоит подпись вышестоящего командира 121 СК генерал-майора Смирнова и дата 21 марта 1944 года. И там же ниже имеется приписка: «*Награжден медалью “За отвагу” приказ 121 стрелкового корпуса № 08/Н от 24.3.1944 года. Пом. нач. отдела кадров 121 стрелкового корпуса лейтенант Беляев. 25.3.1944 года».*

В том же архивном деле имеется приказ по 121 СК № 08/Н от 24 марта 1944 г., в котором указаны ФИО награжденных, их подразделения и какие именно награды. Помимо папы в нем оказалось много бойцов 1006-го батальона: Бондаренко К. В., Ермилов П. М., Королевский Н. А., Лазарев Г. М., Попова А. Н., Пригаров Л. П., Толоконников Н. С., Чистяков В. С. (все получили медаль “За отвагу”). Командиру радиороты того же батальона Степанову И. Ф. вручили орден “Отечественной войны 2 степени”. Старшину той же роты и батальона Базарнова М. Ф., военнослужащих Дупенко Т. И., Ивлева И. И., Кравченко И. Л., Новгородова И. Е., Пестова И. С. наградили орденами “Красной звезды”. Как видим, много сослуживцев папы оказалось в наградном списке. Помнится он сетовал, что не помнит имена многих товарищей, с кем служил. Прочитав эти фамилии, я думаю, что он кого-нибудь вспомнил …

Рогачевско-Жлобинская операция, в ходе которой папа получил свою первую награду, не относилась к числу крупных сражений Великой Отечественной войны и не привела к освобождению всей территории Белоруссии. Позиции немцев в том районе были хорошо укреплены, и требовалась более тщательная подготовка к наступлению. К выполнению такой задачи и приступило командование. Весной началась подготовка к крупномасштабной операции по освобождению Белоруссии,

[1] Название этого населенного пункта упоминается в описании Рогачевско-Жлобинской операции. Дата 23 февраля также совпадает со временем ее проведения. Все это говорит о том, что папа принимал участие в указанной операции. Мне, правда, не довелось встречать, чтобы он употреблял название Рогачевско-Жлобинской операции в своих воспоминаниях и статьях.

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество: НОСИКОВ Павел Михайлович.

2. Звание: Младший сержант. 3. Должность, часть: Линейный надсмотрщик 1006 ОТД. Батальона связи 121 Стрелкового Корпуса.

ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ: к награде медалью "З А О Т В А Г У".

4. Год рожд. 1923 г. 4. Национальн. Русский. 5. Партийность - чл. ВЛКСМ.

7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и отечественной войне /где, когда/: Брянский фронт с июля 1943 года.

8. Имеет ли ранения и контузии в отечествен. войне: одно ранение 22-г июля 1943 года.

9. С какого времени в Красной армии: октябрь 1942г. 10/ Каким РВК призван: Сосновский РВК, Челябинской области.

10. Чем ранее награжден /за какие отличия/ наград не имел.

12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи: [redacted]

I. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг.

Младший сержант НОСИКОВ участник отечественной войны с марта 1943 года.

В 1006 отдельном батальоне связи с 20 февраля 1944 года. Во время наступательных боевых действий с 23.2.44 г. при форсировании реки ДНЕПР в районе СЕЛО ХОЛОПЕЕВ, Быховского района, Могилевской области, взвод, где старшим надсмотрщиком НОСИКОВ, обслуживал связью командира корпуса с соединениями по линии наблюдательных пунктов. Сильный артиллерийский и минометный огонь противника часто рвал линии. 24.2.44 г. НОСИКОВ под сильным минометным огнем противника за 40 минут устранил 8 повреждений на линии. 2 марта 1944 г. под огнем противника устранил 31 повреждение линии связи. Находясь под вражеским обстрелом чувствует себя спокойно. Действует уверенно и решительно.

Достоин правительственной награды медали

"ЗА ОТВАГУ"

КОМАНДИР 1006 ОТД БАТАЛЬОНА СВЯЗИ

ПОДПОЛКОВНИК /ГУЛИЕВ/

"14" марта 1944 года.

Действующая армия.

Наградной лист к медали “За отвагу” – март 1944 г.

впоследствии названной операцией “Багратион”. Подготовка сводилась не только к накапливанию резервов, но и в прокладке новых (или замене старых) линий связи между командными и наблюдательными пунктами воинских частей. Это было необходимо для успешного проведения будущей операции на ее начальном этапе. В выполнении поставленной задачи принимали участие бойцы 1006 батальона. Как писал папа в одной из своих статей: «*Мы тогда много заново наводили линии связи – вплоть до июля 1944 года, пока не началась операция Багратион*».

В апреле 1944 года Павел Михайлович Носиков стал кандидатом[1] в члены партии, об этом написано в его учетной карточке. Там же отмечено, что прием осуществила «*Парткомиссия 121 Стрелкового корпуса*». Мне он не говорил, а вот моей жене Татьяне, которая тоже когда-то была членом КПСС, рассказывал, что когда он шел за рекомендацией в партию, то оказался под обстрелом, и первая мысль была вернуться. Но отец ее тут же отогнал, рассуждая: как же он может струсить, если его должны принять кандидатом в члены партии. В итоге все сложилось удачно: и от обстрела не пострадал, и рекомендацию в тот день получил.

Через какое-то время отца вновь ранило, причем, как поначалу показалось, тяжело. Как и когда это произошло – об этом пойдет речь дальше.

[1] Во времена СССР людей не принимали сразу в коммунистическую партию, сначала надо было год побыть кандидатом – это что-то типа испытательного срока.

13. Второе ранение, лечение в госпитале Климовичи (1944)

Послужной список:	«***май 1944 – июнь 1944****, на излечении по ранению, Военный госпиталь 2727, справка о ранении от 20 июня 1944 г. № 2006* [младший сержант]*».*

О своем втором ранении, случившемся 23 мая 1944 года, папа почему-то мало рассказывал, по крайней мере, заметно реже, чем о первом. Думаю, это естественно, ведь младший сержант Павел Носиков к тому времени уже почти год находился на фронте, ему довелось побывать в разных ситуациях, которые он охарактеризовал так: «*сложные моменты были, очень даже».* Про таких людей говорят: обстрелянный боец. Да папа и сам говорил, что «*потом постепенно начал привыкать* [к войне]». Видимо, поэтому впечатления о втором ранении в его памяти остались не такие яркие, как первый бомбардировка, первый бой, горящие танки, первое ранение …

О том, как Павел Носиков был ранен, имеется две версии. Что интересно, отец сам их озвучил своим внукам, но в разное время. Так Сереже говорил, что ехали вдоль речки на повозке, он сидел сзади, и лошадь наступила на мину. От взрыва взлетел в воздух и при падении сломал ключицу.

А внуку Паше рассказал другое: «*Когда мы строили кабельно-шестовую линию и нас немецкий разведчик* [видимо, авиаразведчик] *засек, и начал сбрасывать бомбы специальные противопехотные. Они падают на землю – там какое-то пружинное устройство* [срабатывает] *– подскакивают и взрываются в метре от земли. Вот там взвод наш здорово понес потери, и командир взвода погиб. И мне пришлось брать на себя* [задачу] *довести до наблюдательного пункта дивизии линию связи. Вот за это в основном и получил я орден Красной звезды».* В этой фразе ничего не говорится о ранении. Но как следует из архивного дела ЦАМО (ф.33 оп.690155 д.2095), как раз при выполнении боевого задания 23 мая папа получил ранение и был представлен к ордену. Об этом прямо сказано в представлении на награждение орденом “Красной звезды”.

Наградной лист на орден по своей форме повторяет такой же лист, приведенный ранее, поэтому ниже приводится только его фрагмент. В документе написано:

«*1. ФИО: НОСИКОВ Павел Михайлович.* […] *8. Имеет ли ранения и контузии в отечественной войне: июль 1943 год легкое ранение, 23 мая 1944 года тяжело ранен.*

Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг:

Младший сержант Носиков в 1006 отдельном батальоне связи 121 стрелкового корпуса с февраля 1944 года. В наступательных боевых действиях частей 121 стрелкового корпуса в районе села Смолица Быховского района Могилевской области обслуживал линию связи от командного пункта командира 110 стрелковой дивизии. 27 марта 1944 года под сильным огнем противника устранил 5 порывов на линии за 35 минут, чем обеспечил бесперебойную связь командира корпуса с дивизией. 23 мая 1944 года выполняя боевое задание по постройке телефонной линии в районе села ***Узгорск*** *Быховского района Могилевской области попал на мину. В результате взрыва Носиков был тяжело ранен и отправлен в госпиталь.*

Достоин правительственной награды ***орден “Красной звезды”.***

25 мая 1944 г. Командир б-на Гв. подполковник Гуляев».

На обороте наградного листа подпись того же командира 121 СК, что и в прошлый раз, стоит дата 31 мая 1944 г. И в конце приписка: «*Награжден орденом “Красной звезды” 1 июня 1944 г.»* (на самом деле отец эту награду, видимо, получил значительно позже).

В том же архивном деле имеется и приказ № 19/Н от 1 июня 1944 г. подписанный командиром 121 стрелкового корпуса генерал-майором Смирновым. Фамилия младшего сержанта Носикова в самом конце листа (она на копии листа обведена).

Теперь хотелось бы вернуться немного назад туда, где я говорил, что существуют две версии взрыва, приведшего к ранению отца: от мины и бомбы. Вполне возможно, что справедливы обе. Можно предположить, что выезжая на выполнение задание 23 мая, бойцы попали под бомбежку, от взрыва бомбы погиб командир взвода. Папа взял командование оставшимися в живых солдатами на себя, т.к. был командиром отделения. В результате поставленное командованием боевое задание было выполнено, так сказано в наградном листе. И после его выполнения (возможно, при возвращении в часть) лошадь, которая везла телегу с отцом, подорвались на мине. Все вроде сходится. Почему именно так не могло произойти на самом деле?

Младший сержант Носиков. В 1006 отдельном батальоне связи 121 стрелкового корпуса с февраля 1944 года.
В наступательных боевых действиях частей 121 стрелкового корпуса в районе село Смолица Быховского района Могилевской области обслуживал линию связи от командного пункта командира 121 стрелкового корпуса до командного пункта командира 110 стрелковой дивизии. 27 марта 1944 года под сильным огнем противника устранил 5 порывов на линии за 25 минут. Чем обеспечил бесперебойную связь командира корпуса с дивизией. 23 мая 1944 года выполняя боевое задание по постройке телефонной линии в районе села Узгорск Быховского района Могилевской области попал на мину. В результате взрыва Носиков был тяжело ранен и отправлен в госпиталь.

Вх 24017
2 Белор. фр

СЕКРЕТНО
Экз. №

ПРИКАЗ

121 СТРЕЛКОВОМУ КОРПУСУ
50 АРМИИ.

о награждении личного состава

«1» июня 194 г. № 019/н Действующая Красная Армия

От имени Президиума Верховного Совета Союза ССР, за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество — НАГРАЖДАЮ:

Орденом "ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 2 СТЕПЕНИ"

1. Красноармейца	АТАКУЛОВА Катьку	Курсанта учебной роты 380 стрелковой Орловской дивизии.
2. Старшего сержанта	АХМЕТОВУ Гамину Нуратому.	Сан инструктора 1260 стрелкового полка 380 стрелковой Орловской дивизии.
3. Старшину	ГЛУХОВА Алексея Даниловича	Помощник командира взвода учебной роты 380 Стрелковой Орловской дивизии.
4. Младшего лейтенанта	ИЛЛАРИОНОВА Николая Ивановича	Командира телефонно-кабельного взвода 1006 Отдельного батальона связи.
5. Младшего лейтенанта	КОПОВКА Николая Федосеевича	Командира минометного взвода 1291 стрелкового полка 110 стрелковой дивизии.
6. Красноармейца	ПОСТРЕБИНИКОВА [illegible]	Садового 1006 Отдельного батальона связи.
7. Капитана	ТАТАРКОВА Петра Захаровича	Командира пулеметной роты 1264 стрелкового полка 380 стрелковой Орловской дивизии.
8. Красноармейца	ШЕВЦОВА Михаила Семеновича	Курсанта учебной роты 380 стрелковой Орловской дивизии.

Орденом "КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ"

1. Старшего сержанта	ВАЛИНА Григория Никифоровича	Командира отделения 371 артиллерийского полка 110 стрелковой дивизии.
2. Старшего сержанта	ГРИНЬКО Павла Петровича	Помощника командира взвода учебной роты 380 стрелковой Орловской дивизии.
3. Младшего лейтенанта	ДЕНИСОВА Ивана Кузьмича	Командира стрелкового взвода 1264 стрелкового полка 380 стрелковой Орловской дивизии.
4. Гвардии старшего лейтенанта	ЕРШОВА Ивана Александровича	Командира комендантской роты 121 стрелкового Корпуса.
5. Младшего лейтенанта	ЗАЙЦЕВА Евгения Васильевича	Командира стрелкового взвода 1287 стрелкового полка 110 стрелковой дивизии.
6. Старшего техника-лейтенанта	КОРОЛЬКЕВИЧА Афонасия Васильевича	Начальника мастерских 859 роты связи 110 стрелковой дивизии.
7. Младшего Сержанта	НОСИКОВА Павла Михайловича	Линейного надсмотрщика 1006 Отдельного батальона связи.

Награждение орденом “Красной звезды”, ранение – май-июнь 1944 г.

Хотелось бы обратить внимание на некоторые детали, указанные в наградных листках при описании подвигов. Отца отметили в первый раз медалью не за одно выполненное задание, а за три (23, 24 февраля и 2 марта). И орден также дали не за один эпизод, а за два (27 марта и 23 мая). Все это позволяет говорить о смелости, мужестве младшего сержанта Павла Носикова, причем не в единичных случаях. Для отца было главным любой ценой выполнить задание командования, невзирая на грозящую ему самому опасность.

И еще. Во втором наградном листе указано довольно точно место ранения: село Узгорск Быховского района Могилевской области. Как показывает карта, там протекает речка под названием Рэста. Думается, что где-то на ее берегу и подорвалась лошадь и телега, на которой ехал папа.

Теперь мне хочется порассуждать вот о чем. За три месяца Павел Носиков был дважды представлен к правительственным наградам. Я поначалу не обратил на это внимание, а потом задумался. Отец воевал с лета 1943 года. И наград у него долгое время не было. Почему? Он ничего героического не совершал? Да, я, конечно, понимаю, что было много солдат, которые прослужили всю войну и индивидуальных наград не имели, в лучшем случае была медаль “За победу над Германией”, или за взятие какого-то города (это, как говорится, за коллективный подвиг). Неужели, люди, воевавшие на фронте и вернувшиеся с него без наград, не совершали ничего такого, что достойно награждения? Я далек от такого предположения. Как мне кажется, в награждении медалями и орденами много субъективного, все (или почти все) зависит от командиров. Боец мог совершать геройские поступки, но этого командиры не знали или не хотели по каким-то причинам замечать и не подавали документы на представление к награде (думаю, что это особенно было распространено в первые месяцы войны). Полагаю, что многим воинам было обидно. Да, мне могут возразить: главным на войне был не личный подвиг, а победа над врагом всего народа. Верно. И все-таки, вернувшихся с войны часто оценивали по орденам и медалям на их груди. А у кого их не было – тот, вроде как, и не участвовал в боевых действиях, доблести не проявил.

Ну, так вот. Отца представлял на награждение медалью и орденом командир его батальона подполковник Гуляев. Он по достоинству оценил поступки младшего сержанта Носикова и его самого. Можно предположить, что у отца могли быть еще награды, останься он в подчинении все того же Гуляева. Но бойцы не выбирают командиров и воинские части, где служить. Представление к ордену совпало со вторым ранением. А после излечения в госпитале отец, как и в предыдущий раз, не вернулся в свою часть. И боевых наград у него больше не было. Хотя на самом деле, это не так важно. Самой главной наградой во время войны была сохраненная жизнь. А ее у отца, к счастью, никто не отнял, он остался живым.

Но вернемся к его второму ранению. В представлении на орден написано: «*В результате взрыва Носиков был тяжело ранен и отправлен в госпиталь*». К счастью, тяжесть ранения не подтвердилась, папа неоднократно писал, что и второй раз был легко ранен. Да и в официальной справке о выздоровлении тоже так же написано. Я не думаю, что в наградном листе сознательно написали неправду. Полагаю, что после взрыва вид отца был таким, что при отправке в госпиталь могло показаться тяжелое ранение. Слава Богу, что это оказалось не так.

В архиве отца сохранилась справка и о втором ранении, она также имеет ветхий вид, отдельные слова выцвели, и прочитать их не удалось. Вот что получилось разобрать: «*Справка о ранении. В боях за Советскую Родину мл. серж. 1006 ОБ тов. Носиков Павел Михайлович 23.5.1944 г. был легко ранен* [неразборчиво] *правой (?) ключицы при разрыве мины*». На документе стоит круглая печать, на которой читаются слова: *«Глушковский Военный Госпиталь»*. А также штамп «*Военный госпиталь № 2727*», в него вписана дата «*20 июня 1944 г.*»

СПРАВКА О РАНЕНИИ

Военный Госпиталь
№ 2727

В боях за Советскую Родину мл. сержант
(воинское звание)
1006 ОБ тов. Носиков
(наименование части) (фамилия)
Михайлович
(имя) (отчество)
23/5 194 г. был легко
(дата ранения) (тяжело, легко)
ранен в/ключицы
(контужен, обморожен и т. д.)
(диагноз поражения)
Военный комиссар

Госпиталь № 2727 Глушковский Военный

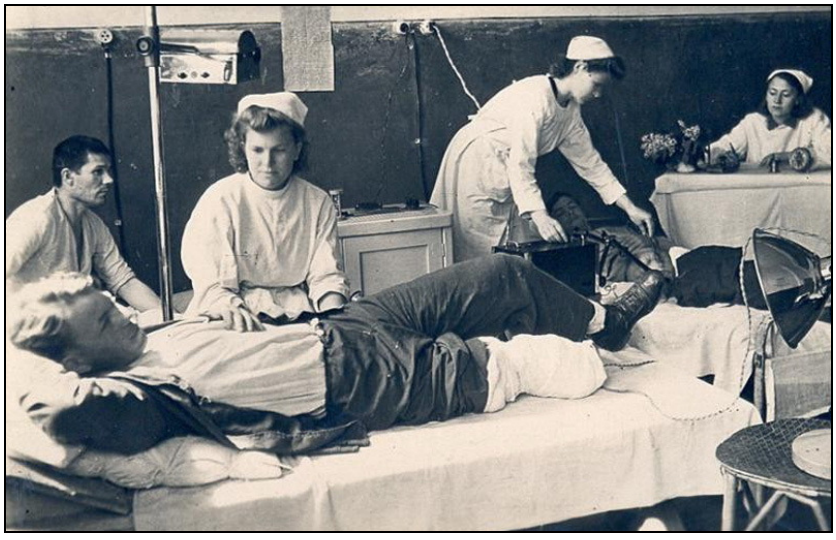
Справка о втором ранении – май-июнь 1944 г.

Местонахождение фронтового госпиталя в справке не указано. Папа неоднократно говорил (и это потом продублировано в нескольких статьях, автобиографии), что он лечился в городе Климовичи Могилевской области. Как и в случае с первым ранением, я попытался дополнительно узнать о госпитале. В этот раз информацию найти оказалось намного сложнее. На специа-

лизированном сайте “Справочник дислокации госпиталей РККА в 1941-1945 годах” имеется огромная база лечебных учреждений, которые действовали во время войны, с указанием дат, когда они функционировали. Однако Глушковского госпиталя № 2727 в Климовичах не оказалось, лечебное учреждение с таким номером было в Курской области в 1941 (!) году. В ходе поиска учреждения по номеру выяснилось, что в Могилевской области было аж четыре госпиталя № 2727. При этом даты их функционирования не пересекаются, а следуют друг за другом. Это означает, что с декабря 1943 по сентябрь 1944 госпиталь четыре раза переезжал, менял свою дислокацию вслед за перемещением линии фронта. Папа был ранен в конце мая и в это время госпиталь № 2727 находился в деревне Ходунь Могилевской области, которая примерно в 20 км от г. Климовичи. На одном из белорусских сайтов нашел такую информацию об этом лечебном учреждении: «*До начала операции “Багратион” госпиталь размещался в Климовичском районе, в деревне Ходунь. Как все госпитали для легкораненых, он имел 1000 коек, поэтому его решили разместить в здании школы НКВД. Кстати, в этом здании в годы оккупации находился немецкий госпиталь*».

В самих же Климовичах, как показывает сайт “Справочник дислокации госпиталей …”, в разное время находилось аж 14 (!) военных госпиталей, из них три работали в конце мая 1944. При этом один назывался «*Хирургический полевой подвижной госпиталь № 189*», а два других были просто «*эвакогоспитали*». Пытаясь найти хоть какие-то сведения о лечебных учреждениях в Климовичах во время войны, я обнаружил на белорусском сайте такие строчки: «*До июня 1945 г. в корпусах Климовичской районной больницы размещался военный госпиталь*».

Анализируя все найденные сведения и пытаясь понять, как весной 1944 года все происходило, где же все-таки лечился папа, у меня появилось такое объяснение. Госпиталь № 2727 за время войны неоднократно менял дислокацию, каждые несколько месяцев перемещался на новое место. Официальную печать организации при этом не переделывали, она осталась старой, когда лечебное учреждение в начале войны находилось в Глушково Курской области. Папа мог лечиться в госпитале № 2727 в деревне Ходунь Климовического района, а мог и в самом райцентре. Учитывая профиль его ранения (перелом ключицы), он, скорее всего, лечился в хирургическом госпитале № 189, который как раз был в Климовичах. Ну а при его выписке на справке почему-то поставили печать другого, соседнего лечебного учреждения. Подчеркну, что это всего лишь версия.

Госпиталь № 6 в Белоруссии.

Ни одной фотографии военных госпиталей в Климовичах или в Ходуни не удалось найти. Поэтому для иллюстрации подобрал снимок другого лечебного учреждения в Белоруссии.

На этот раз лечение отца оказалось более длительным, чем в Туле. Он пробыл в госпитале почти месяц. Это, видимо, вызвано тем, что переломанная ключица должна была срастись. О своем пребывании в Климовичах отец подробностей не сообщал, кроме одной фразы, сказанной внуку Паше, что к ним приезжал в госпиталь какой-то «*ансамбль песни и пляски*».

Хотел бы еще сказать несколько слов насчет ранений отца. У каких-то солдат за всю войну не было ни одного ранения (как, например, у моего дедушки по линии мамы Федоса Ивановича). А у кого-то сразу несколько. Хорошо, что у отца их оказалось только два. Хорошо, что в обоих случаях он был легко ранен, и после лечения комиссия признавала его здоровым и годным к продолжению воинской службы. Все это, что называется, плюсы. Но были и минусы. Оба ранения на войне не прошли бесследно для здоровья папы, несмотря на излечение в госпиталях. Первое через 23 года привело к удалению глаза и последующей инвалидности второй группы. А после второго ранения ключица срослась неправильно (на плече отца был заметен горб) и периодически болела, особенно досаждала в старости. Я помню, как иногда папа жаловался на боль в плече.

14. Освобождение Польши, учеба на курсах мл. лейтенантов (1944-1945)

Послужной список:	«***июнь 1944 – апрель 1945****, курсант, курсы младших лейтенантов, 2-го Белорусского фронта* [младший сержант, и, возможно, сержант]».

После излечения от второго ранения папа вновь оказался в строю. О третьем, завершающем периоде его участия в Великой Отечественной войне писать и легко, и трудно. Легко потому, что папа достаточно часто писал об операции “Багратион”, начавшейся летом 1944 года. А трудно потому, что он довольно мало говорил о своем личном участии и осталось много неясного.

Если просмотреть автобиографии отца (а у меня есть три варианта, написанных в разные годы), почитать записи воинского учета, то из них следует, что после второго госпиталя в том же июне 1944 года младшего сержанта Носикова П. М. зачислили на курсы подготовки младших лейтенантов. И нигде в этих документах не сказано о его участии в каких-либо боевых действиях, да и номер воинской части, в которой он находился, также не указан. В пользу этого говорят и сведения из послужного списка, в отдельных графах которого отмечалось пребывание на фронте (это потом особо учитывалось при исчислении срока воинской службы). Ну, так вот: согласно записям в этом документе пребывание отца на фронте завершилось в мае 1944 года, т.е. при получении второго ранения. Все это свидетельствует о том, что во время нахождения на курсах отец числился в учебном батальоне (или роте) как курсант и не принимал непосредственного участия в боевых действиях. Все казалось бы ясно. Но вот отец в своих воспоминаниях говорил о другом.

Так своему внуку Сереже он рассказывал, что «*После лечения был приписан к резервному полку 2-го Белорусского фронта*». И в его составе участвовал в сражениях за Польшу. А до этого принимал участие в операции “Багратион”, как он сам писал: «*Мне довелось участвовать в завершении разгрома немецких войск, оказавшихся в котле*».

Размышляя над всем этим и не подвергая сомнению правдивость отца, я пришел к такому заключению. Павел Носиков был зачислен на курсы, посещал все положенные по расписанию учебные занятия. Но это не была непрерывная учеба изо дня в день. Учебный батальон (роту) командование периодически привлекало к выполнению разовых заданий в тылу, например, зачистка территории от остатков вражеских войск, конвоирование пленных. Уже потом нашел подтверждение этому в одной из ранних статей отца, в которой он говорит: «*Я не принимал непосредственного участия в боях.* […] *В составе курсов нас привлекали к прочесыванию лесов, населенных пунктов*». После этого стало понятно, откуда у отца воспоминания, о которых пойдет речь далее.

Согласно приведенной выше справке о ранении, отец был выписан из госпиталя 20 июня 1944 года. И буквально через три дня началась операция “Багратион”, про которую папа любил рассказывать в статьях и на ветеранских встречах наряду с Орловско-Курской битвой. Это и понятно, ведь он получил орден и был ранен как раз при выполнении одного из боевых заданий при подготовке к этой операции. Уж не знаю, в каком качестве, но отцу довелось лично наблюдать начало наступления наших войск в Белоруссии. Вот что он написал в одной из своих статей:

«*Операция* [“Багратион”] *началась массированным бомбовым ударом трех воздушных армий по узлам обороны и артиллерийским позициям на участках предстоящих прорывов обороны противника в ночь на 23 июня. С рассветом вступила в действие артиллерия по переднему краю обороны. Мне довелось быть свидетелем этой канонады на участке прорыва 49-й армии 2-го Белорусского фронта в районе г. Чаусы на Могилевском направлении. В течение целого часа непрерывно гудела земля, в районе прорыва даже неба не было видно. Части армии уже к исходу 23 июня продвинулись вперед до восьми километров, сходу форсировали Днепр, захватив важный плацдарм на правом берегу, при этом потери были минимальными*».

А вот слова папы из другой статьи под названием “Операция Багратион”, которая была напечатана в газете "Истринские вести" в 1994 году:

«*Мне довелось участвовать в Белорусской операции в составе 2-го Белорусского фронта, непосредственно в прорыве вражеской обороны Могилевской области. Первая позиция вражеской обороны была преодолена после мощнейшей артиллерийской подготовки длительностью более часа легко и без потерь, настолько мощным и сокрушительным был удар нашей артиллерии. На последующих позициях враг пытался оказать сопротивление, но был подавлен лавиной насту-*

пающих. В дальнейшем на нашу долю выпала задача пленения окруженной вражеской группировки. Это не была легкая задача, так как в числе окруженных было несколько дивизий "СС", солдаты и особенно, офицеры, несмотря на безнадежную для них ситуацию, в плен предпочитали не сдаваться, оказывали вооруженное сопротивление, пытались вырваться из окружения. Были и курьезные случаи. Однажды большая окруженная группа перехватила нашу походную кухню, и мы остались без обеда. Нелегко было и сопровождать пленных на сборные пункты. Это были утомительные марши протяженностью до 30-40 км. Проходя через населенные пункты, нужно было защищать пленных от гнева местных жителей, готовых растерзать бывших оккупантов».

Про пленных немцев, ненависть белорусов к ним написано и в еще одной статье:

«Во время боёв по освобождению Белоруссии, – продолжает рассказ Носиков, – была окружена стотысячная группировка гитлеровских войск. Её надо было любым путём ликвидировать. Наше командование не исключало возможности и того, что немцы начнут массово сдаваться в плен. Поэтому перед выходом на боевую задачу нам зачитали положения международной конвенции об обращении с пленными. Расчёт, в общем, оказался верным. Немецкие солдаты осознавали своё положение и при минимальном сопротивлении сдавались. Эсэсовцы предпочитали погибнуть, нежели оказаться в плену. Не менее сложным в нашем задании оказался вопрос доставки и конвоирования пленных в пункты сбора. Совершенно невозможно было вести фашистов через белорусские деревни и хутора. Местное население не реагировало на наши просьбы и приказы не трогать гитлеровцев. Люди столько натерпелись в период оккупации, что любой человек – старик ли, ребёнок – готовы были растерзать врагов голыми руками. Поэтому мы обходили населённые пункты, увеличивая при этом на многие километры свои маршруты».

В завершение этой темы можно привести такие слова папы: *«Старшее поколение жителей Москвы помнит "парад" немецких войск (более 50 тысяч) по Садовому кольцу от Белорусского вокзала до Комсомольской площади под охраной советских воинов»*. Это произошло 17 июля 1944 года, проведенные по столице немцы были пленены в Белоруссии. На фотографии, которую нашел в сети, видно много солдат и офицеров врага, возможно, некоторых из них конвоировал мой папа еще в Белоруссии.

Пленные немцы у Белорусского вокзала Москвы – июль 1944 г.

Все приведенные цитаты не оставляют сомнения, что Павел Носиков был не только очевидцем, но и непосредственным участником описанных в тексте событий второй половины 1944 года.

Забегая немного вперед, хочу сказать, что уже в наше время отец ездил в Белоруссию на встречи ветеранов. Разбирая после смерти его награды, я обнаружил юбилейную медаль “60 лет освобождения Республики Беларусь от немецко-фашистских захватчиков, 2004 г.”. И еще две таких же в честь 65-летия освобождения в 2009 году и 70-летия в 2014. Это государственные награды соседней республики. В ней помнят и ценят подвиг тех, кто освобождал белорусскую землю.

После освобождения союзной республики папа в составе 2-го Белорусского фронта принимал участие в освобождении земель соседних государств от фашистов: «*С осени 1944 года и до самого окончания войны я участвовал в освобождении Польши и в боях на территории Германии*». В своих рабочих записях он оставил названия городов, в которых бывал во время войны: Новогрудок (Западная Белоруссия), Супрасль и Белосток (Польша), Бромберг (Восточная Пруссия) – теперь это польский город Быдгощ. В одной из статей отец так и написал: «*Запомнились бои за города Белосток, Быдгощ, Торунь*». Как видно, немало польских городов Павел Носиков освобождал. И как он сетовал, что не мог уже в наше время в них побывать. Ему это особенно хотелось, т.к. после войны несколько лет продолжал служить в этой стране. Но чему тут удивляться, ведь Польша – это далеко не Белоруссия и тем более не Орел с Курском, куда регулярно приглашали ветеранов на юбилеи, чествовали их.

Недавно в своем архиве обнаружил одну из ранних (1995 г.) публикаций отца, в которой он описал то, что в других публикациях не повторял, и о чем позже не рассказывал:

«*27 января* [1945] *наши войска освободили лагерь смерти Освенцим. Мне удалось побывать там почти через год. Но то, что я увидел, невозможно забыть. На огромной территории обнесенной забором из колючей проволоки (через проволоку пропускался электрический ток), расположено несколько десятков огромных, грязных и темных бараков, внутри которых двухъярусные нары. На территории лагеря было построено четыре вместительные газовые камеры, в которых погибли сотни тысяч узников. Но самое жуткое впечатление оставили печи крематория, где сжигали трупы. Что особенно запомнилось мне из событий Висло-Одерской операции? Проходя с боями по Орловской, Брянской областям, по Белоруссии, мы видели полностью сожженные деревни, где стояли лишь одни трубы, города были превращены в сплошные руины. Везде нас встречали женщины, дети, старики. В Восточной Пруссии на улицах не было видно жителей, но зато из каждого* [окна] *виднелся белый флаг, означающий капитуляцию хозяев дома. Все это было непривычно, оставляло какое-то особое впечатление*».

На этом, в общем-то, заканчивается информация о боевых действиях, в которых во время войны принимал участие Павел Носиков. Но это еще далеко не все, о чем я хотел бы рассказать. Интересные подробности о своем отце узнал из записи интервью, которое у него взял внук Паша.

На вопрос о том – с бойцами каких национальностей ему довелось вместе воевать? – отец перечислил своих сослуживцев и некоторым дал краткую характеристику: были украинцы, белорусы, казахи, эвенков было много («*добрые, податливые*»), грузины, чуваши («*добросовестные, не спорят, зачем и почему не спрашивают*»), узбеки, туркмены («*слабенькие*»). И добавил: «*Конфликтов на национальной почве не было*».

О помощи от «*Второго фронта*» (т. е. от союзников американцев и англичан), отец припомнил только свиную тушенку, которую ели на фронте.

Про знаменитые «*наркомовские*» сто грамм водки сказал, что их выдавали только в зимнее время и в обороне (в траншеях). Эвенки пили с удовольствием, но не пьянствовали. Один забирал чужие порции за тех, кто не пьет. Приходили и за остатком. В Польше уже изредка приносили, но сами добывали спирт. Но в меру – пьяных не было, все незаметно было. К сказанному я могу добавить еще свои слова. Мне смутно припоминается, что когда был еще подростком, папа говорил, что от положенных 100 грамм водки он на фронте отказывался, как и от табака. И отдавал свои порции другим, или на что-то обменивал (но вот на что – не могу вспомнить).

И еще вот что хочется сказать на поднятую здесь тему. Отец никогда не курил (по крайней мере, на моей памяти такого не было). А спиртное потреблял, но как говорят «*в меру*». Уже живя в старости у нас, за обедом он всегда выпивал небольшую рюмку водки или коньяка, как говорил: «*для расширения сосудов*». Внешне это на нем никак не отражалось. И еще. Выпившим (после застолий в честь некоторых праздников) я его видал, но пьяным в стельку – никогда. Лишь однаж-

ды, за несколько лет до смерти после какого-то праздника в городе, где был стол с выпивкой, его кто-то довел до дверей дома (он тогда упал в нашем дворе). Как потом говорил: «*неожиданно отказали ноги*». Но даже в тот момент он не выглядел сильно пьяным, говорил вполне четко и связно. Большое такое не повторялось, думаю, что отец сделал правильные выводы из случившегося.

Теперь хочу сказать о фотоснимках Павла Носикова времен войны. Собственно фронтовых карточек нет, вероятно, отец и не фотографировался на фронте. Но, к счастью, сохранились два снимка, сделанные, когда учился на курсах младших лейтенантов.

На первой фотографии он снят с товарищем (имени его папа вспомнить не смог). Этот снимок существует в двух экземплярах: один у нас в семье, а другой в архиве Ненилиных. Я решил здесь воспроизвести второй вариант, т.к. на обороте есть пояснение. Слова написаны рукой папы (подчерк у него со временем изменился, а вот подпись осталась прежней). Место съемки не указано, но папа говорил, что это Супрасль (небольшой городок в восточной части Польши).

Папа (слева) с товарищем на курсах – Супрасль (Польша), декабрь 1944 г.

Если присмотреться внимательно к одежде папы, то можно заметить интересные детали. Но для начала приведу слова, которые отец сказал своего внуку, что орден “Красной звезды” получил «*где-то уже в марте или апреле 1945 г. когда уже был на курсах младших лейтенантов 2-го Белорусского фронта*». Это объясняет, почему на груди у папы только одна медаль – ведь фотография сделана за несколько месяцев до вручения ордена. Это первое. А второе замечание насчет гимнастерки, на ней погоны рядового бойца. Это довольно странно, ведь начиная с первого дня участия в войне (27 июля 1943 года) у него было звание младшего сержанта. Это одна узкая лычка на погонах, которая на снимке почему-то не проглядывается. Мой сын Сережа, который в свое время потратил много времени на изучение документов о войне, считает, что на фронте на обмундировании часто не носили знаки отличия, чтобы не привлекать этим внимание врага.

Говоря о воинских званиях, хотелось бы еще привести сведения из анкеты, которую составил мой племянник Паша. В ней указаны воинские звания Павла Носикова в годы войны: «*младший сержант, сержант*». По первому званию вопросов нет, оно многократно встречается. А вот то,

что отец был сержантом, об этом ни в одном известном мне официальном документе не говорится. Но не доверять указанной анкете я не могу, т.к. Паша ее заполнял со слов своего дедушки. Так что полагаю, что отцу в свое время было присвоено звание сержанта. Но это случилось уже после второго ранения (там он указан еще как младший сержант), и в этом звании он находился недолго.

Отдельно хотелось бы сказать про друзей и товарищей отца во время войны. Папа уже в наше время сетовал, что не может вспомнить имена и фамилии многих из тех, с кем воевал. И не мог назвать некоторых товарищей, с которыми снимался на общих фотографиях.

Настоящий друг у отца по его же словам был один, он появился во время учебы на курсах по подготовке младших лейтенантов. Это был командир роты старший лейтенант Борис Васильевич Антонов. Я хорошо помню этого человека, хотя его уже давно нет в живых (он умер в 1985 году). Когда был маленьким, то почти каждый год с ним виделся. Это случалось, когда мы с родителями были проездом через Москву, где Антоновы жили. Борис Васильевич, его жена Зоя Александровна и дочь Татьяна были приятными, добрыми людьми. Хотя жили они стесненно в коммунальной квартире (около метро Кропоткинская), но никогда не отказывали в гостеприимстве.

При подготовке данной книги мне захотелось больше узнать о Борисе Васильевиче, чтобы о нем всем рассказать. Я помню, что после войны он был преподавателем химии в строительном техникуме в Москве. Через сайт “Память народа” узнал, что Б. В. Антонов был на четыре года старше папы, его призвали в армию в ноябре 1941 года, а в феврале следующего года тяжело ранило. После излечения в госпитале Борис Васильевич окончил курсы младших лейтенантов и по успешному их окончанию остался при них учить других бойцов. В представлении на награду Б. В. Антонова отмечено, что «*проявил много настойчивости и терпения в передаче своего боевого опыта и получении знаний и подготовил три выпуска офицеров*». В наградном листе написано, что он представляется к награждению медалью “За отвагу”. Но командование решило наградить Б. В. Антонова орденом “Красной Звезды”, случилось это в феврале 1944 года (мне кажется, что я видел этот орден на его груди). Не знаю почему, но фотографии моего отца с единственным другом нет (по крайней мере, в нашем архиве). Я нашел другой снимок, где есть Борис Васильевич.

Антонов справа, левее я и мама, слева друзья Мягкие – Анино, 1958 г.

Но вернемся в начало 1945 года. В апреле папа окончил курсы, и был там оставлен в качестве комсорга учебного батальона. 27-го числа (т.е. за несколько дней до Победы) ему было присвоено звание младшего лейтенанта. В нашем архиве сохранилось свидетельство об окончании курсов, в котором написано, что Носиков Павел Михайлович «*определен командиром стрелкового взвода*». В документ вклеена маленькая фотокарточка. Это второй (и последний известный на сегодняшний день) снимок папы времен войны.

Теперь пора рассказать о последних месяцах, днях войны. В видеоинтервью внуку отец сказал: «*Мы были на правом фланге 2-го Белорусского фронта, освобождали крупный город Щецин на берегу Балтики. Но мы не дошли до Щецина, а* [остановились] *в Кольберге. Это военно-морская база, правда, не очень большая база немецкого флота*». Именно здесь он и встретил день Победы. Он много раз описывал, как об этом узнал. Накануне 9 мая 2015 года (т.е. за полгода до его кончины) в газете “Истра плюс” появилась статья Павла Носикова, в которой имеются такие слова:

НКО—СССР

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Военное звание мл. сержант

Фамилия Носиков

Имя Павел Отчество Михайлович

Окончил Курсы Младших Лейтенантов
2 Белорусского фронта и
Приказом Военного Совета
2 Белорусского фронта № 0415
от "22" апреля 1945 г. определен
командиром отделения

С присвоением войскового звания
"Младший лейтенант"

Начальник Курса
Полковник (Гужавин)

Начальник Курса
Полковник (Гужавин)

Свидетельство об окончании курсов младших лейтенантов – апрель 1945 г.

«*Конечно, невозможно забыть последние месяцы, а особенно последние дни войны. Весна 45-го была Весной нашей Победы. Обстановка на фронте свидетельствовала о скором разгроме фашистской Германии. Стояла теплая, солнечная погода, зазеленели луга, начала появляться листва на деревьях. Все дышало и шептало о скорой победе. Как приятно было осознавать это и душой, и сердцем. Все мы с нетерпением ждали окончания войны. Но, несмотря на это, известие о нем стало неожиданностью. В ночь с 8-го на 9-е мая я вместе с командиром роты* [вероятно, это был друг Б. В. Антонов] *отдыхал в доме, находящемся рядом с расположением части в городе Кольберг. Проснулись мы от непрерывной стрельбы и сильного шума, который с каждой секундой становился сильнее. Выбежав на улицу, мы поспешили в часть. Навстречу нам бежал солдат и радостно кричал: "Победа!!! Победа!!!". Кругом стоял гул от стрельбы, не сдержав эмоции, мы тоже достали пистолеты и стали палить вверх. Ярко светило солнце, на небе – ни облачка, а вокруг – радостные счастливые лица. Таким мне запомнился день нашей Победы. Он стал самым счастливым днем в моей жизни*».

В интервью внуку некоторые детали были уточнены: «*На рассвете наспех выбежали на улицу, стреляли. В 11-12 часов – митинг на плацу, довелось выступать. Были чувства радости, восторга, казалась близкой встреча с родными. Потом был концерт, больше слушали радио*».

В день окончания войны вышел приказ о награждении всех ее участников медалью "За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.". Папа ее получил в 1946 году, она сохранилась.

В завершении этой части своего рассказа хочу подвести итог.

Война для отца началась 27 июля 1943 года и завершилась, как и у многих – 9 мая 1945 года. Это 1 год, 9 месяцев и 17 дней, или в общей сложности 656 дней. В послужном списке отца посчитано время пребывания на фронте за вычетом лечения в госпиталях, пребывания в запасных частях и на учебе на курсах: «*Брянский фронт, 299 Отдельный минометный полк, 30-го Уральского добровольческого танкового корпуса, старший радист – с июнь 1943 по август 1943. Брянский фронт, 1000 Отдельная Кабельно-шестовая рота связи, 63 армии, старший линейный надсмотрщик – с сентября 1943 по февраль 1944. 2-й Белорусский фронт, 1006 Отдельный батальон связи, 121 стрелкового корпуса, командир отделения связи – с февраля 1944 по май 1944*».

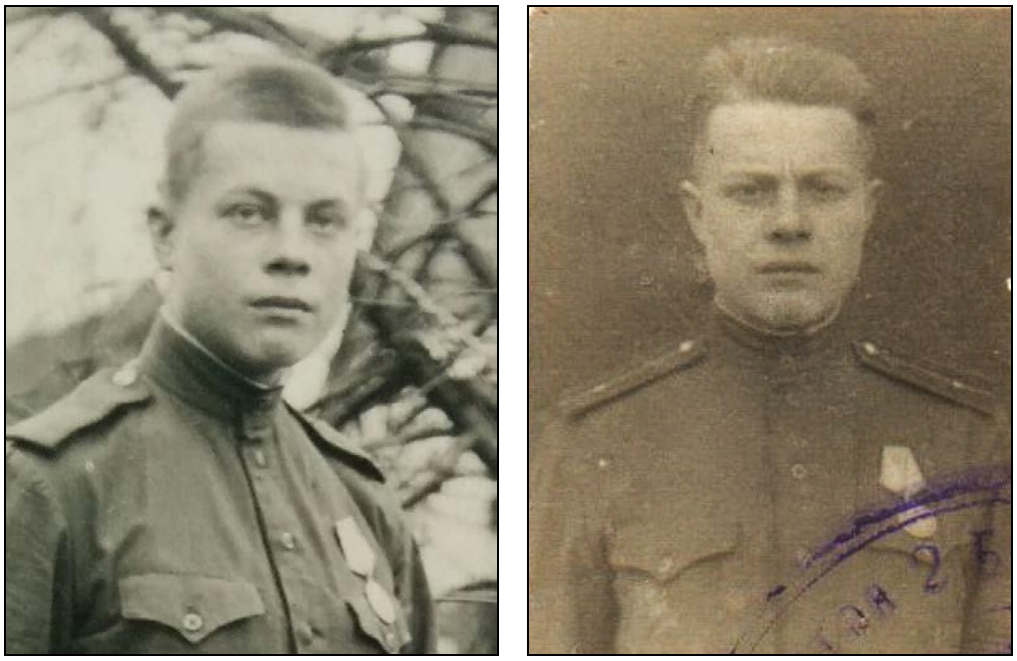

Удостоверение о награждении медалью – 1946 г.

Получается примерно 10 месяцев (это потом особо учитывалось при выслуге лет: один год на войне приравнивался к трем годам службы в мирных условиях).

У папы две боевых награды: медаль “За отвагу” и орден “Красной Звезды”. И еще остались «подарки» от войны: два ранения, одно из них потом привело к инвалидности. Но самое главное, что папа остался жив!

Привожу также два военных снимка Павла Носикова – это вырезки из приведенных выше фотокопий с товарищем и свидетельства об окончании курсов (на втором снимке на погонах видна одна звездочка младшего лейтенанта). Я специально увеличил изображение, чтобы можно было лучше разглядеть лицо. Вглядитесь в него – оно такое молодое (отцу исполнилось 22 года). А ведь он к этому времени уже прошел все ужасы войны, смерть была совсем рядом, он хоронил своих боевых товарищей, да и сам был ранен, причем дважды. Как хорошо, что на этом закончились все эти кошмары, в последующие годы ему не приходилось больше участвовать в боевых действиях.

Курсант и младший лейтенант П. М. Носиков – Польша, 1944 г.; 1945 г.

Разбирая бумаги, я обнаружил документ, о котором отец почему-то никогда не говорил. Это «*Благодарственное письмо*», выданное младшему лейтенанту Носикову Павлу Михайловичу «*как память о Великой Отечественной войне*». Под письмом стоит подпись (факсимильная) командующего 2-м Белорусским фронтом маршала К. Рокоссовского и дата 31 июля 1945 года.

Благодарственное письмо младшему лейтенанту Носикову Павлу Михайловичу – 1945 г.

15. Служба в Польше и на Украине (1945-1951)

Послужной список:	«***апрель 1945 – август 1945****, комсорг, курсы младших лейтенантов 2-го Белорусского фронта, 1-й батальон* [мл. лейтенант]; ***август 1945 – июль 1946,*** *комсорг, 90-й Отдельный линейно-эксплуатационный батальона связи* [ОЛЭБС] *4-й Отдельной бригады связи, Северная группа войск* [мл. лейтенант]*;* ***июль 1946 – декабрь 1949,*** *секретарь первичной комсомольской организации, 1017 Отдельный линейно-эксплуатационный батальон связи, 6-й Отдельной бригады связи, Северная группа войск* [мл. лейтенант, лейтенант]*;* ***декабрь 1949 – март 1951,*** *секретарь первичной комсомольской организации, 126 Отдельный Гвардейский батальон связи, 27 Гвардейского Стрелкового корпуса, Киевский военный округ* [лейтенант]*;* ***март 1951 – сентября 1951,*** *начальник клуба, 126 Отдельный Гвардейский батальон связи, 27 Гвардейского Стрелкового корпуса, Киевский военный округ* [старший лейтенант]».

Фото на документы, лейтенант.

Следующий отрезок жизни отца особенный в том смысле, что информации о нем у меня мало, зато много фотографий. Многие из них не видели даже родственники, поэтому я решил поместить в книгу как можно больше изображений. Ведь снимки тех лет – ныне большая редкость. Большинство снимков папа на обороте подписал собственноручно. Там, где подписи имеются, я их буду приводить под снимками (курсивным шрифтом).

Поступив в 1944 году на курсы младших лейтенантов, Павел Носиков определил свое будущее кадрового военного. Это решение он принял на фронте. Военные люди не выбирают, где им служить, за них это решают командиры. Вот и папа первые послевоенные годы провел в Польше, там, где его застала Победа и где Красная армия осталась на долгие годы, это была так называемая Северная группа войск.

Как ранее уже говорилось, Павел кончил 7 классов школы в Давыдково, потом отучился 3 курса в ярославском техникуме. Военному делу начал обучаться на курсах радистов и младших лейтенантов. Так что базовое образование для службы офицером у него было. Кроме того, как отмечали многие друзья и знакомые, язык у папы «*был подвешен*», Я это подтверждаю, речь у отца была грамотная, рассказчиком был хорошим, мог говорить долго и без бумажки. А еще он был коммунистом: в июне 1945 года стал членом ВКП(б) (Всесоюзной Коммунистической партии большевиков – так тогда она называлась). Поэтому нет ничего удивительного в том, что он стал политработником и оставался им до увольнения из рядов Советской армии.

На первом снимке папа слева; на втором снимке второй слева – *«Кольберг, 1945 г.»;* «*Политсостав 90-й ОЛЭБС Гутштадт, август 1945 г.»*

Отец во втором ряду, третий слева – Алленштайн (Ольштын), 1946 г.

На первом снимке папа слева; на втором в центре – Алленштайн (Ольштын), 1946 г.

Папа лежит справа – «*Комсостав 90-й ОЛЭБС, Гутштадт, май 1946 г.*»

Папа второй слева – *«Гутштадт, май 1946 г.»*

Папа сидит в центре – (снимок без подписи и даты).

В жизни каждого человека случаются ошибки. Я обещал писать только правду и потому не могу не сказать об одном негативном эпизоде в биографии папы, который явился для меня, прямо скажу, большой неожиданностью. Вот дословная выписка из послужного списка П. М. Носикова: «*Из ВКП(б) исключался в октябре 1945 года за утерю секретного документа. В ноябре м-це 1945 г. парткомиссией при ПУ*[1] *Северной Группы войск восстановлен*». Отец никогда об этом не рас-

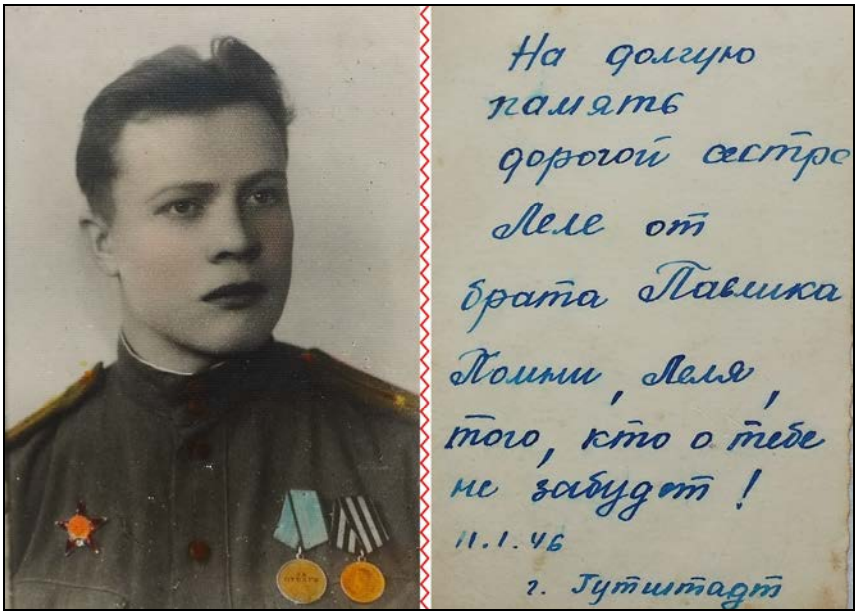
[1] ПУ – Политическое управление.

сказывал. Не знаю, забыл ли, или не хотел говорить о себе то, что его не красило, или просто считал это малозначительным проступком. Да и в самом деле, если разобраться, то ничего ужасного ведь не случилось. Как видно из цитаты, это не был аморальный проступок, а явилось дисциплинарным нарушением. У кого их в жизни не было? Уже через месяц отца восстановили в партии. Думаю, он извлек урок из случившегося, подобных записей в послужном списке больше не было.

Павел Носиков прослужил в Польше четыре с половиной года до конца 1949, об этом он так написал в своей автобиографии: «*После расформирования курсов в августе м-це 1945 г. был назначен комсоргом 90-го Отдельного Линейно-эксплуатационного батальона связи 4-й Отдельной бригады связи Северной группы войск. В июне м-це 1946 года после расформирования 4-й О.Бр.С. был направлен секретарем комсомольской организации 1017 отдельного Линейно-эксплуатационного батальона связи 6-й Отдельной бригады связи, также находившейся в составе Северной Группы войск, где работал до декабря 1949 г.».* Как видно из текста, в обоих батальонах папа был комсоргом. Здесь не указаны места дислокации частей, эти сведения я нашел в альбоме, где папа своей рукой написал: «*Добре Място (Гутштадт, Восточная Пруссия[1]), Гливице (Глейвиц, Польша), Вроцлав (Бреслау, Польша)».*

Отец, кажется, никогда об этом не говорил, но я не сомневаюсь, что он сильно скучал по родному дому, по родным и близким людям. Ведь отправившись в эвакуацию на Урал, а затем на фронт, он несколько последующих лет не был дома. Это подтвердила и тетя Валя, сказав, что брат впервые после отъезда в конце 1941 года появился дома только в 1946-м. В том году Павел приехал в Пожарово летом, сохранился групповой снимок с мамой, бабушкой и сестрами (он приведен в начале книги). Он потом регулярно приезжал в родную деревню (вероятно, в каждый свой отпуск). По рассказу все той же тети, Павел никогда не прибывал пустой, т.к. знал, как трудно живут родственники. По ее словам он однажды привез целый мешок муки, в другой раз это была ткань. А еще как-то через свою знакомую москвичку отправил посылку в Пожарово.

Отец также посылал родственникам свои фотокарточки с военной службы. В семейных архивах родни в Ярославле, Курске и Челябинске сохранились снимки Павла Носикова, которые я прежде не видел. Некоторые оказались подписаны (я привожу оборотную сторону одного из них) и раскрашены. На одной из карточек он в зимней шапке, на ее обороте написано, что снято в Польше в 1946 году. А вот другая фотография не подписана. Учитывая, что на голове отца офицерская фуражка, становится понятно, что снимок сделан не раньше 1945 года. А вот где и когда – неизвестно (видимо, папа сфотографировался вскоре после войны, лицо у него совсем молодое).

Фотокарточки на память сестре Ольге и маме Александре Павловне – Польша, 1946 г.

[1] Восточная Пруссия, которая прежде входила в состав Германии, по решению Постдамской конференции после войны была разделена: одна часть ее стала принадлежать СССР (Калининградская область), а другая часть отошла к Польше.

Павел Михайлович Носиков – Польша, 1946 г.

В книге “Ветеранский полк” есть такие слова о службе Павла Носикова в Польше: «*Это Померания, Познань, Верхняя Силезия и др. Там, в разрушенных войной городах, проживали главным образом переселенцы с востока страны. Из тех далёких лет осталось в памяти дружелюбные отношения поляков, переживших оккупацию, освобождённых нашей Красной армией. Приходится только удивляться тому, как изменилось отношение к нашей стране молодого поколения поляков, не знающих правды о событиях в годы войны и после её окончания. Остались в памяти и события декабря 1949 года, связанные с празднованием 70-летия со дня рождения Иосифа Виссарионовича Сталина. По всей Польше в городах и посёлках, на заводах, учреждениях, учебных заведениях проходили торжественные собрания в тёплой дружественной обстановке, с выражением неподдельной благодарности советскому народу, Советской армии. Мне довелось принимать участие в этих мероприятиях. Это были подлинно дружеские встречи с польскими товарищами. В те дни казалось, и об этом говорили, что наша дружба навеки. Сегодня об этом грустно вспоминать».*

Курсы политсостава, папа во втором ряду, третий справа – Ленинград, 1948 г.

В 1947-1948 годах отец ездил в Ленинград на многомесячные курсы переподготовки, там он сфотографировался вместе с другими курсантами. В нашем архиве сохранилось приложение к свидетельству об окончании этих курсов, в котором написано: «*Дано настоящее в том, что лейтенант Носиков П. М. в октябре 1947 г. поступил и в июне 1948 г. окончил Окружные военно-политические курсы переподготовки политсостава Ленинградского военного округа по программе Главного ПУ ВС СССР и сдал установленные учебным планом выпускные экзамены*». Все итоговые оценки отличные, кроме огневой подготовки (напомню про фронтовое ранение под глазом).

Внимательный читатель, возможно, заметил, что в тексте свидетельства указано звание лейтенанта. Вторую звездочку на погоны отец получил 1 января 1948 года во время обучения на курсах. В этом же году летом получил свою первую «нефронтовую» награду – медаль "В ознаменование тридцатой годовщины Советской Армии и Флота 1918-1948".

Папа был спортивным человеком, любил различные активные игры, причем как участник (сам любил соревноваться), и как болельщик (на стадионе и у экрана телевизора). Самый ранний фотоснимок, где показано его занятие спортом, сделан в Польше.

Команда по волейболу, папа крайний слева – Вроцлав, 1949 г.

В декабре 1949 года, как следует из послужного списка, отец, наконец, вернулся в СССР. На Украине он прослужил около двух лет. Для меня это оказался самый «темный» период его биографии. До недавнего времени я вообще не знал, что отец там служил, он про это не рассказывал. А узнал из документов. В его автобиографии написано: «*С декабря 1949 г. по март 1951 г. работал секретарем комсомольской организации*

Семинар комсомольских работников, папа в третьем ряду, третий справа – Киев, 1951 г.

126-го Отдельного Гвардейского батальона связи 27-го Гвардейского стрелкового корпуса Киевского военного округа. В марте 1951 г. был назначен начальником клуба этой же части».

В нашем архиве нашел упоминания городов, где отец служил: Конотоп (Сумская область), Ржищев (Киевская область). Снимков того время сохранилось очень мало, я выбрал групповую фотографию участников семинара комсомольских работников.

Курсы младших лейтенантов дали начальную общевойсковую подготовку, в свидетельстве об окончании записано: «*определен командиром стрелкового взвода*». Но как мне кажется, в этой должности папа не служил, т.к. сразу стал комсоргом батальона. Так получилось, что в армии отец выбрал (или за него этот выбор сделали) специальность политработника. А для этого требовались особые знания, специальная подготовка. Как уже говорилось, в 1947-1948 годах он учился в Ленинграде. Но это были всего лишь курсы переподготовки.

Поэтому в 1950 году отец поступил в военно-политическое училище в Львове. Сохранился документ о его окончании, в котором сказано: «*Настоящий аттестат выдан лейтенанту Носикову Павлу Михайловичу в том, что он в сентябре 1950 г. в Львовском военно-политическом училище сдал экстерном экзамены*». Указаны две отличные оценки и одна «*посредственно*» по тактической подготовке. Честно говоря, я впервые увидел такую низкую оценку в документах отца. Он всегда был успешным учеником и курсантом. Думаю, что папа не налегал особо на военную тактику – зачем она нужна политработнику? Надо учитывать, что обучение в училище было экстерном, т.е. заниматься приходилось после работы и в выходные дни.

Военное Министерство
Союза ССР

ГЛАВНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ
СОВЕТСКОЙ АРМИИ

АТТЕСТАТ

Настоящий аттестат выдан Лейтенанту
Носикову
(звание, фамилия)
Павлу Михайловичу
(имя и отчество)
в том, что он в Сентябре 1950 г.
в Львовском
военно-политическом
училище

сдал экстерном экзамены за курс Военно-политического училища по следующим предметам:

1. Основы Марксизма-Ленинизма - Отлично
2. Партстроительство в Советской Армии - Отлично
3. Тактическая подготовка - посредственно.
4.

Начальник училища
Полковник
Зам. начальника училища
по учебной части
Полковник

№ 64 „12" Сентября 1950 г.

ЦТ ВМ 2632—50

Аттестат об окончании военно-политического училища – Львов, 1950 г.

28 марта 1951 году отцу было присвоено очередное воинское звание – старший лейтенант. Одновременно с этим он ушел из комсоргов (видимо по возрасту, ему исполнилось 28 лет) и стал заведующим клубом все той же воинской части – 126-й Отдельный Гвардейский батальон связи. Где этот батальон базировался – достоверно установить не удалось (в интернете много сведений по воинским частям до 1945 года, а вот по послевоенному времени информации крайне мало, т.к. это, видимо, все еще тайна). Возможно, это был город Ржищев.

На этом заканчиваю описание жизни отца до его переезда в Москву. Этот период длился шесть с лишним лет (с момента окончания войны), из них более четырех лет в Польше, а потом еще два года на Украине. В послужном списке за это время сделано пять записей, папа неоднократно переезжал из одной воинской части в другую, с места на место. Но что интересно – почти всегда оставался комсоргом батальона, только в самом конце на полгода стал начальником клуба.

16. Учеба в академии в Москве (1951-1956)

Послужной список:	«***сентябрь 1951 – сентябрь 1952,*** *слушатель подготовительного курса, Военно-политическая академии им. В.И. Ленина* [старший лейтенант]*;* ***сентябрь 1952 – август 1956****, слушатель, Военно-политическая академия им. В.И. Ленина* [старший лейтенант, капитан]*».*

Фото на документы, старший лейтенант, капитан.

Нет сомнений, что папа хотел учиться в военной академии, стремился получить высшее образование. Но у него не было даже полного среднего образования. Поэтому он сначала был определен на подготовительный курс академии. Среди бумаг, оставшихся от отца, я обнаружил “Аттестат зрелости”, в котором записано: «*поступил в мужскую среднюю школу № 126 Советского р-на г. Москвы, экстерном окончил полный курс этой школы и обнаружил при отличном поведении следующие оценки по предметам».* Далее приводятся оценки – все отличные, кроме хорошей по русскому языку. На документе стоит дата 1 июля 1952 года. Далее, видимо, последовал отпуск. А с сентября Павел Носиков стал посещать занятия на первом курсе первого факультета Военно-политической академии (ВПА) им. В. И. Ленина. Ниже приводится снимок, обнаруженный в архиве челябинских родственников, где папа что-то пишет на занятиях, он еще старший лейтенант.

В Москве Павел Носиков учился четыре года (а если считать подготовительный курс, то пять). Жил в общежитие, как мама говорила – около Новодевичьего монастыря. О своем пребывании в столице отец много не говорил, но зато сохранилось немало фотоснимков той поры. Точно также он не рассказывал о своих успехах в учебе. Но они и так очевидны из приводимого ниже аттестата (выписки из зачетной ведомости) – там все оценки отличные.

20 апреля 1953 года (по другим данным – 5.11.1954) вышел приказ о награждении Павла Михайловича Носикова медалью “За боевые заслуги”. Я вообще-то ранее полагал, что эту награду папа получил на фронте, что как бы следует из ее названия. Но оказался неправ, справка из интернета показала, что в те годы данной медалью награждали военнослужащих за выслугу лет. А к этому времени отец как раз уже 10 лет служил в армии.

Через год 16 декабря ему было присвоено звание капитана. Если посмотреть на послужной список, то видно, что очередное воинское звание папа получал каждые три года. Таков был порядок присвоения званий, если офицер служил хорошо. А как я понимаю, к Павлу Носикову у командования претензий не было (по крайней мере, в личном деле сведений о взысканиях нет).

Отец нам (мне и брату Мише) неоднократно рассказывал, что он несколько раз участвовал в парадах на Красной площади, кажется, это было в 1953, 1954 годах. Как я узнал из интернета, в то время воинские парады проводили дважды в год: 1 мая и 7 ноября (день Победы не праздновали с 1947 по 1965). К сожалению, фотоснимка папы на параде нет. Но он сохранил ноябрьский выпуск журнала “Огонек”, в котором есть снимок сводного батальона ВПА. На фотографии видна только

первая шеренга. Я внимательно всматривался в лица – своего отца не нашел (поэтому фото и не привожу). Это в принципе не удивительно – ведь шеренг в «коробке» десять, или даже больше. Так что шанс попасть в первую шеренгу и быть запечатленным на снимке был невелик.

Отец не замыкался на учебе. Павел Носиков был среди самых активных слушателей академии, любил спорт, активные игры, сам принимал в них участие. Как мне кажется, больше всего любил играть в волейбол и кататься на лыжах. В нашем архиве есть несколько фотографий, где он в составе баскетбольной команды академии, легкоатлетической (по бегу), принимает участие в лыжных гонках. А еще он любил ходить на стадион, когда играла любимая команда ЦДКА (потом ЦСКА).

Папа на занятиях; чемпионы ВПА по баскетболу, папа второй слева – Москва, 1953 г. (?); 1955 г.

В мае 1955 года случилось очень важное событие в жизни папы: он женился на Варваре Федоровне Барковой, которая училась в партийной школе в Москве. Сохранилось несколько снимков свадьбы (увы, они нечеткие, видимо, фотограф был начинающий). Папе с мамой подарили патефон, он у нас сохранился (я, правда, ни разу не слышал, чтобы он играл). Через несколько месяцев молодожены поехали на родину к своим родителям: в деревню Пожарово Ярославской области и в деревню Косые Ложки Красноярского края, откуда была родом моя мама.

5 февраля 1956 года в семье Носиковых произошло еще одно важное событие: родился сын, первенец. Это был я, Сергей. Как мне мама потом рассказывала: «*Так получилось: только ты родился – у Павла экзамены начались. Экзамены кончились – мы уехали. Меня Павел отвез с тобой в Пожарово*».

После парада; на стадионе Динамо (папа в центре) – Москва, 1953 г.; 1955 г.

Папа и мама с друзьями на Красной площади; патефон – Москва, 1955 г.: Истра, 2020 г.

Свадьба родителей, мама с косой в белом платье, за ней стоит папа – Москва, 1 мая 1955 г.

Свадьба папы и мамы, справа баба Шура; на втором снимке папа и я – 1955 г.; 1956 г.

Поездка после свадьбы на мамину родину – Косые Ложки, 1955 г.

На стрельбище; на втором снимке папа (справа), рядом мама и я, слева друзья – Москва, 1956 г.

ДИПЛОМ

Л № 164038

Настоящий диплом выдан Носикову Павлу Михайловичу в том, что он в 1952 году поступил в Военно-Политическую ордена Ленина Краснознаменную Академию имени В.И. Ленина и в 1956 году окончил полный курс названной Академии по специальности общевойсковой

Решением Государственной экзаменационной комиссии от 13 августа 1956 г. Носикову П.М. присвоена квалификация офицера-политработника с высшим военно-политическим образованием

Председатель Государственной экзаменационной комиссии генерал-лейтенант (И. Матвеев)

Начальник Академии генерал-лейтенант (И. Козлов)

Секретарь Государственной экзаменационной комиссии полковник (Шевцов)

Москва 14 VIII 1956 г.

Регистрационный № 109

Приложение к диплому № 164038

Выписка из зачётной ведомости

(без диплома не действительна)

НОСИКОВ Павел Михайлович

за время пребывания с 1952 по 1956 год в Военно-Политической ордена Ленина Краснознаменной Академии имени В. И. Ленина сдал экзамены и зачеты по следующим дисциплинам:

История КПСС	отлично	Военная топография	отлично
Диалектический и исторический материализм	отлично	Методика боевой подготовки	зачтено
Политическая экономия	отлично	Техника пехоты	отлично
История СССР	отлично	Техника артиллерии	отлично
Всеобщая история	отлично	Техника БТ и МВ	отлично
Международные отношения и внешняя политика СССР	отлично	Техника ВВС	зачтено
Партийно-политическая работа и основы воинского воспитания	отлично	Техника связи	зачтено
История военного искусства	отлично	Техника инж. войск	зачтено
Политическая и военная география	отлично	Секретное делопроизводство	зачтено
Литература	отлично	Организация войск	зачтено
иностранный язык	отлично	Физическая подготовка	зачтено
Общая тактика	отлично	Стажировка в войска на командных должностях	отлично
		Стажировка в войсках по партийно-политической работе	отлично
		Курсовая работа	отлично

Носиков П.М.

сдал государственные экзамены по истории КПСС хорошо;

партийно-политической работе и основам воинского воспитания хорошо;

общей тактике хорошо

Начальник Академии генерал-лейтенант (И. Козлов)

Начальник факультета генерал-лейтенант (И. Пономарев)

Секретарь полковник (М. Шевцов)

гор. Москва 14 августа 1956 г. Регистрационный № 109

Диплом Носикова П. М. об окончании ВПА и выписка из зачетной ведомости – Москва, 1956 г.

Выпуск ВПА, папа в нижнем ряду в центре – Москва, 1956 г.

Весной 1956 года Павел Носиков окончил академию. Мама рассказывала, что при распределении ему определили место будущей службы в Апшерон (Азербайджан). Это был юг нашей страны, и она расстроилась, т.к. легче переносила холод, чем жару (у меня тоже самое, теперь я понимаю, что это от мамы). «*А потом какое-то время прошло,* [Павел] *приходит и говорит: поменяли мне распределение*». Оказывается, в подмосковной воинской части под Волоколамском заболел, а потом умер замполит. И отца назначили на освободившееся место (просил ли он об этом или все само собой так удачно сложилось – я не знаю).

Диплом об окончании академии Павлу Носикову вручили в середине августа. В выписке из зачетной ведомости почти все оценки отличные. Только на государственных экзаменах отец получил три оценки “хорошо”.

Окончание учебы в академии оказалось важным рубежом для отца: высшее военное образование получено, и к тому же он стал семейным человеком. Начался следующий этап в его жизни. Как многих кадровых военных, папу часто назначали на новое место службы (после академии их оказалось пять). Мы переезжали вместе с ним. Иногда это происходило сразу, а иногда спустя несколько месяцев, т.к. отцу надо было решить вопрос с жильем для семьи.

И еще хотелось бы обратить внимание на одно обстоятельство: все воинские части, в которых папа служил после академии, относились к войскам противоздушной обороны (ПВО). Непосредственно локаторами, зенитными ракетами и другой военной техникой папа не занимался, это не входило в его служебные обязанности. Его задачей была воспитательная работа с личным составом. Но на воинские тревоги, когда бы они ни случались, отец в любое время суток спешил вместе со всеми военнослужащими и шел на свое рабочее место, это я хорошо помню. Или же когда в воинской части случалось какое-либо чрезвычайное происшествие типа побега солдата в самоволку – все это напрямую касалось отца, он тогда надолго пропадал из дома.

17. Служба под Волоколамском (1956-1958)

Анкета:	«***август 1956 – август 1958****, заместитель командира радиотехнического батальона по политчасти в/ч 20045, Московский округ ПВО* [капитан]».

Фото на документы, капитан.

Первым местом назначения после академии оказалась небольшая воинская часть под Москвой: 45-й отдельный радиотехнический батальон, он же в/ч (воинская часть) 20045. Я только около 10 лет назад узнал, что эта часть находилась около деревни Анино. Ранее же родители говорили, что мы жили в военном городке под Волоколамском (это тоже верно).

Как рассказывала мне мама, сразу после окончания академии отец *«поехал в Крым в дом отдыха* ["Фрунзенское"], *он плохо себя чувствовал. Потом приехал* [из отпуска] *и поехал на новое место службы под Волоколамском, там еще месяц прожил. Поехал в Москву, купил тебе железную кровать, себе кровать и диван, что был у нас в городке. Взял машину и забрал* [с московской квартиры] *наши чемоданы. Все это привез в Волоколамск и тогда поехал за нами в Пожарово. Мы где-то в октябре 1956 г. переехали. Стол, стулья были казенные».*

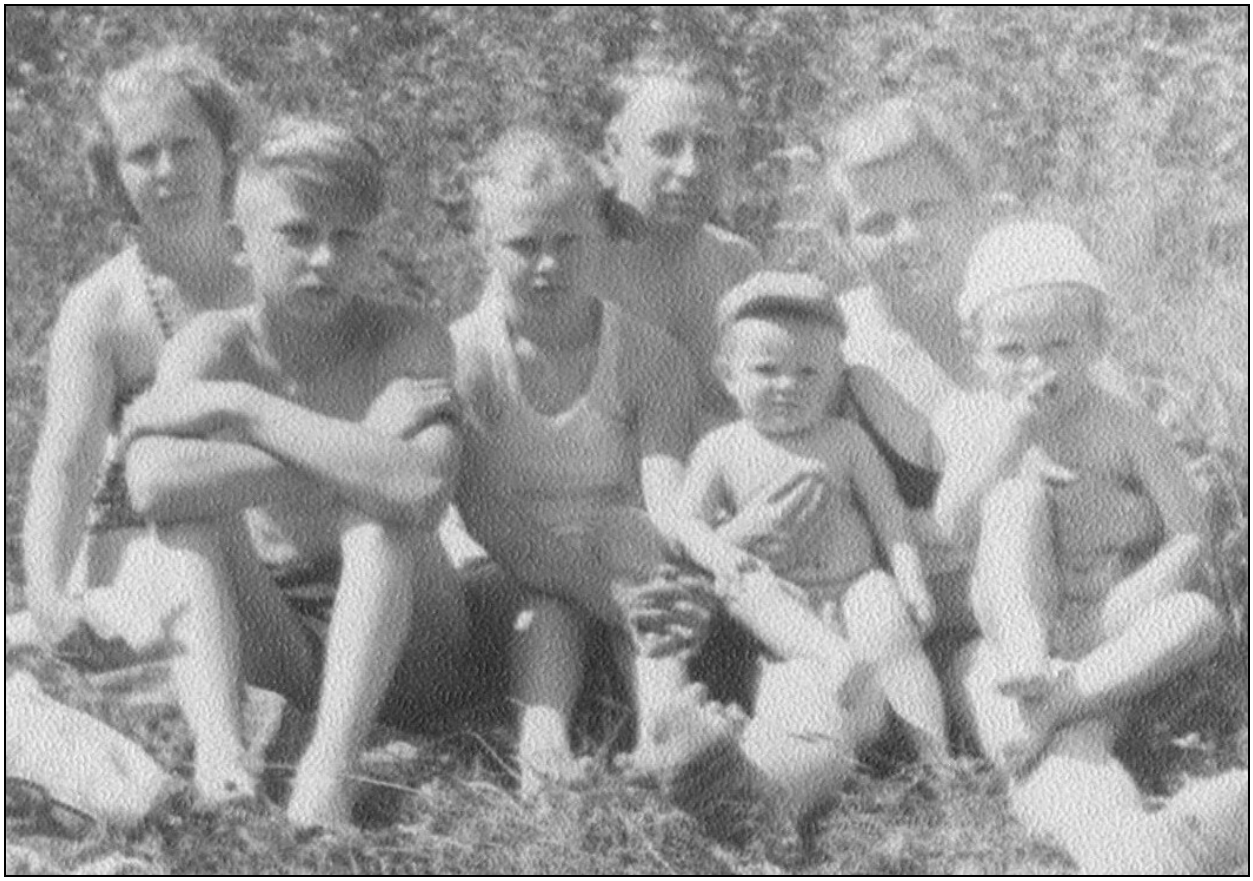
Мама продолжила рассказ о новом месте службы. «*Там был очень маленький военный городок, три жилых дома было.* [Ближайшая железнодорожная станция] *Матренино, надо было идти километра три. Воинская часть стояла в лесу. Когда строили городок, даже лес не вырубали, у нас под окном была здоровая береза. Вырубали только площадку для дома, а остальные деревья оставляли. Дом культуры* [клуб] *был, казарма была, штаб был. Магазинчик маленький был. Какие там были продукты: хлеб, сахар, масло. Мясо не привозили, за мясом ездили*». Обращаю внимание на слова мамы «*даже лес не вырубали».* Это делалось с целью замаскировать расположение локаторов и ракет.

Лично у меня никаких личных воспоминаний от военного городка около Анино не осталось – ведь мне было два с половиной года, когда оттуда уехали. Самое важное событие, случившееся за время службы отца под Москвой – это рождения второго сына, моего брата Миши. Он появился на свет в роддоме Волоколамска 19 сентября 1957 года. В нашем семейном архиве сохранилось несколько фотоснимков той поры. По ним видно, что к нам в гости приезжали родственники.

Папа и я; баба Шура держит Мишу, я справа – Анино, 1957-1958 гг.

Справа мама, на руках Миша и я, слева родственники из Феодосии – Анино, 1958 г.

Мама также вспомнила, как в 1958 году у отца заболел глаз, как со мной ездила к нему в госпиталь Бурденко. Тогда глаз по ее словам еще чуть-чуть видел. Показали какому-то специалисту-медику. И тот сказал, что случилась отслоение сетчатки, ничего нельзя сделать. Как сказала мама: «*а много лет спустя могли бы лазером прижечь*». Проблема с глазом могла быть как следствием ранения на войне, так и результатом того, что отец много занимался активными видами спорта.

Судя по анкетным данным, отец прослужил под Москвой ровно два года. 18 декабря 1957 года (по другим данным 19 июля 1958) он был награжден медалью “40 лет Советской армии и Флота”.

В 2011 году я на машине возил отца на место, где он когда-то служил. Мы ехали по Волоколамскому шоссе, в небольшой деревне Анино свернули направо. Примерно полтора километра ехали по дороге в лесу (мама все верно описала) и оказались на территории, где когда-то была воинская часть. Теперь это место выглядело заброшенным. Папа узнал клуб при части. Интересно, что он есть на снимке 1958 года, подписанный «*соревнования по многоборью взводов*». Потом мы съездили в Волоколамск, отец показал бывший роддом, в котором появился на свет Миша.

Я попытался найти сведения о воинской части ПВО под Волоколамском. Непосредственно о в/ч 20045 почти ничего не смог найти, в интернете лишь кратко упоминается, что бывший военный городок заброшен, но там еще имеются три жилых дома. Зато в сети отыскал информацию более общего толка.

В 1955 году на вооружение войск ПВО СССР были приняты зенитные ракетные комплексы (ЗРК) С-25 “Беркут”. На их базе была создана система противовоздушной обороны Москвы в виде двух концентрических колец. Для этого вокруг столицы были построены два бетонных кольца, по ним перевозили тяжелые ракеты (это нынешние автодороги А-107 и А-108). На одном из сайтов нашел такие сведения: «*Военные части, оснащённые комплексами* [ракет] *С-25, располагались на расстоянии 75-85 км от Москвы плотным кольцом (на расстоянии 10-15 км друг от друга). Такие военные части представляли собой достаточно большие по площади объекты, обслуживаемые большим количеством личного состава. Основным видом маскировки военных частей С-25 было расположение в лесных массивах, кроны деревьев которых прятали от посторонних глаз целые улицы военных частей. Большинство частей С-25 в 1990-е годы были расформированы. Сейчас на их территориях возводятся дачные участки*».

Папа слева, на дальнем плане клуб – Анино, 1958 г.

Бывший клуб воинской части – Анино, 2011 г.

Ракеты "205" (ЗРК С-25) на параде на Красной площади – Москва, 1950-е гг.

18. Служба под Мичуринском (1958-1962)

Анкета:	«***сентябрь 1958 – декабрь 1962,*** *заместитель командира части по политчасти в/ч 92928, Московский округ ПВО* [капитан, майор]».

Фото на документы, майор.

Здесь случилась такая же ситуация, какая была на предыдущем месте службы: в нашей семье всегда говорили, что папа служил в Мичуринске Тамбовской области, а на самом деле военный городок находился за городом на приличном расстоянии (12 км).

О военном городке под Мичуринском в моей памяти остались кое-какие смутные воспоминания. Вспоминается, что мы жили в одноэтажном деревянном финском домике, был свой сад и огород. Еще запомнилось во дворе перед нашим домом небольшое бомбоубежище типа погреба. Когда я спросил маму об этом, она подтвердила: «*Да, бомбоубежище заставляли копать. Отец его копал. Оно было рядом с домиком, рядом вишня-дичка была*». Удивляться этому факту (что было бомбоубежище) не стоит, если принять во внимание, когда это было – 1960 год примерно. Это был самый разгар холодной войны с Америкой, тогда не исключали и атомную войну (достаточно вспомнить Карибский кризис).

О воинской службе отца под Мичуринском, к счастью, удалось собрать больше информации, чем о предыдущем месте. Я отобрал две фотографии с праздничного построения, когда воинской части вручали знамя. На фотографии, к сожалению, не разглядеть, какие звезды на погонах у отца. Но могу сказать, что 30 января 1959 года ему присвоили очередное звание майор. А через год он был награжден медалью “За безупречную службу” 2-й степени.

Вручение знамени части (слева папа); наша семья – Мичуринск, 1959-1963 гг.

Папа шагает в центре первой шеренги – Мичуринск, 1959-1960 гг.

В мае 1960 года в Пожарово умерла моя бабушка Александра Павловна, мы ездили на похороны. Это был, пожалуй, единственный случай, когда все братья и сестры Носиковы собрались в одном месте. К сожалению, по печальному поводу.

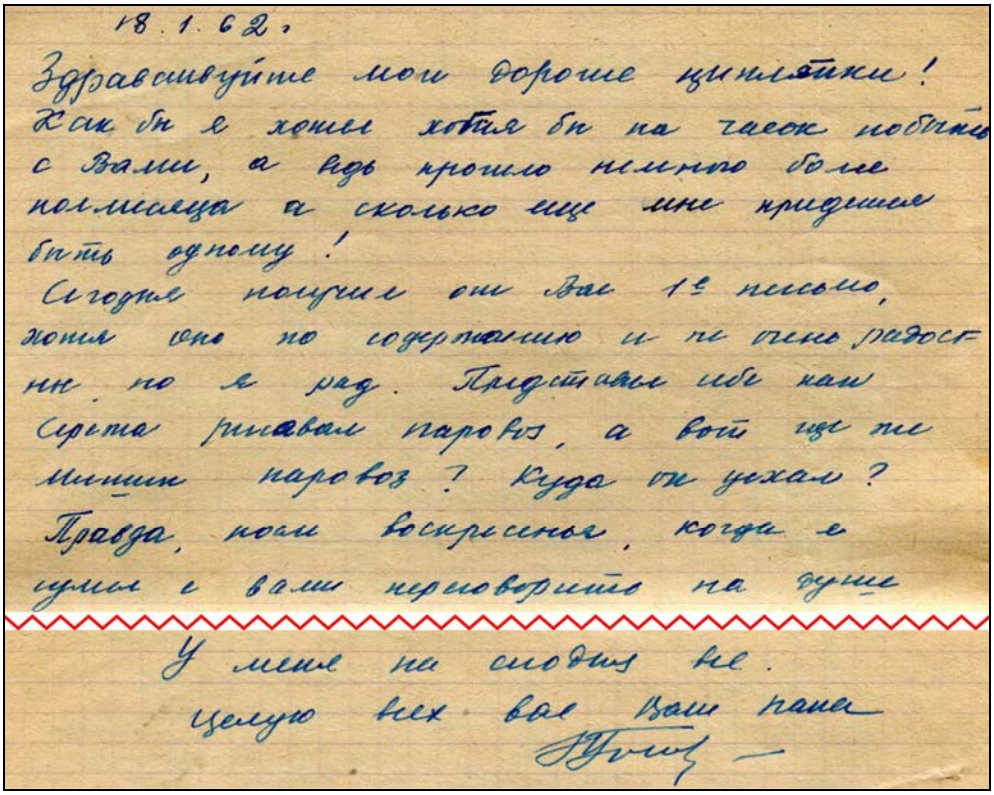
Братья Костя, Саша и Паша (справа) – Пожарово, 1960 г.

В самом начале 1962 года отец поехал в Улан-Удэ (Бурятия) на очередную учебу: «*курсы усовершенствования квалификации*» (так он сам написал).

У мамы была привычка: она не выкидывала послания родственников, собирала все письма и открытки. После ее кончины остался довольно большой короб с корреспонденцией разных лет (1960-е – 2000-е). Большинство открыток интереса не представляют (в них традиционные поздравления с каким-нибудь праздником). А вот часть писем я решил сохранить. И потом с интересом их читал, как будто вернулся назад в СССР. Меня жена потом отчитывала: мол, нехорошо читать чужие письма. Но я так не считаю. Почти все люди, писавшие послания, уже умерли. Да и письма были не совсем уж чужие, а моих родителей или адресованные им. Вот только жалко, что послания сохранились в одну сторону, т.е. присланные нам. И почти нет писем, которые писала мама. Они были бы для меня не менее интересны.

Ну так вот, сохранилось более десятка писем папы, которые он отправил в Мичуринск из Улан-Удэ, начиная с первого послания, в котором написал, что ехал от Москвы на скором поезде «*всего 4,5 суток*» (тогда самолетами еще мало летали). Прочитав письма, я узнал много нового о своей семье. Главным открытием стало – это то, какие теплые и нежные слова папа писал маме. Он так скучал по ней и нам, детям. Я приведу некоторые строчки из его посланий: *«14.1.62. Здравствуйте мои дорогие мамуся и сыночки. Шлю вам свой забайкальский привет и пожелания веселой жизни, без конфликтов*»; *«18.1.62. Здравствуйте мои дорогие циплятки! Как бы я хотел хотя бы на часок побыть с Вами, а ведь прошло немного более полмесяца, а сколько еще мне придется быть одному!*»

Своего отца я запомнил довольно сдержанным на похвалу. Пожалуй, только в дни рождений

18.1.62 г.

Здравствуйте мои дорогие цыплятки!
Как бы я хотел хотя бы на часок побыть
с вами, а ведь прошло немного более
полмесяца а сколько еще мне придется
быть одному!
Сегодня получил от Вас 1-е письмо,
хотя оно по содержанию и не очень радост-
ное, но я рад. Представляю себе как
Сережа рисовал паровоз, а вот где же
Мишин паровоз? Куда он уехал?
Правда, мои воскресенья, когда я
думал с вами переворотил на душе
У меня на сегодня все.
Целую всех вас ваш папа

Начало и конец папиного письма – Улан-Удэ, 1962 г.

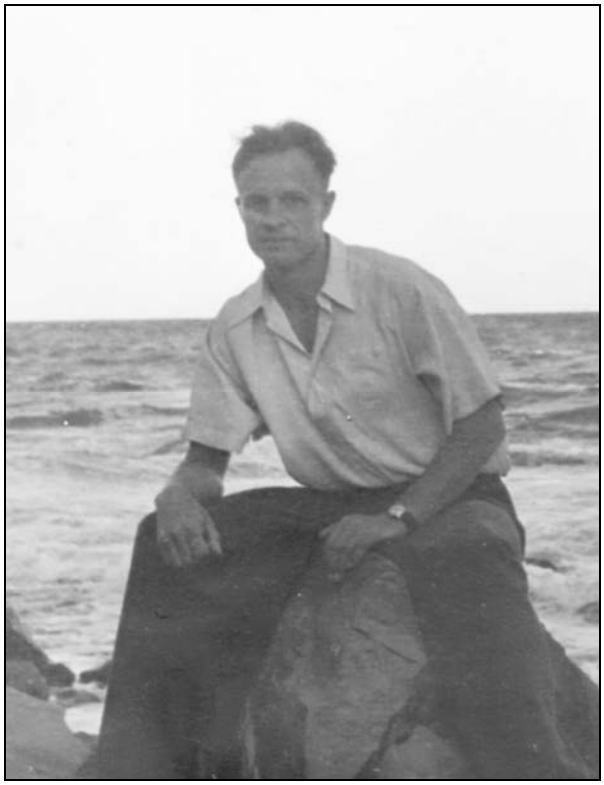
от него можно услышать что-то трогательное. Мои родители никогда не ссорились (по крайней мере, при нас детях), я вообще ни одного такого случая припомнить не могу. Но и комплиментами не разбрасывались. Короче – оба (особенно папа) были сдержанными на внешнее проявление чувств. Вот такими запомнились отношения родителей. Потому для меня стали подлинным откровением письма папы к маме.

Отец, находясь в Улан-Удэ, очень ждал писем из дома, хотя с мамой он регулярно переговаривался по межгороду: «*15.2.62. Насилу дождался Вашего письма, думал, что оно где-нибудь пропало*»; «*28.2.62. Получил Ваше письмо, как всегда, очень рад ему, рад тому, что дела у вас хорошо, здоровье идет на поправку*»; «*5.3.62. А вообще что-то ты, мамуся, стала редко писать. Я от тебя не получал писем больше недели*» (на самом деле мама писала часто, но почта доставляла корреспонденцию нерегулярно).

Как следует из посланий отца, мы в каждом письме из дома посылали свои рисунки, адресованные ему: «*1.2.62. Прежде всего спасибо за картинки, которые мне высылают в каждом письме сыночки. Сережа очень хорошо рисует, молодец. А Миша тоже делает успехи*». Если мама писала, что кто-то из нас заболел (а мы с братом часто болели в детстве), то папа переживал за нас: «*7.2.62. Не знаю, что там у вас делается, почему все повально болеют? А бедный Сережа в эту зиму второй раз болеет*».

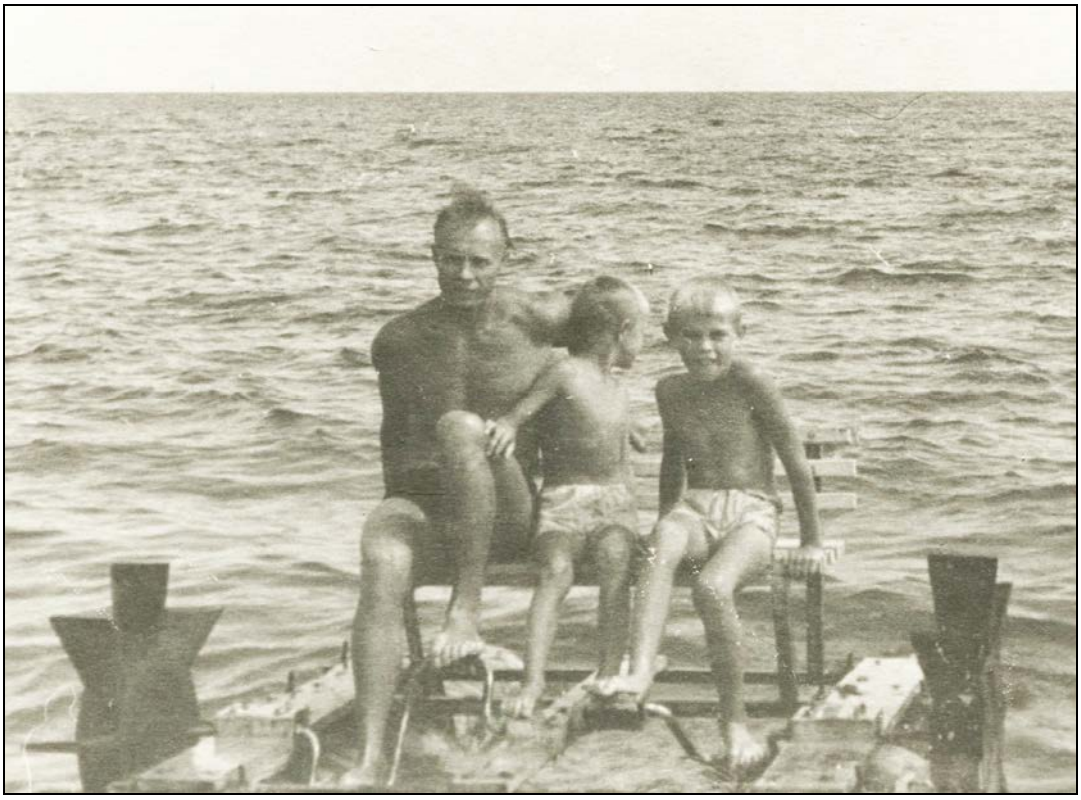
Папа был на курсах в Улан-Удэ три месяца. И когда заканчивал учебу, предложил маме с нами поехать навстречу ему – на ее родину в Косые Ложки. Дело в том, что это по той самой железной дороге Транссибу (только чуть в сторону), по которой он собирался возвращаться домой. И тогда он бы мог заехать за нами, и потом возвращались бы домой все вместе. Как я понял из писем – мама согласилась, и эта папина задумка осуществилась. Вот только почему-то та мартовская поездка 1962 года в Сибирь совершенно не запомнилась, хотя мне было уже 6 лет.

Почти каждое лето папа куда-нибудь уезжал в отпуск: когда вместе с нами, а когда один отправлялся в санаторий, ему требовалось лечение (напомню про два ранения на фронте). Так, например, было в 1958 и 1960 годах, когда он ездил в сухумский санаторий без нас. А в 1959 году мы все поехали в Ярославль и Пожарово. Оттуда Павел со своей мамой Александрой Павловной отправился в Крым в гости к старшему брату Косте и его семье. А через два года мы поехали в Феодосию все вместе, купались в море. В 1963 году мы также всей семьей отправились на юг, на сей раз в Сухуми.

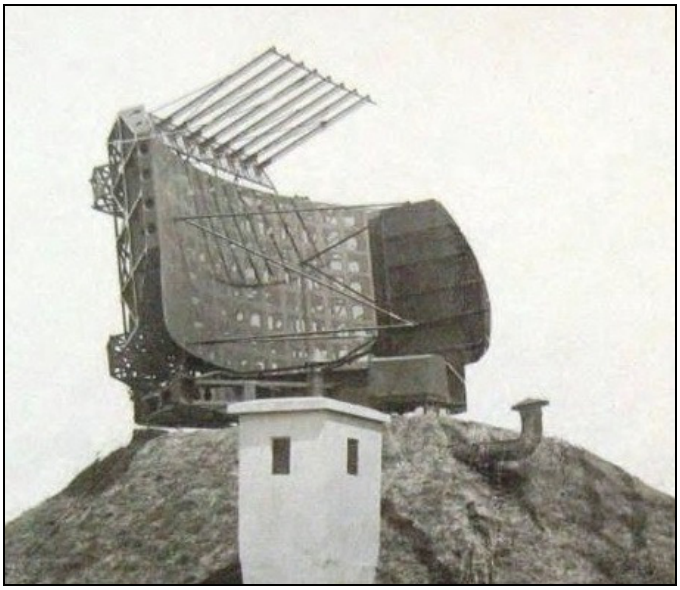

На втором снимке папа со мной – Феодосия, 1959 г.; Сухуми, 1963 г.

Папа, Миша и я на катамаране (водном велосипеде) – Феодосия, 1961 г.

Папа не рассказывал про воинскую часть, в которой он служил. Раньше это было тайной, теперь об этом можно говорить. В интернете нашел сведения о том, что в части 92928 находился радиоузел дальней разведки № 215 (еще называли 215-й радиотехнический центр). Он находился в 400 км от Москвы, и в его задачу входило раннее обнаружение воздушных целей (всего вокруг столицы было размещено 10 таких станций, под Мичуринском была одна из них). Локатор имел обозначение А-100Д, в интернете нашел его изображение. Аппаратура была ламповая, потребляла много электроэнергии. Но на то время это была достаточно надежная защита столицы нашей Родины. Папа служил в одной из воинских частей, охранявшей небо на дальних подступах к Москве.

Радиолокатор станции А-100Д и пункт управления им.

Судьба этой воинской части, как и под Волоколамском, печальная – ее расформировали еще в середине 1980-х годов. Гонка вооружений приводит к быстрой смене, как оружия нападения, так и средств защиты от него. Появляются новые, более надежные и компактные системы ПВО. Когда станции обнаружения целей А-100Д устарели и стали не нужны, они были ликвидированы. И воинские части при них были закрыты или передислоцированы. В интернете нашел видеоролик, в котором показано, как несколько лет назад местные ребята посетили развалины в/ч 92928. От локатора ничего не осталось, но уцелел бункер и какие-то мачты антенн. Все заброшено и никому не нужно. К сожалению, эти люди не заехали в воинский городок, который, судя по карте, находился в 1 км от локатора. Но на спутниковом снимке можно разглядеть остатки каких-то строений на

Семья Носиковых младших: мама, я, Миша, папа – Мичуринск, 1960 г.

месте городка. Но вряд ли там живут люди. Это место теперь называется «*урочище Малая Савинка*». Раньше у меня было желание побывать на месте, где прошли дошкольные годы. Но теперь не уверен, что поеду. Туда и дороги то нормальной нет.

Воинская часть под Мичуринском оказалось местом, где мы пробыли дольше всего (если не считать Истры, где осели уже окончательно). Папа здесь прослужил 4 года и 3 месяца, а мы с мамой прожили ровно 5 лет. В декабре 1962 года вышел приказ о переводе отца на новое место службы – в город Ржев Калининской области (теперь это Тверская область).

Он уехал один, а мы остались на прежнем месте, т.к. там не было квартиры, где бы наша семья могла жить. Это слова мамы, она еще рассказывала, что папа «*Звонил часто по своей линии.* [Все говорил:] *вот дадут квартиру, вот дадут».* Но дом сдали только осенью, и в первый класс школы мне пришлось идти на старом месте.

19. Служба в Ржеве (1963-1964)

Анкета:	***«декабрь 1962 – декабрь 1964,*** *заместитель начальника политотдела в/ч 51592, Московский округ ПВО* [майор, подполковник]».

Фото на документы, майор, подполковник.

Приказ о переводе Павла Михайловича Носикова на новое место службы вышел в конце 1962 года. Но папа уехал из военного городка под Мичуринском, как говорила мама, только в январе 1963. Новый год он встретил в кругу семьи.

Как уже говорил, отец уехал в Ржев один. Более 9 месяцев мы были разделены, лишь летний отпуск провели вместе в Сухуми (папа тогда выехал из Ржева, а мы из Мичуринска, встречались в Москве).

Никто не думал, что такой большой срок получится, родители рассчитывали, что я пойду в школу на новом месте, и все для этого приготовили, купили мне портфель, одежду. Но подвели строители, которые сорвали сроки сдачи дома на несколько месяцев. В итоге мы смогли переехать только 20 октября, первую четверть я отучился в школе под Мичуринском.

Папиных писем из Ржева в нашем архиве не оказалось. Это, видимо, вызвано тем, что, как говорила мама, он регулярно звонил по спецсвязи, так что общение у родителей было и без писем.

Наш дом в Ржеве я хорошо помню: кирпичный, 4-этажный, его адрес: Советская площадь, д. 11. Двухкомнатная квартира № 32, в которой мы жили, была на последнем этаже (фото дома приводится далее). Мы впервые стали жить не в военном городке, а в городе и довольно большом, в квартире со всеми удобствами.

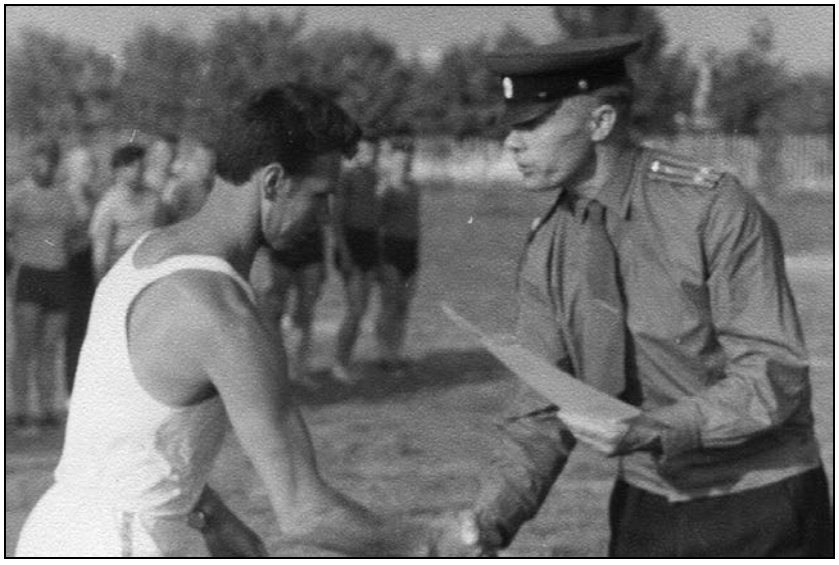
Фотографий о службе отца в Ржеве оказалось в нашем архиве всего несколько, я отобрал две.

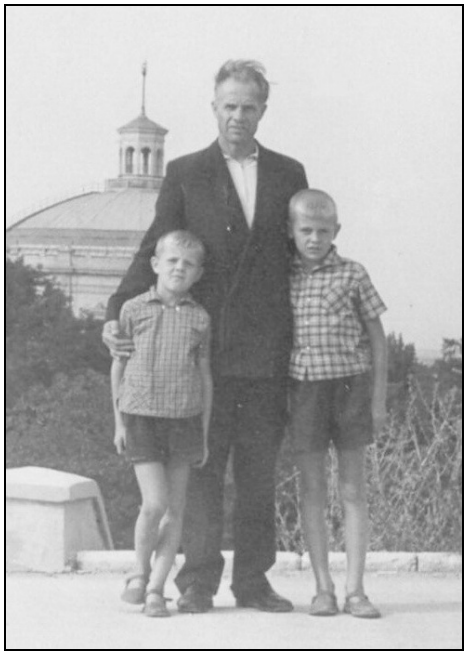
Летом, как обычно, мы ездили на юг, на море. После Сухуми в следующем году все вместе поехали в Крым к родственникам. Там впервые отправились в морское путешествие на теплоходе: из Феодосии в Севастополь. У меня та поездка оставила негативные воспоминания: была качка, и нас тошнило (по крайней мере, меня точно).

Отец прослужил в Ржеве ровно два года (как и под Волоколамском). 12 июля 1963 года ему было присвоено очередное воинское звание подполковник (он так и остался в этом звании до демобилизации из армии). В январе 1965 года Павел Михайлович Носиков получил очередную медаль “За безупречную службу” (1-я степень).

Семинар комсомольских работников, папа стоит третий слева – Ржев, 1964 г.

Папа награждает победителя соревнований;
Миша, папа и я – Ржев, 1964 г.; Севастополь 1964 г.

В этом же месяце отец отправился на новое место службы на Чукотку. А мы остались в Ржеве, была середина учебного года. Но основная причина, почему мы не поехали с отцом, на самом деле была иная. Все повторилось, как и в предыдущий раз: на новом месте службы не было жилья для нашей семьи. Вот так в очередной раз отец уехал, а мы остались на старом месте. И готовились к переезду, ждали, когда такая возможность появится.

Отец писал с севера довольно часто, сохранилось более десятка его писем. В одном из них он посоветовал маме пригласить в Ржев своих родителей из Сибири, чтобы они жили в нашей квартире, пока мы будем на Чукотке. Или же пойти к командованию и договориться, чтобы в нашей ржевской квартире за нами оставили одну комнату и в нее на хранение перенести нашу мебель и все вещи, а потом запереть ее до возвращения с севера. Чтобы ситуация стала понятной, хотел бы пояснить, что переезд на другой край страны рассматривался родителями как временная командировка, и потому не имело смысла перевозить в такую даль крупногабаритные вещи. В итоге мама сделала, как и советовал папа: договорилась, чтобы за нами оставили комнату (в нее перед отъездом перенесли все свое и потом заперли).

В 1965 году вновь отправились на отдых из разных мест: папа прилетел с Чукотки, а мы на поезде из Ржева. Мама так об этом рассказывала: «*В апреле он* [Павел] *приехал в отпуск. Вас отпустили заранее из школы, перевели в следующие классы: тебя в третий, Мишу во второй. И мы уехали в Феодосию. Он там весь отпуск отбыл, нас оставил, а сам улетел на Чукотку*».

В 2011 году я свозил отца в Ржев, мы подъехали к дому № 11, в котором когда-то жили. В нашу бывшую квартиру № 32 не поднимались, но зато увидели старожилов на улице, разговорились. К сожалению, эти люди не знали отца, а он их. Да и не удивительно – ведь со времени нашего отъезда из города прошло почти полвека! Потом я отвез отца к воинской части, где он служил (там рядом находится военный аэродром, иногда взлетали самолеты). Дальше КПП (контрольно-пропускного пункта) нас не пустили. По нашей просьбе вызвали офицера, и папа с ним немного поговорил, рассказал, как тут служил. Заметно было, как папа был растроган во время поездки своими воспоминаниями. Город за прошедшие десятилетия заметно изменился, например, уже нет школы № 4, в которой я учился.

Отец с офицером воинской части; наша квартира на последнем этаже за березой – Ржев, 2011 г.

Музей воинской части: за ракетами пост станции наведения “СНР-75М” – Ржев, 2013 г.

В ходе работы над данной книгой мне захотелось дополнить материал сведениями о воинской части 51592, в которой служил отец (в некоторых документах она отмечена как 3-я радиотехническая бригада, 2-й корпус ПВО). Увы, подробного рассказа об истории этого соединения обнаружить не удалось. Но кое-что нашел. Так, в газете "Ржевская правда" за 2013 год был напечатан репортаж, в котором говорится: «*В июле 1951 года был сформирован 87-й отдельный радиотехнический батальон, место дислокации штаба – город Ржев. Так началась история радиотехнической части № 51592*». А еще через интернет узнал, что, оказывается, на территории воинской части в Ржеве имеется свой музей, где выставлены образцы военной техники. Среди экспонатов много различных локаторов, ракет, зенитных пушек и т.п. Захотелось это самому увидеть – но не уверен, что туда можно свободно пройти. Воинская часть в Ржеве, в отличие от бывших соединений под Волоколамском и Мичуринском, ныне действующая и несет постоянное дежурство.

20. Служба на Чукотке (1965-1967)

Анкета:	«***декабрь 1964 – октябрь 1967****, начальник политотдела, заместитель командира по политической части в/ч 61951, Дальневосточный военный округ* [подполковник]».

Фото на документы, подполковник.

Перехожу к самой «экзотической» части своего повествования, а именно к описанию пребывания на самом краю страны – Чукотке. Этот период нашей жизни мне довольно хорошо запомнился (хотя прошло уже более полувека), и потому поделюсь личными воспоминаниями, есть что вспомнить. Но об этом позже. А сначала расскажу о том месте, где мы были.

Возможно, некоторые, особенно молодые люди, и не слышали о Чукотке (это, конечно, не относилось к папиной родне – все знали, где он служил). Это не удивительно, ведь Чукотский автономный округ – это самый отдаленный от Москвы и, наверное, самый маленький субъект РФ по численности населения. Так в 2018 году здесь проживало чуть более 50 тысяч жителей (это во всем округе, включая его центр – Анадырь). Это меньше, чем в Истринском районе, в котором мы теперь живем! В середине 1960-х годов жителей, возможно, было побольше, но не миллионы это точно.

Разница по времени Чукотки с Москвой составляла 10 часов (теперь 9). Самолет из столицы летел примерно столько же. Чтобы было понятно, где мы жили, я решил привести географические карты разного масштаба, которые скачал с сайта Wikimapia (на изображения нанес некоторые поясняющие надписи, которые пригодятся в последующем рассказе). На левой карте видны два поселка, разделенные бухтой Эмма: Провидения и Урелики, мы жили в последнем.

Около Урелик был военный аэродром, но он короткий и большие самолеты там не садились (взлетная полоса сделана не из бетона или асфальта, а просто положены на грунт куски железа с дырками). Поэтому лететь из Москвы приходилось с пересадкой в лучшем случае с одной (в Анадыре), а то и с двумя (еще в Магадане).

Зимой между поселками Провидения и Урелики ездили напрямую через бухту Эмму по замерзшему льду на вездеходах (там это основной вид наземного транспорта). Летом добирались либо на катере по воде, либо по объездной дороге вокруг бухты на машине. В поселке Провидения жили гражданские лица, там был морской порт, куда летом на кораблях доставляли грузы. А в поселке Урелики базировалось несколько воинских частей, самой крупной был погранотряд (мы их

Карты окрестностей поселков Провидения и Урелики (укрупненная) – 2020 г.

звали – «погранцы»). У них были даже построены несколько многоэтажных жилых корпусов. А отец служил в радиотехническом полку (РТП) в/ч 61951, на современной карте он обозначен РТБ (видимо, со временем полк сократили до батальона).

Для начала хотел бы привести цитату из интернета, из которой станет понятно, по какой причине и когда во времена СССР в этих местах появились военные:

«*Серьезное ухудшение взаимоотношений с бывшим союзником по антигитлеровской коалиции – Соединенными Штатами, заставило правительство Советского Союза принять меры по укреплению обороноспособности рубежей, расположенных ближе всего к США. В 1946 году на Чукотке началось сосредоточение крупной группировки Вооруженных Сил. На полуостров начали перебрасывать стрелковые, танковые и авиационные соединения. Аналогичная активность наблюдалась и на американской стороне Берингова пролива. Там в экстренном порядке создавались новые военные базы. Часть советских войск разместили вокруг Анадыря, а другую – в бухте Провидения. Некоторое время спустя их преобразовали в 14-ю десантную армию под командованием генерала Н.Н. Олешева. В 1947 году в районе бухты Провидения переброшенные соединения Советской армии начали строительство блиндажей, огневых точек, казарм, бомбоубежищ, других инженерных сооружений. На вершинах сопок появились зенитные батареи, вдоль береговой полосы – позиции полевой артиллерии. В оврагах маскировали танки. Буквально за несколько недель безжизненное пространство тундры превратилось в мощный укрепленный район*».

Хочу к этому добавить, что когда спустя два десятилетия после описываемых событий сам оказался на Чукотке, то многое из того, что перечислено в цитате, не увидел. Например, ни один танк на глаза нам не попался, хотя все окрестности мы там облазили. А вот танковое озеро там было. В интернете также же имеются сведения, что в окрестностях поселка Провидения есть остатки подготовленных для боевых действий дотов, огневых точек.

Но вернемся к отцу. Согласно приказу его назначали на новое место службы 29 декабря 1964 года. Однако он не уехал на север перед Новым годом, как могло бы показаться из приказа. Об этом свидетельствует выписка из его послужного списка: «*Проходил службу в особо отдаленной местности п-ов Чукотка с 29 января 1965*».

Тут хотелось бы сделать паузу и пояснить, почему мы вообще оказались на Чукотке. Как мне в свое время говорил папа, каждый военнослужащий за время своего пребывания в армии должен прослужить три года в трудных условиях в отдаленной местности. Вот поэтому ему пришлось согласиться на перевод на север. Я не думаю, что он горел желанием уезжать из Ржева (тем более,

что никакого повышения в звании при переводе не было, да к тому же более полугода пришлось жить без семьи). Но приказ – есть приказ, его надо выполнять. Дни пребывания на севере засчитываются при подсчете выслуги лет как один за два. Поэтому в послужном списке с точностью до дня указано, когда именно подполковник П. М. Носиков прибыл на новое место службы в воинскую часть № 61951, базирующуюся в поселке Урелики. Ну а задержка вылета в целый месяц была вызвана, видимо, тем, что он сдавал дела на старом месте.

О службе отца на Чукотке довольно большой материал опубликован в книге "Ветеранский полк". Прочитав его, я сам для себя открыл кое-что новое, о чем прежде не знал. Текст в книге интересный, приведу его с небольшими сокращениями, добавлю при этом фотографии.

«Наши радиолокаторы размещались по всей территории СССР и прежде всего на огромных протяжениях государственной границы, – продолжает свой рассказ П. М. Носиков. – Круглые сутки, днём и ночью, мы вели наблюдение за воздушным пространством. Особенно мне запомнилась служба на Чукотке (1964-1967 годы). Это крайний северо-восток страны, значительная часть которого расположена за Полярным кругом[1]*. Отделена от Аляски (территория США) лишь узким Беринговым проливом. Суровый климат, вечная мерзлота, метели, пурга запомнились на всю жизнь. Те, кто жил и трудился на Чукотке, хорошо помнят народную присказку о климате на этой земле: "У нас одиннадцать месяцев зима, а остальное – всё лето, лето ...".*

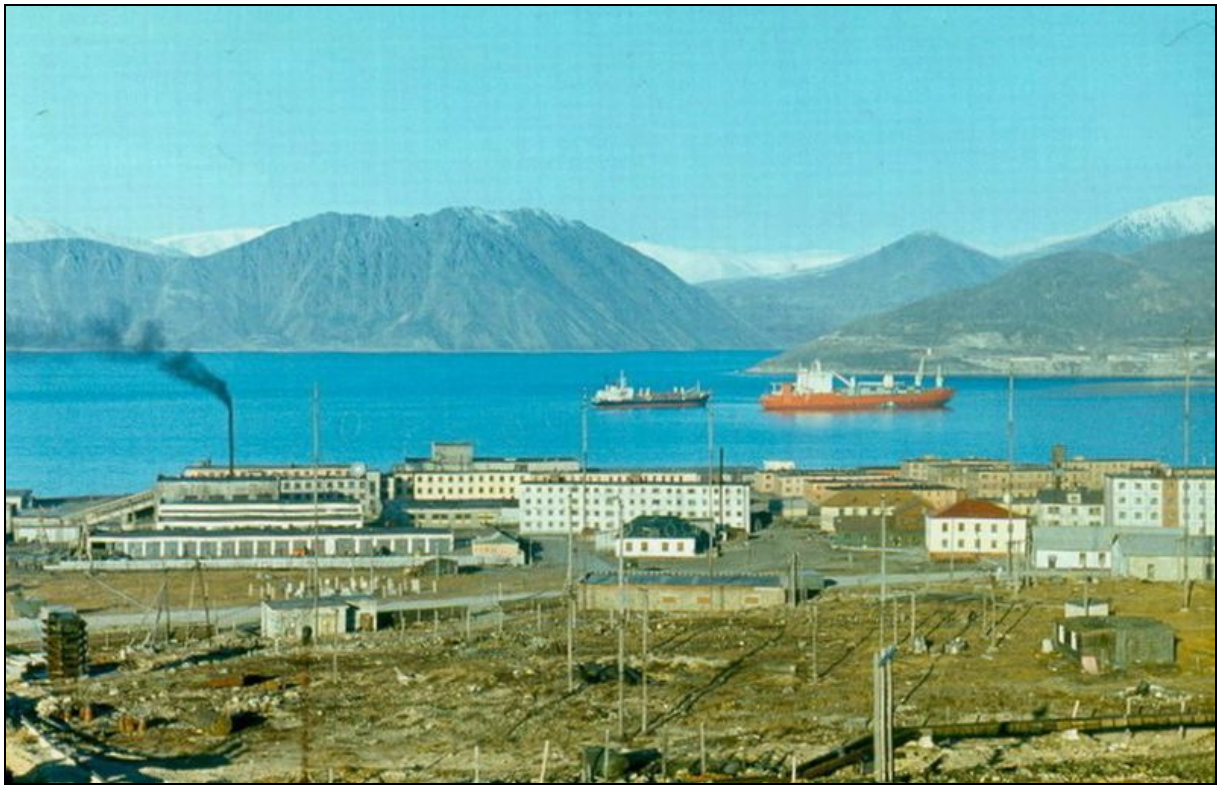
Чукотская бухта Провидения знаменита тем, что сама природа сделала её уникальной, едва ли не единственной в мире удобной для стоянки кораблей всех типов: узкая горловина соединяет её с океаном, со всех сторон бухта защищена грядами сопок, к тому же она глубоководная. Единственным её недостатком является то, что большую часть года она скована льдом. В начале июня в бухту приходит ледокол, взламывает лёд, а когда она очищается ото льда, появляются первые корабли с материка. Их приход – настоящий праздник для жителей прибрежных поселений. К нему готовятся все: и взрослые, и дети. С зимы запасают пистоны, ракетницы и другие принадлежности фейерверка. Как только из-за сопок появляется первый корабль, в небо взлетает огромное количество ракет. Салют, мало уступающий московскому. На берег бухты выходят все жители. Это настоящий праздник для северян».

Хотелось бы к сказанному добавить свои слова. Все написанное в цитате верно. Вспоминаю, как в начале лета встречали первый теплоход. Люди его ждали, вышли на улицу заранее, все в ожидании смотрели на бухту. Был вечер, светило солнце. И когда из-за мыса появился корабль, в воздух тут же полетели ракеты, выпущенные из ракетниц. Папа, конечно, преувеличил, написав про «*Салют, мало уступающий московскому*». Но зрелище точно незабываемое. Все радовались от души. Тот, кто прожил на севере много месяцев в отрыве от большой земли (ее называли материком) – тот поймет эти чувства. Снимка встречи первого теплохода я, увы, не нашел. А вот вид с кораблями на рейде в бухте Эмма обнаружил.

Но вернемся к книге "Ветеранский полк". *«Начинается навигация. Морской порт Провидения является базовым для Северного морского пути. Сюда приходят все корабли: и гражданские, и военные, идущие через Северный Ледовитый океан с запада на восток и обратно. Здесь формируются караваны, заправляются топливом, водой, продовольствием и затем в сопровождении ледоколов отправляются на маршрут. В порт Провидения в период навигации (июнь – октябрь) два раза в месяц приходят пассажирские теплоходы, привозят туристов, продукты. Вместе с тем жители Севера предпочитают авиацию, так как путь от Владивостока до Провидения с заходом в Петропавловск-Камчатский, Анадырь, Беринговский теплоход преодолевает за семь суток.*

На территории Чукотки в тот период были два аэропорта, способные принимать все типы самолётов, – гражданские и военные. Это Анадырь и посёлок Мыс Шмидта на побережье Северного Ледовитого океана. Из Москвы до Анадыря летали Ил-18 с двумя посадками за восемь часов [мне кажется, что время полета с промежуточными посадками было не менее 10 часов]. *Единственным доступным видом транспорта была авиация. В разных частях Чукотки находились несколько аэродромов, способных обслуживать малые и средние самолёты: Ил-14, Ли-2, Ан-2 и др. в основном с металлическими полосами приземления, построенными в 30-е годы».*

[1] Поселки Провидения и Урелики располагались не за Полярным кругом, но вблизи него. Поэтому в начале лета почти не было темноты, соответственно в декабре света было мало.

Вид на дома отряда пограничников и бухту Эмма – Урелики, 1985 г.

«Задачу охраны воздушного пространства над Чукоткой выполняла дивизия ПВО в составе радиотехнической бригады, нескольких зенитно-ракетных и авиационных полков, транспортного отряда. Радиотехническая бригада состояла из 14 радиотехнических центров, на вооружении которых находились радиолокационные станции, работавшие в трёх диапазонах частот: сантиметровом, дециметровом и метровом. В каждом центре было по три-пять локаторов. Радиолокатор состоял из генератора, передающего и приёмного устройств, в основном подвижных, в металлической утеплённой кабине, на которой находились антенны. Электроэнергией локатор обеспечивала дизель-электрическая станция. В состав оборудования центра входили, как минимум, две мощные, для дальней связи радиостанции. Других средств связи, кроме радио, в тот период не было. Вся информация о воздушной обстановке, бытовые и другие сообщения передавались радиоморзянкой, разумеется, в зашифрованном виде. В составе центра были предусмотрены казармы полярного типа, где находились помещения для работы, отдыха и бытовых нужд личного состава. Кроме этого, имелись помещения для хранения специальной техники и транспорта, баня. Было несколько домов для командного состава из бруса или щитовых. Располагались центры по побережью вдоль Тихого океана, на удалении друг от друга, но взаимно перекрывавших воздушное пространство без так называемых мёртвых зон. Общая протяжённость боевого порядка бригады составляла 1200 километров от побережья Ледовитого океана до границы с Камчаткой».

Здесь снова прерву цитирование. В интернете нашел старый снимок какого-то военнослужащего на фоне радиолокационной станции (РЛС), подписанный: «*Чукотка. Уэлькаль. Май 1991 года. На фоне "кормилицы"*». Я посмотрел на карте, где это место – оно на побережье Тихого океана (Берингова моря) между Анадырем и Провидения. Это значит, что здесь наверняка служили солдаты и офицеры нашей части 61951. И скорее всего, что папа был на этой точке в середине 1960-х годов, может и не один раз. Ведь в одном из писем он писал, что хотел бы побывать во всех подразделениях, и добавил, что в большинство из них добраться можно только на вертолете.

И вновь возвращаюсь к книге. *«Нельзя не рассказать о том, как обеспечивалась нормальная жизнь личного состава в этих необычных условиях. Серьёзную трудность представляла организация привычного для человека питания, обычных бытовых условий. Так как в условиях полярного климата, вечной мерзлоты невозможно выращивать какие-либо растения, особое значение приобретает правильная, своевременная организация завоза продуктов питания, предметов быта на целый год вперёд, при этом с учётом всех потребностей проживающих в условиях Арктики*

Офицер части ПВО – Уэлькаль, 1991 г.

людей. В таких условиях заявки составлялись заблаговременно, их деталировка тщательно прорабатывалась. Поставка грузов – северный завоз – находилась на особом контроле.

В июне направлялась команда для приёмки и доставки груза непосредственно потребителям. Для этого фрахтовали корабль, который следовал к местам расположения радиотехнических центров (рот, батальонов), так как в этих местах причалов, портов не было, корабли вставали на якорь поближе к месту доставки груза. На воду спускали самоходную баржу, загружали её и таким образом, доставляли груз на берег. Эта операция была не только трудоёмкой, но и опасной. В условиях крайнего севера тающие льды превращались в ледяную шугу и при штормовой погоде образовывались ледяные торосы, делающие невозможным подход к берегу».

На этом цитирование статьи о Павле Михайловиче Носикове завершено. В ней еще приведена фотография с подписью: «*Группа офицеров сфотографирована на фоне сбитого воздушного шара-шпиона, прилетевшего к нам с территории США. Шар сбит летчиком авиаполка*». Других пояснений к снимку нет. Могу от себя добавить, что белое пятно на фотоснимке – это не снег, а оболочка шара. И еще. Этот сбитый шар был не единственный. За время нашего пребывания на Чукотке, таких случаев было несколько, папа иногда сообщал нам такие новости.

Офицеры на фоне сбитого воздушного шара, папа четвертый слева – Чукотка, 1966-1967 гг.

Еще в книге почему-то не сказано, что на Чукотке папа виделся со знаменитым советским писателем Константином Михайловичем Симоновым (напомню сказанные в начале слова о том, что среди книг, посвященных войне, папа особо выделял произведения этого писателя). Об этом памятном событии сохранилась фотография, сделанная, скорее всего, в клубе нашей части. На ней

Папа вручает моржовый клык писателю К. Симонову – Урелики, 1967 г.

видно, как папа вручает писателю моржовый клык. Симонов приезжал в Урелики, встречался с личным составом и семьями офицеров, рассказывал о своем творчестве (увы, в моей памяти о той встречи ничего не осталось, хотя наверняка на ней присутствовал).

Хотелось по этому случаю рассказать о моржовых клыках. Это был, пожалуй, самый популярный сувенир с Чукотки. Моржи живут в северных морях, эскимосы и чукчи на них охотятся. Самцы – это довольно крупные морские звери, и клыки у них большие (по полметра и более). У добытых зверей отпиливали клыки, обрабатывали. И потом на них выжигали рисунки, делал это кто-то из военнослужащих. На память с Чукотки отец привез несколько клыков, три из них хранятся у нас дома. Причем два с дарственными надписями отцу, фото одного из них прилагаю. На конце клыка выжжено: «*Носикову П. М. от коллектива политотдела в день рождения 12 мая 1966 г.*»

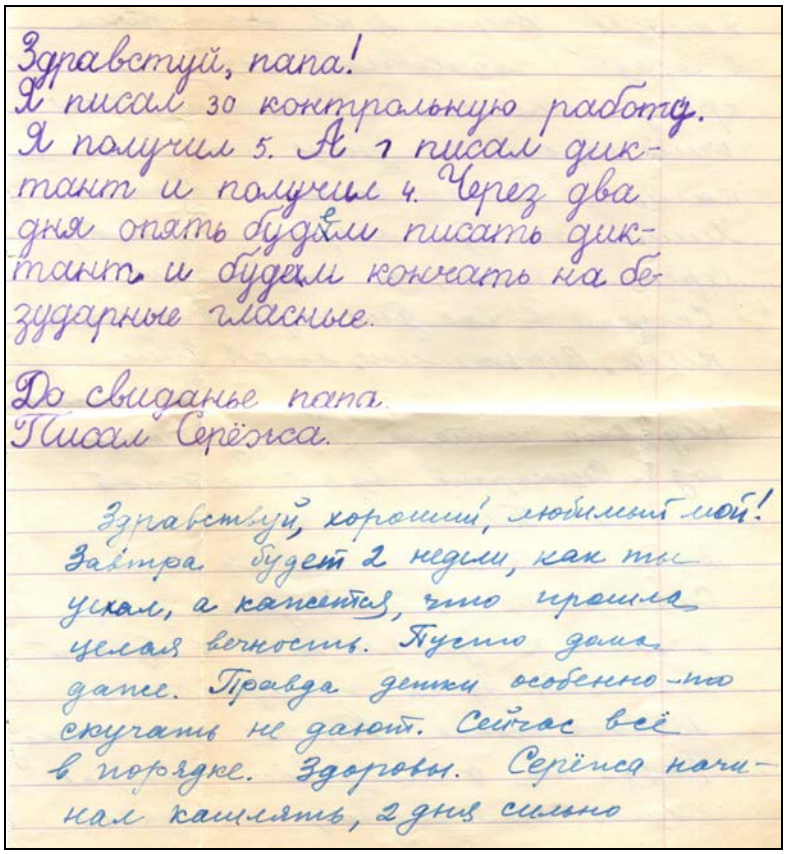

Моржовый клык, подаренный отцу – Урелики, 1966 г.

Другой чукотский сувенир – это оленьи рога. Я помню, что такие рога привезли с Чукотки, они потом долго висели у нас дома в большой комнате. Потом их взял брат Миша.

Как я уже говорил в материале, посвященном Ржеву, папа поехал на север вначале один. Он отправился в январе, а мы туда прилетели только в августе. Телефонной связи тогда с Чукоткой не было, оставалась только переписка. Мама сохранила письма и телеграммы Павла, написанные оттуда, их довольно много (более десятка). И даже оказалось несколько ее ответных посланий, видимо, их сберег отец. Я решил привести выдержки из переписки родителей, чтобы показать, как они скучали друг по другу. А еще папа в письмах приводил некоторые подробности жизни на севере, которые, думаю, будут интересны.

В первой телеграмме, датированной 30 января 1965 года, отец сообщает, что «*ПРИБЫЛ БЛАГОПОЛУЧНО УСТРОИЛСЯ НОРМАЛЬНО*», писать просил до востребования. А первое письмо было отправлено еще раньше – 26 января из Хабаровска. Полетел он не сразу в свою часть,

Здравствуй, папа!
Я писал 30 контрольную работу.
Я получил 5. А 1 писал диктант и получил 4. Через два дня опять будем писать диктант и будем кончать на безударные гласные.

До свиданье папа.
Писал Серёжка.

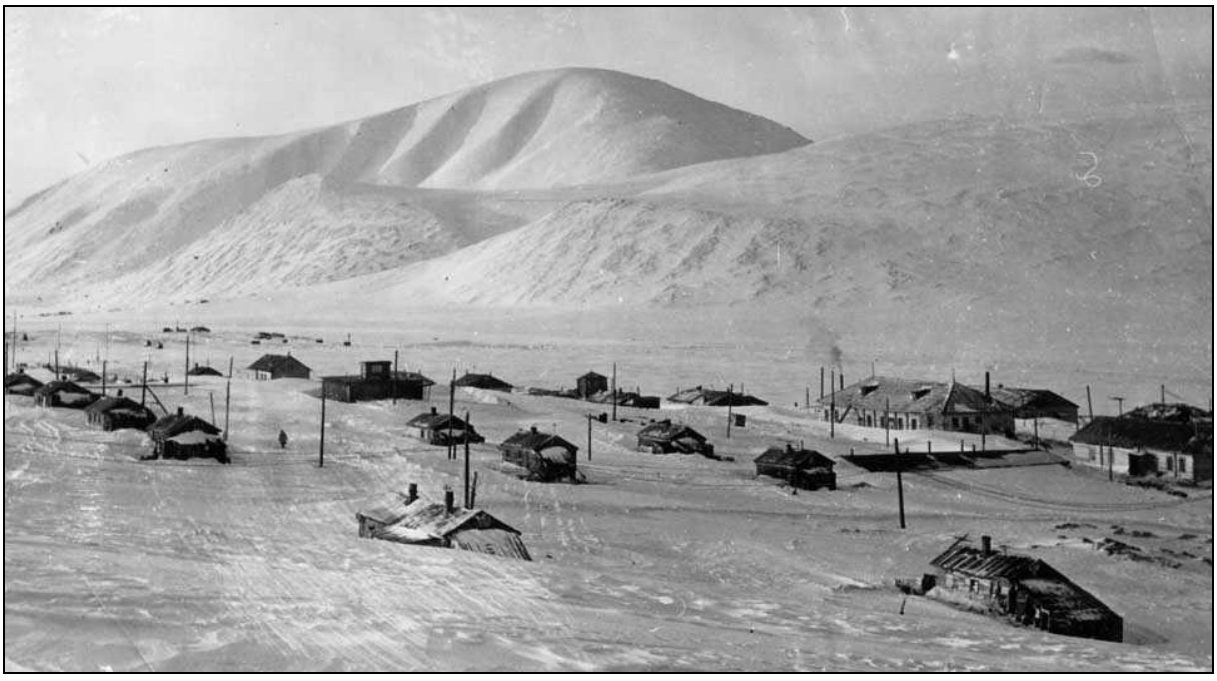
Здравствуй, хороший, любимый мой!
Завтра будет 2 недели, как ты уехал, а кажется, что прошла целая вечность. Пусто дома даже. Правда детки особенно-то скучать не дают. Сейчас всё в порядке. Здоровы. Серёнся начинал кашлять, 2 дня сильно

Письмо мое и мамы, адресованное папе – Ржев, 1965 г.

а, видимо, сначала отправился в штаб Дальневосточного округа: «*Встретили не очень восторженно. Первый вопрос, который задали: "Когда привезешь семью?". Рекомендуют лета не ждать*». Но отец решил не спешить, сначала надо осмотреться на месте и подготовить все к нашему приезду. Он также написал из Хабаровска, что ему предстоит сделать две пересадки на самолете – в Магадане и Анадыре (в обоих городах, как сказано в следующем письме, ему пришлось заночевать в ожидании своего рейса).

Когда мама узнала, куда можно отправлять письма папе, она тут же написала (ее послание датировано тем же числом 30 января, когда пришла первая телеграмма). В письме мамы есть такие слова: «*Первые дни они* [дети] *очень скучали. А в тот день, когда ты уехал, Сережа* [это я] *вечером плакал. Сидит и у него слезы капают, капают. Зачем, говорит, папа так далеко от нас уехал*». Другое послание начинается такими словами: «*Здравствуй хороший, любимый мой! Завтра будет 2 недели, как ты уехал, а кажется, что прошла целая вечность. Пусто дома даже*». На том же листке есть и строчки, написанные мною. Привожу копию первого листа этого письма.

2 февраля отец написал уже из Урелик, отметил, что тут холодно. Люди живут в финских домиках, некоторые уже старые и их продувает (как он отметил: «*жилье хуже, чем в Мичуринске*»). В интернете нашел снимок, очень похоже, что на нем показано расположение нашего радиотехнического полка, точнее домов, где жили офицеры с семьями (нашего жилья не видно, оно осталось правее за границей кадра). Фотография сделана в 1970-е годы, т.е. через несколько лет после нашего отъезда. Все, видимо, оставалось еще по-старому.

Вид на нашу воинскую часть (жилые домики семей офицеров) – Урелики, 1970-е гг.

В следующем письме папа сообщил, что в этом году в воинской части хотят построить новые домики 4-квартирные. Но выражал сомнение: успеют ли? Ведь строить еще и не начинали. Я не знаю, в какой дом мы потом поселись – старый или новый. Но зато помню, что он был на 4 семьи (необычной особенностью внутренней планировки было то, что можно было через кладовку перейти в соседнюю квартиру, не выходя на улицу). В каждой квартире была своя печка, ее топили углем. А уголь хранился в пристройке к крыльцу (помню, что там же подвешивали красную рыбу для вяления).

Вид с севера на наш дом: наши два окна слева, в центре окно проходной кладовки – Урелики, 1967 г.

Вид с востока на дом: два правых окна наши – Урелики, 1967 г.

Приведу фотографии нашего дома, сделанные мною лично. Попутно отмечу, что фотографировать и потом делать отпечатки снимков, научил меня папа. Он дал свой первый фотоаппарат “Зоркий”, а затем отдал и второй – ФЭД-2, который ему подарили как раз на Чукотке.

Вернусь к переписке родителей. В письме папа отметил «*очень хорошее снабжение*» в местном магазине. В продаже были колбаса, мясо, масло, яблоки, сгущенное молоко, большой выбор консервов, обуви, одежды – и все это без очереди (надо вспомнить советские времена, когда многое из перечисленного было в дефиците). *«Можно купить или заказать пыжиковую шапку, за которыми в Москве дерутся»*.

Еще он написал, что есть даже свежее коровье молоко. Откуда оно на Чукотке? В нашей части имелось подсобное хозяйство, где держали несколько коров (сено для них завозили на теплоходе). Мне вспоминается картина, как зимой по утрам мимо нашего дома бегом проносились эти коровы. На подсобке, которая стояла в стороне на горке, воды не было. Утром животных выпускали, они знали дорогу к столовой, где можно было напиться. И коровы во всю прыть мчались к этой столовой, которая была около нашего дома. Свежее молоко выдавали по талонам офицерским семьям, в которых были дети (припоминаю, как сам ходил за молоком на подсобку). Так же было и с куриными яйцами.

Насчет нашего приезда отец написал: «*Если бы была хорошая квартира, ехать можно сейчас же. Правда, еще одно неудобство – школа расположена в 3 км, возим на машине*» (на самом деле мы чаще ездили на вездеходах).

В письме от 16 февраля отец рассказал о том, чем занимается (конечно, не нарушая при этом военной тайны): «*Работы очень много, скучать не приходится. Хозяйство трудное, много сложных нерешенных вопросов, которые и решить в этих условиях трудно. Но что делать, приходится сражаться. Народ здесь, пожалуй, труднее, чем там. Есть такие, которые на все смотрят наплевательски, ждут замены. Вот с ними труднее всего*». В альбоме отца нашел снимок, на котором он с сослуживцами. Хотел бы еще добавить, что во время службы на Чукотке отец получил юбилейную медаль “Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.”.

Командование РТП, папа крайний слева – Урелики, 1965-1967 гг.

В одном из писем было написано: «*морозы здесь не очень докучают. При морозе 30 без ветра можно свободно ходить на улице, работать. Но когда при морозе ветер, а так бывает часто, то прямо обжигает лицо*». Офицерам выдавали настоящую шубу, валенки, теплые рукавицы. Я помню эту шубу – длинную, кожаную с мехом и высоким воротником. Очень теплая. Мы ее привезли с Чукотки в Истру. После отца она мне досталась. Но в последние годы ее не надевал (зимы у нас стали теплые). Ее могла начать есть моль. Да и место много она занимала. Поэтому ее подарили.

Папа очень переживал, когда долго не получал писем от мамы: «*пошел на почту, думал, получу что-нибудь от Вас, но, увы, ничего нет. Не знаю, на что подумать, забыть ты не могла. Неужели опять все болеете? Если бы можно было поговорить по телефону!*» Он, конечно, хорошо знал, что задержки почты бывают из-за нелетной погоды. Сам маме писал, что можно улететь в командировку, а назад приходилось ждать неделю-две, когда погода наладится.

Я хорошо помню зиму на Чукотке. Самым опасным для людей был не крепкий мороз, а пурга, т.е. сильная метель. Сообщения о надвигающейся непогоде передавали по проводному радио (в каждом доме оно было), предупреждали о силе ветра. Пурга 20 метров в секунду была нередким явлением. Но случались, иногда, ветра и 30, и даже до 40 м/сек (что равно 144 км/час). Кто это на себе испытывал, говорил, что взрослому человеку трудно устоять на ногах, сильный ветер сбивает с ног. Пурга могла продолжаться 3-4 дня подряд, а то и дольше (вот строчка из одного из писем отца: «*сегодня после недельной пурги установилась погода и я сразу получил 3 письма*»). Снег при ветре мело так, что видимость была нулевая. Каждую зиму происходили несчастные случаи, когда кто-то терялся во время пурги. И, если быстро не находили, то человек замерзал.

Я и папа на лыжах – Урелики, 1965-1967 гг.

На Чукотке мы довольно много ходили на лыжах (а вот на коньках кататься было негде – лед быстро заметало снегом). Запомнилось еще, что если зимой светило солнце, то смотреть на снег без затемненных очков было даже больно – насколько ослепительно он сиял (очки видны на лице папы). Нигде больше такого ярко-белого и плотного снега я не видел.

На приведенном снимке я сфотографирован на фоне деревянного креста. Крест этот находился недалеко от нашей части на мысу, разделяющем бухты Провидения и Эммы. С ним связано местное предание. Во время нашего пребывания на Чукотке говорили, что это могила дочери знаменитого мореплавателя (не помню кого точно – то ли Беринга, то ли Дежнева). Когда при подготовке книги захотел уточнить эту информацию, то в интернете нашел, что в 1848 году умерла «*на судне то ли дочь, то ли жена капитана Мура, по имени Эмма*». Ее похоронили на берегу и поставили крест – тот самый, что на фотографии. Однако местные чукотские краеведы считают, что это всего лишь легенда, что это могила 1912 года «*капитана "Полярной звезды" Зикмана*».

Весна на Чукотке приходила поздно, снег в Уреликах активно начинал таять в мае. Сохранилась фотография, сделанная в день Победы. Глядя на нее никак не скажешь, что снято в последний месяц весны. И все-таки это уже не зима, офицеры не в шубах и валенках, а в шинелях и сапогах.

На построении в честь дня Победы, папа справа – Урелики, 9 мая 1966 г.

Я хорошо помню, как в начале лета на вершинах сопок еще оставался снег, он окончательно исчезал где-то в конце июня. А в августе бывало уже выпадал новый – вот такое там короткое лето. Из-за сурового климата там не растут никакие кустарники и деревья. Говорят, что на севере есть карликовые березы. Ну, так в том месте, где мы жили, их не было, ни одной не видел. Наверное, они где-то и растут, но не в Уреликах. Сопки вокруг поселка были все голые, каменистые, кое-где покрыты лишайником. Один мох только растет в тундре в низине между сопок, а под ним – камни и вечная мерзлота. Однообразный пейзаж. А еще мне запомнились огромные скопления ржавых бочек (литров по 200 каждая, а то и больше), они там повсюду. В них на север привозили топливо. Но назад никто не вывозил, поэтому с каждым годом их становилось все больше.

Теперь вновь возвращаюсь к переписке родителей. В одном из писем папа написал про собачьи упряжки: «*я видел* [как] *запрягают сразу 12 собак больших, почти с Мишу ростом, и они везут сани, на которых едут 2-3 человека и очень быстро, правда, мы их на вездеходе обогнали*». Насчет этого могу сказать, что собачьи упряжки мне не запомнились, возможно, их и не видел. Дело в том, что на них ездило местное население. А в Уреликах находились воинские части, аборигены там не жили. Чукчей и эскимосов видел всего несколько раз, когда нас возили на экскурсию. Таких поездок за все время пребывания на Чукотке припоминаю лишь три.

Один раз нас, школьников повезли смотреть стадо оленей. Помню, ехали по объездной дороге в направлении поселка Провидения. С той поездки сохранилась фотография (оленей там не видно, они где-то в загоне на дальнем плане). Обращаю внимание на стоящего справа офицера в шубе с высоким воротником – именно такая была у отца (о ней рассказывал ранее).

Поездка к оленям, Миша второй слева, я шестой – Урелики, 1966-1967 гг.

О той поездке у меня почему-то впечатлений осталось мало (зато хорошо запомнил, что оленье мясо и колбаса из него невкусные). Две другие поездки понравились больше. Одна из них была на горячие ключи. Помню, что ехали летом по берегу моря, преодолевали довольно глубокие заливы (русла речек?) на армейском газике. И вроде как застряли прямо в воде. Этот момент даже оказался запечатленным на фотоснимке, правда, не очень резком.

По дороге на горячие ключи – Чукотка, 1967 г.

Когда приехали на место, то увидел небольшие деревянные ванны, из которых шел пар. Мы в них искупались. Вода там очень специфическая, с сильным запахом (сероводорода или еще чего-то). Из той поездки брат Миша запомнил, как по пути заезжали на звероферму, где разводили песцов. Нам там не понравилась, т.к. кругом стояла жуткая вонь.

Другая поездка была к берегу Тихого океана (точнее – Берингова моря). Это тоже было летом, мы поехали от нашего поселка на юг мимо аэродрома. На берегу увидели огромные китовые кости (это место на приведенной выше карте особо обозначил). Там местные жители когда-то вытаскивали из воды убитых китов и потом их разделывали, кости же остались на берегу.

Возвращаюсь к письмам отца с Чукотки. 3 марта 1965 года он написал, что нет смысла сейчас к нему приезжать, лучше провести лето на море в Феодосии, где проживал его брат Константин с семьей. Папа обратился к нему с просьбой, чтобы нашу семью приняли. И вскоре получил от феодосийцев согласие: «*усиленно приглашают Вас к себе на лето*». Еще отец написал, что в летние месяцы не сможет поехать в отпуск, «*потому что здесь самый ответственный период, от которого зависит благополучие в течение целого года*» (он имел ввиду северный завоз, о важности которого уже говорилось выше). Поэтому

офицеры в отпуск чаще ездили весной, или осенью. Отец выбрал первый вариант, т.к. сильно соскучился без нас. Мы отправились из Ржева, с отцом встретились в Москве, куда он прилетел с Чукотки. И уже оттуда все вместе поехали на поезде в Феодосию. А когда отпуск у папы закончился – он вернулся на Чукотку. Ну а мы с мамой остались на море до той поры, пока я не заболел, и тогда досрочно вернулись домой в Ржев.

В первом же письме по возвращении из отпуска (5 июня) отец написал, что долетел до места службы хорошо, задержек не было. Вот только там оказалось холодно – лед в бухте Эмма еще остался, несмотря на то, что недавно прошел ледокол и проложил судам путь. Еще написал, что в этот раз ему с нами было расставаться особенно тяжело (в следующем письме сказано: «*не прошло еще и недели, как прибыл на место, а кажется, что уехал от Вас год назад*»). В своих письмах папа раз за разом наказывал маме, чтобы покупала нам ягоды и фрукты столько, сколько мы способны съесть, чтобы не экономила. 23 июня отец сообщил, что «*идут один за другим грузовые корабли, везут грузы, разгружать и возить приходится днем и ночью, очень много ремонта и строительства, а людей мало*». В конце добавил, что квартиру для нас еще не получил.

Последнее из сохранившихся писем папы датировано 12 июля 1965 года, возможно, позже он и не писал, т.к. ожидал нашего приезда. Мы прилетели в августе. Осенью я и брат пошли в школу.

Следующим летом (1966) на каникулы меня и брата родители оправили одних в теплые края. Мишу определили на месяц в детский санаторий под Владивостоком. А я почти все лето провел в Ярославле в гостях у тети Оли. Почему родители не поехали с нами отдыхать? До недавнего времени ответа я не знал. И лишь когда обнаружил и изучил мамину трудовую книжку, то понял, что она просто не могла поехать в то лето, т.к. только в апреле устроилась на работу. Папа же не мог отлучиться из части, т.к. была горячая пора северного завоза. Ну а почему нас с братом отправили порознь, я могу высказать лишь предположение. Мы были отнюдь не «паиньками», наши родители, думаю, хорошо понимали, какие хлопоты такие дети могут доставить родственникам, если бы те согласились нас принять. Ну а с одним ребенком все же справиться проще, чем с двумя.

В том же году (1966) случилось еще одно важное, но печальное событие в нашей семье: папе удалили правый глаз. В начале книги я писал о его первом ранении в голову, о лечении в госпитале Тулы, которое продолжалось чуть более недели. Понятно, что осколки тогда никто не удалял, отец был очень рад, что глаз видел, его признали годным к продолжению несения воинской службы. Но вот спустя два десятилетия последствия того давнего ранения стали проявлять себя негативным образом. Мама сохранила четыре письма отца, отправленных из военного госпиталя в Хабаровске. В первых посланиях он писал, что глаз слезится, боли продолжаются, и врач предлагает сделать операцию по удалению. Отец больше недели не соглашался на уговоры, продолжал лечение, хотя врач и говорил, что это бесполезно. И на самом деле, судя по письмам, несмотря на лечение, проблемы с глазом не исчезли[1]. Отец начал склоняться, чтобы согласиться с предложением врача, т.к. ему в госпитале все надоело. Через несколько дней 20 сентября он написал, что операция прошла, причем удачно. И что вскоре должны были сделать глазной протез.

Могу от себя добавить, что посторонний человек мог и не заметить, что у отца нет одного глаза, протез был сделан хорошо (на самом деле было несколько запасных). Да и я порой забывал об этой особенности отца. И вспоминал лишь тогда, когда он говорил, что поле его зрения ограничено, и он не видит, что сбоку от него. После операции отец продолжил службу в армии. Когда он оформил инвалидность второй группы – я не знаю. Но в 1990-е годы она у него была точно.

Вероятно, из-за удаленного глаза отцу разрешили сократить срок пребывания на севере: он не дослужил несколько месяцев до положенных трех лет. О том, как мы оказались в Подмосковье, расскажу в следующем материале. А вот почему уехали осенью, напишу сейчас. Мне с Мишей пришлось первую четверть целиком отучиться в школе поселка Урелики. Казалось бы, логичнее было бы переехать на новое место летом, чтобы 1 сентября начать учебу вместе со всеми, а не менять школьный коллектив во время учебного года. И тут опять стоит напомнить про северный завоз, когда людей остро не хватает. Полагаю, что именно поэтому отца не отпустили со службы.

Мы улетели с Чукотки в конце октября 1967 года. По пути сделали краткосрочную остановку в Красноярске. Это родители организовали специально для нас – когда бы еще оказались в этом

[1] Мне припоминаются слова жены о том, что если бы отцу не удалили больной глаз, то мог пострадать и другой, здоровый глаз. Папа в письмах об этом почему-то не писал.

Миша, я, папа, родственник Николай – Красноярск, 1967 г.

городе (и действительно, никто из нас там больше не был). Мама заранее договорилась со своим дальним родственником Николаем, который работал в местном аэропорту. Мы на такси съездили в Дивногорск, чтобы посмотреть гидроэлектростанцию на Енисее, которая тогда еще строилась. Мне та поездка запомнилась, вот только с погодой не повезло: шел снег, и видимость была неважная. Это даже видно на сохранившемся снимке. Потом заезжали и в Косые Ложки (вот этого уже не помню).

После отъезда с Чукотки никто из нашей семьи больше там не был. Иногда мне хотелось туда слетать, посмотреть знакомые места. Но больно уж длительный и дорогой туда перелет. Тяжело физически и накладно для кармана. При подготовке данной книги попытался найти в интернете информацию о воинской части в/ч 61951 (в некоторых документах отца она еще именовалась 75 РТП ПВО ДВО).

Когда я в начале этого материала приводил карту Урелик, то обращал внимание на обозначение РТБ (радиотехнический батальон). Это означает, что спустя какое-то время после нашего отъезда полк сократили до батальона. Но и этот батальон просуществовал недолго, на рубеже веков его расформировали. Да, я понимаю, что постоянно происходит смена поколений военной техники, что, наверное, уже не нужно множество РЛС по всему побережью, что современные средства ПВО по-другому решают задачу надежной охраны неба нашей родины. И все же стало грустно после прочтения следующего материала некоего автора: *«Я был в Ureликах в 2003 году (сам беринговский), зрелище не для слабонервных. В паре домов горят по два-три окна, и все. В некоторых квартирах еще стоят мебель и советские телевизоры, кое-где сохранились шторы, стекла в домах целы, сохранились магазинные вывески. Ощущение, будто прошла эпидемия, тишина и вроде разрушений не видно, но людей нет»*.

Приведенная цитата относится к началу XXI столетия. Как мне написала местная жительница Светлана, с которой при подготовке книги завязалась переписка, за прошедшие годы в Ureликах не произошло каких-либо изменений к лучшему. Когда я изучал современные снимки, сделанные из космоса, то благодаря их хорошему разрешению смог разглядеть на местности отдельные дома. Нашел расположение нашей части РТП. Строений на том месте почти не осталось. Смог разглядеть очертания нескольких домов, и те без крыши. Вот так. В последние годы по телевидению говорят о возрождении нашей армии, что снова появляются военные городки на побережье Северного Ледовитого океана, что начинают потихоньку вывозить на утилизацию пустые ржавые бочки из под горючего. Но видимо эта волна перемен еще не дошла до мест, где служил папа, где мы жили. Как та же Светлана сообщила, в Ureликах по-прежнему везде валяются ржавые бочки.

На этом завершаю рассказ об очередном месте служения отца. Он получился заметно больше по объему в сравнении с Анино или Ржевом. Я решил не сокращать текст и оставить как есть. Каким-то странным образом оказалось, что для самого удаленного места службы сохранилось (и обнаружено) больше всего интересной информации. Ну и еще надо учитывать, что на Чукотке я уже не был малышом, мне многое запомнилось из нашей жизни на крайнем северо-востоке страны.

В завершении этой части своего рассказа хотел бы подвести итог: срок службы Павла Михайловича Носикова на Чукотке составил 2 года 10 месяцев. Ну а мама, я и Миша прожили там на 7 месяцев меньше.

21. Служба под Истрой (1967-1973)

Послужной список:	«***ноябрь 1967 – май 1973****, заместитель по политической части начальника отдела испытаний, в/ч 63002, Московский округ ПВО* [подполковник]».

Фото на документы, подполковник.

Перехожу к рассказу о последнем месте службы моего отца в Подмосковье. Говорить об этом периоде жизни мне и проще и сложнее. Проще потому, что времени с тех пор прошло меньше в сравнении с другими местами нашего проживания, и я тогда был уже взрослее, в памяти моей все более свежо. Но, с другой стороны, по сравнению с Чукоткой тут все както было более буднично, меньше экзотики и всяких запоминающихся событий.

В в/ч 63002 папа прослужил дольше, чем где-либо: пять с половиной лет. После его увольнения мы еще семь лет жили в городке до получения новой квартиры в Истре. Об этом речь пойдет позже, а сейчас хотелось бы рассказать, как очутились в Подмосковье. Об этом мне рассказала мама.

Когда у Павла (она называла его, когда по имени, когда отцом, а в старости уже именовала дедом) подходил к концу трехлетний срок пребывания на севере, командование предложило на выбор несколько мест для продолжения службы. Истра была не самым привлекательным (с точки зрения военной карьеры) вариантом, т.к. здесь была вакантна подполковничья должность, что соответствовало его званию. А в другом месте (где-то в средней полосе России – не помню, где именно) отцу предложили должность, где бы он мог стать полковником. Но папа во главу поставил перспективы и будущее подрастающих детей, т.е. меня и Миши. Учитывая свой возраст (ему было 44 года), отец, думаю, предполагал, что это будет последнее место службы, что семья останется здесь жить и после его увольнения из армии. Истра же находится рядом с Москвой, в которой много вариантов получения хорошего образования и будущего трудоустройства. Как он оказался прав! Не буду говорить за брата, но я столько раз мысленно выражал благодарность отцу за этот дальновидный шаг, что он выше поставил будущее детей, а не собственные интересы.

На этот раз мы переезжали на новое место все вместе. С собой в самолет взяли только самые необходимые вещи, остальные спустя какое-то время прибыли в контейнере с севера. По прибытию в Подмосковье мы потом на машине съездили в Ржев и забрали из комнаты наши вещи (диван и другое), которые не брали на Чукотку.

Итак, мы оказались в военном городке, находившемся в 50 км от Москвы и в трех километрах от районного центра г. Истра (почтовое отделение называлось Истра-1). Хотел бы отметить некоторые особенности нового места. Если в прежних городках мы видели военную технику (например, на Чукотке, это были самолеты, вертолеты, вездеходы), то здесь ничего этого не было, был просто жилой городок. Военная техника находилась на специальной «площадке», куда доступа гражданским лицам не было (я там так и ни разу не побывал). Свободно лишь можно было попасть на стрельбище (оно находилось сразу за забором). Масштабы военного городка Истра-1 были несопоставимы ни с одним, где мы жили раньше. Здесь были большие кирпичные дома – казармы для размещения солдат и жилые трехэтажные дома. Помимо этого было много двухэтажных 8-квартирых домов для членов семей офицеров. В одном из таких домов № 25 мы жили более 10 лет (вначале поселились в доме № 27, но ненадолго).

У нас была трехкомнатная квартира на первом этаже, одна из комнат была моя с Мишей. Из удобств в квартире были свет, холодная вода, туалет, центральное отопление. Газ был в неболь-

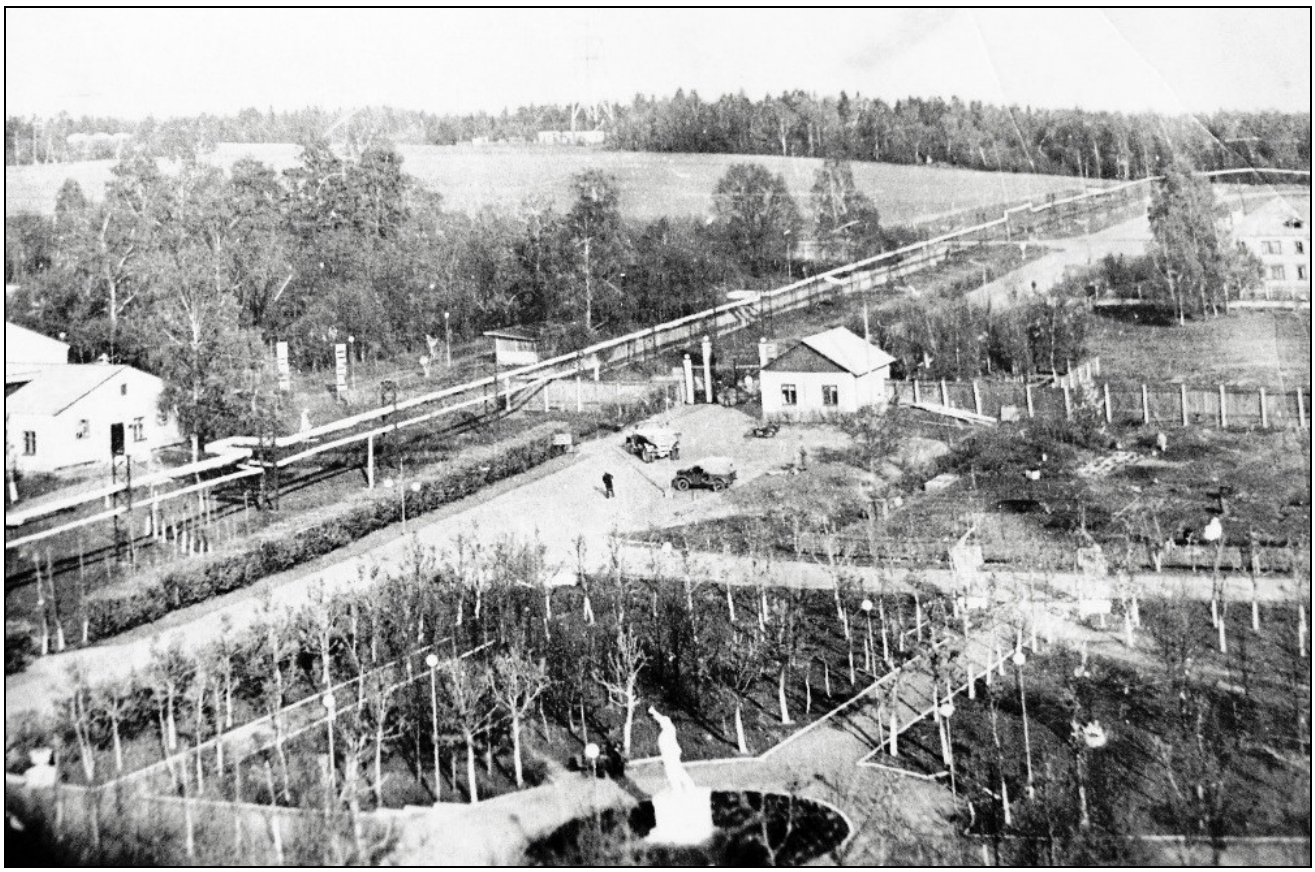

Наши три окна справа на первом этаже, на втором снимке папа справа – Истра-1, 1977 г.; 1970-е гг.

ших баллонах, которые надо было заправлять. Ванну с душем отец сам поставил в квартире много позже, уже незадолго до нашего переезда в город. А до этого по субботам ходили в общую баню. Нам было к этому не привыкать. Кроме Ржева, в наших квартирах не было, где помыться.

Маме нравилось жить в городке, ей не хотелось потом переезжать в Истру. И в самом деле, на улицах было много зелени, на дорогах редко проезжали машины (в те времена они мало у кого были). Тихо, спокойно – раздолье для детей и пожилых людей. Рядом с домом был деревянный сарай, в котором хранились наши вещи. Недалеко находились два огорода: на одном росла клубника, редиска и т.п., а на другом (за забором) сажали картошку, были кусты смородины, малина.

В интернете нашел снимок, где показан въезд в наш городок. Небольшой белый домик в центре – это КПП. Фрагмент другого светлого здания слева – это спортзал. Виден еще памятник В. И. Ленину внизу. Справа на горизонте в лесу находилась военная «площадка». От нее (или к ней?) шла теплотрасса, на снимке хорошо видны белые трубы над землей.

Въезд в военный городок Истра-1.

Парад в военном городке, папа второй слева – Истра-1, 1970-е гг.

После Волоколамска (Анино) мы вновь оказались в Московской области и даже еще ближе к столице. Наши родственники этим пользовались и стали заметно чаще приезжать в гости. Я, конечно, всех визитов родни вспомнить не могу. Но помню, как в Истру-1 приезжала феодосийская Наташа, дядя Саша из Челябинска.

Отец ежегодно ездил на лечение в какой-нибудь санаторий. Среди его бумаг обнаружил перечень поездок на курорты: 1967 – Кисловодск; 1968 – Сочи; 1969 – Ялта; 1970 – Феодосия; 1971 – Евпатория; 1972 – Кисловодск; 1973 – Сухуми. Обычно папа отправлялся на лечение один (сохранилось несколько его писем из разных мест, в которых пишет, что скучает без нас). Но в 1973 году он поехал на курорт вместе с мамой, это было перед увольнением из армии. Данный случай я запомнил, т.к. впервые надолго (почти на месяц) родители уехали без нас. А т.к. мы еще учились в школе, то на время своего отсутствия пригласили приехать из Сибири дедушку и бабушку. Около месяца мы вместе жили, пока родители не вернулись из санатория.

Несколько раз летом отправлялись всей семьей на отдых в Крым. В 1971 году поехали в Евпаторию. Там я с папой поселился в санатории, а мама с Мишей жили на частном секторе. Я кое-что из той поездки помню (например, как принимал лечебные грязевые ванны). А годом ранее мы ездили в Феодосию без мамы (не знаю, почему она не поехала с нами, возможно, не удалось взять отпуск на работе). Отец тогда поселился в военном санатории, а я с братом жил у наших родственников. Помню, как мы ежедневно утром ходили на санаторский пляж, там встречались с отцом и купались. В одном из папиных писем написано, что я попросил купить маску и ласты для подводного плавания, ради этого готов был отказаться от мороженного. Еще отец писал, что мы ездили на экскурсию в Новый Свет и ему там очень понравилось. А экскурсию в Севастополь покупать боялся, т.к. могло не хватить денег, и потому попросил маму выслать 20 рублей.

В 1971 году я окончил Котеревскую школу, которая была неполной средней. В 9-й и 10-й классы уже ездил с одноклассниками на автобусе в Истру в школу имени А. П. Чехова.

В нашем архиве сохранилось несколько снимков с последнего места службы отца (к сожалению, дата съемки нигде не указана). На одном из них он вместе со своим непосредственным командиром, начальником первого отдела Евгением Михайловичем Лукиным (тот потом в Чеховской школе был нашим военруком).

Я мало что могу рассказать о службе отца в в/ч 63002. На работу он уходил часам к 9, если не раньше. Приходил в 2 часа дня домой обедать, потом у него обязательно был послеобеденный сон (эта привычка не передалась ни мне, ни брату). И в 4 часа снова уходил на работу. Возвращался вечером к ужину. Бывали иногда тревоги, но нечасто. Случались и разные ЧП, например, сбегал солдат в самоволку, и тогда отца долго дома не было. И все же служить ему тут было легче, чем например, на Чукотке. Это подтверждает одно из писем его старшего брата, в котором тот выражает удовлетворение, что работы у Павла оказалось немного. Это, видимо, случилось впервые за всю его военную карьеру.

Папа, мама и я после окончания Котеревской школы – Истра-1, 1971 г.
На втором снимке слева папа, справа Е. М. Лукин.

Военнослужащие отправляются на «площадку», папа второй справа,
на дальнем плане справа казарма первого отдела – Истра-1, 1970-е гг.

О своей непосредственной работе, о специфике воинской части 63002 отец ничего не рассказывал (так, впрочем, было и на прежних местах службы). Я лишь знал, что он был замполитом первого отдела и даже однажды побывал на его рабочем месте (двухэтажное краснокирпичное здание казармы находилось около стадиона). А что за первый отдел, чем он занимался – я и понятия не имел, да и не спрашивал отца, т.к. понимал, что это военная тайна (только теперь узнал, что это был отдел испытаний). Мы, конечно, понимали, что раз наша часть относится к ПВО, то на «площадке» должны быть зенитные ракеты («площадка» была примерно в 1 км от проходной части и находилась в высоком лесу).

И вот только при работе над книгой кое-какие прежние тайны приоткрылись. Это произошло благодаря тому, что сейчас в открытом доступе много выложено из того, что ранее считалось секретным. Кое-что удалось найти и о в/ч 63002, но не так много, как хотелось бы. На сайте Wikimapia территория «площадки» названа: «*Бывшая база хранения и снаряжения ракет ЗРК ПВО С-25 "Беркут". Судя по имеющейся информации, всего имелось 7 таких баз, расположенных около первого кольца ПВО*».

Уже после нашего отъезда из городка на его территории вместо памятника Ленину была установлена ракета С-75 (именно такой ракетой, например, 1 мая 1960 года был сбит около Свердловска высотный самолет-шпион У-2, а потом во время вьетнамской войны было уничтожено много американских самолетов). Эта ракета есть на фотокарточке, сделанной тогда, когда в городок Истра-1 приезжал хор ветеранов (об этом коллективе речь еще впереди).

Истринский хор ветеранов педучилища в военном городке, папа в центре чуть правее – Истра-1, 1996 г.

Интересно отметить, что в/ч 63002 входила в тот же комплекс противоздушной обороны столицы, что и части под Волоколамском и Мичуринском, в которых отец прежде служил. Напомню вкратце, что на мичуринскую часть ПВО была возложена задача дальнего (раннего) обнаружения летящих целей. Непосредственно же в Московской области были организованы два кольца обороны. По окружности этих колец через равные расстояния были расположены воинские части с локаторами и ракетами класса “земля-воздух” (по сведениям из интернета, по окружности ближнего

кольца находилось 56 стартовых позиций). Если воинская часть в Анино входила в дальнее (второе) кольцо, но в/ч 63002 относилась к ближнему (первому) кольцу. Были и другие отличия. Как я понимаю, стартовая позиция зенитных ракет была в нашей части под Волоколамском. А вот в Истра-1 таких позиций, видимо, не было, тут находилась ремонтная база по обслуживанию ракет.

Весной 1973 года папе исполнилось 50 лет. И он уволился из армии. Я, к сожалению, не знаю, было ли это собственное желание (возможно, сказывался возраст и накопившиеся проблемы со здоровьем). Или же таким было решение командования (нередко приходилось слышать, что при достижении определенного возраста офицеров увольняли, чтобы освободить их должности для более молодых). Так или иначе, 4 апреля 1973 года вышел приказ об увольнении Павла Михайловича Носикова из рядов Вооруженных сил (но полтора месяца спустя он почему-то все еще числился в списках личного состава в/ч 63002). В его личном деле в военкомате записано: «*Выслуга лет в календарном исчислении на 23 января 1973 года – 30 лет 1 месяц 22 дня, с льготами – 36 лет 4 месяца 7 дней*» (шесть дополнительных лет набралось за нахождение на фронте и за службу на Чукотке). В приказе было записано, что «*уволен с действительной военной службы в запас по статье 59 пункт "б" (по болезни) с правом ношения военной формы одежды*».

Папа (в центре) среди молодых офицеров части,
на дальнем плане клуб (Дом культуры) – Истра-1, 1977 г. (примерно).

Отец стал получать пенсию как военный пенсионер, она составляла в первое время 200 рублей. Очень достойная по тем временам сумма (мама, к примеру, после выхода на заслуженный отдых получала в три раза меньше).

За время службы в в/ч 63002 Павел Михайлович Носиков был награжден двумя юбилейными медалями: "Пятьдесят лет Вооруженных сил СССР 1918-1968", "За воинскую доблесть. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина, 1970".

Папа недолго оставался без дела, он хотел продолжать трудиться.

22. Работа в Истринском педучилище (1973-1992)

Трудовая книжка:	*«**1973.08.24** – Назначить преподавателем истории и обществоведения; **1992.09.01** – Уволить по сокращению штата».*

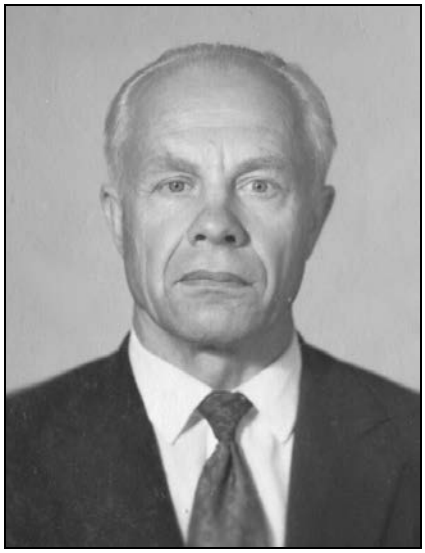

Фото на документы, подполковник.

Описывать биографию отца после увольнения из армии для меня оказалось довольно непросто. Казалось бы – все это было не так давно и происходило на моих глазах. Однако многие ключевые моменты для меня оказались неясны. В то время я не интересовался делами отца, жил отдельной жизнью, потом появилась своя семья. И папа особо не рассказывал, чем занимается. А после того, как мы разъехались, общение стало реже, хотя и оставалось регулярным (на праздники или когда приезжали родственники всегда собирались вместе, кроме того на дачу в Манихино я регулярно ездил отцу помогать на огороде). Постараюсь теперь, используя сохранившиеся документы, восстановить события прошлого.

Павел Михайлович Носиков был уволен из армии, как уже говорилось, весной 1973 года. Мне это событие никак не запомнилось, т.к. как раз в это время оканчивал среднюю школу и готовился к поступлению в институт. В августе того же года отец был принят в Истринское педагогическое училище на полставки учителя, и с началом занятий в сентябре стал преподавать историю и обществоведение. А я в это время поступил в авиационный институт (МАИ) и уехал из дома, стал жить в Москве в общежитии.

Почему папа выбрал такую профессию, это место работы? Он об этом не говорил, но, думается, что и так понятно. Ведь, если все взвесить, то это выглядит наиболее естественным. Ведь он в армии был политработником, вел воспитательную работу среди солдат. И примерно тем же самым продолжил заниматься на гражданке, работа по преподаванию истории для него была наиболее близка. В книге “Ветеранский полк” приведены его слова: «*Люблю быть с молодёжью, стремящейся к знаниям. Общаясь с молодыми людьми, забываю о своих болячках, сам становлюсь моложе*». Ну а почему папа оказался преподавателем в педучилище, а не в какой-нибудь общеобразовательной школе – я не знаю (в трудоустройстве мог посодействовать какой-то знакомый).

Конечно, предмет истории пришлось подучить. Но для отца, думаю, это не представляло особой проблемы, новейшую историю и так знал. Ну а по более древним временам было достаточно учебных пособий и методических материалов. Так что за достаточно короткий срок он хорошо подготовился, чтобы вести уроки истории на достойном уровне. В 1974 году его отправили на курсы повышения квалификации в город Горький.

Педучилище находится в центре Истры. И семь лет, пока нам в городе не дали квартиру, отец в дни, когда у него были уроки, ездил на автобусе из городка (это примерно 4 км). О работе отца в педагогическом училище у меня информации немного, лишь припоминаю его сетования, что здесь оказалось труднее, чем было в армии. Там был мужской коллектив, солдаты, которые находились в подчинении, и им можно было приказывать. А в педучилище в подавляющем большинстве учились девушки, это совсем другой контингент. Приходилось искать другие методы воспитания и преподавания. Короче, требовалась определенная адаптация.

Отец всегда ответственно относился к работе. Это видно хотя бы по тому, что уже через полгода приказом по Истринскому педагогическому училищу ему была объявлена «*Благодарность за добросовестный труд и активное участие в социалистическом соревновании 1973 года*». Потом

Коллектив Истринского педучилища, папа в третьем ряду третий слева – Истра, 1996 г.

почти каждый год он награждался почетными грамотами от разных организаций (в том числе от министерства). Также регулярно выносились благодарности, он был награжден знаком “Победитель соцсоревнования 1975 г.”, еще один такой же получил через два года. А спустя десять лет после начала педагогической деятельности получил значок “Отличник народного просвещения”.

Ветеран Истринского педагогического училища Галина Ивановна Трифонова рассказала, что почти сразу по приходу в училище Павел Михайлович Носиков стал секретарем партийной организации. В этом нет ничего удивительного – отец практически всю свою жизнь, помимо непосредственной службы и работы, много времени уделял общественным делам.

В период работы отца в Истре его неоднократно как ветерана награждали юбилейными медалями: “XXX лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945”, “Ветеран Вооруженных сил СССР”, “Шестьдесят лет Вооруженных сил СССР 1918-1978”, “40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945”, “70 лет Вооруженных сил СССР 1918-1988”. Самой же значимой наградой за это время был “Орден Отечественная война I степени”, который ему вручили (как и другим ветеранам) в честь 40-летия Победы над Германией в 1985 году.

Отец был еще нестарым и вел активный образ жизни. Он совершил несколько туристических поездок, в том числе в Чехословакию и Белоруссию. В это время папа продолжал почти каждый год ездить на лечение в санатории: 1975 – Цхалтубо; 1976 – Сухуми; 1977 – санаторий “Крым”; 1979 – Юрмала; 1980 – Кисловодск; 1983 – Алушта; 1985 – Кисловодск; 1986 – Сочи; 1987 – Киев; 1989 – Приозерск. Только теперь он чаще случалось в межсезонье, т.к. он уже не служил в армии, а был военным пенсионером. С наступлением 1990-х годов, когда произошел развал страны и про пенсионеров и ветеранов власти на многие годы забыли, поездки в санатории прекратились.

Описываемый период, когда папа работал в педучилище, по времени оказался самым продолжительным в его биографии – он длился почти два десятилетия. И за это время в нашей семейной жизни произошло много изменений. В 1978 году на последнем году обучения в институте я познакомился со своей будущей женой Татьяной Николаевной Шамариной, которая также училась в МАИ, но на другом факультете. Мы решили пожениться и весной следующего года мои родители приехали знакомиться со сватами, которые жили в деревне Чириково Подольского района Московской области. Этот момент оказался запечатленным на снимке.

Папа, мама, Валентина Сергеевна, Таня и Николай Сергеевич Шамарины – Чириково, 1979 г.

В июне 1979 года в доме Шамариных в Чириково состоялась наша свадьба, на ней присутствовали папа и мама. Я окончил институт и остался работать на кафедре. А моей супруге предстояло учиться еще два года. Мы проживали в общежитии МАИ. Родители же по-прежнему жили в военном городке. Это было ведомственное жилье, принадлежащее воинской части.

По закону всем уволившимся офицерам государство должно предоставить жилую площадь. Павел Михайлович Носиков после увольнения из армии встал на очередь на получение квартиры в Истре. Ждали несколько лет. Так удачно сложилось, что незадолго до рождения моего первого сына Сережи, отец получил новую трехкомнатную квартиру с жилой площадью 37 кв. метров (тогда действовала норма 9 квадратных метров на одного человека). Она находилась на втором этаже в доме № 23 по улице Босова в центре Истры.

Вот сколько радостных событий произошло одновременно: я стал отцом, моя супруга матерью, а родители стали дедушкой и бабушкой. И, вдобавок, мы переехали в новое жилье. С рождением внука моя мама Варвара Федоровна вышла на пенсию, чтобы помогать Тане с воспитанием малыша. В 1982 году у нас появился второй сын Алеша.

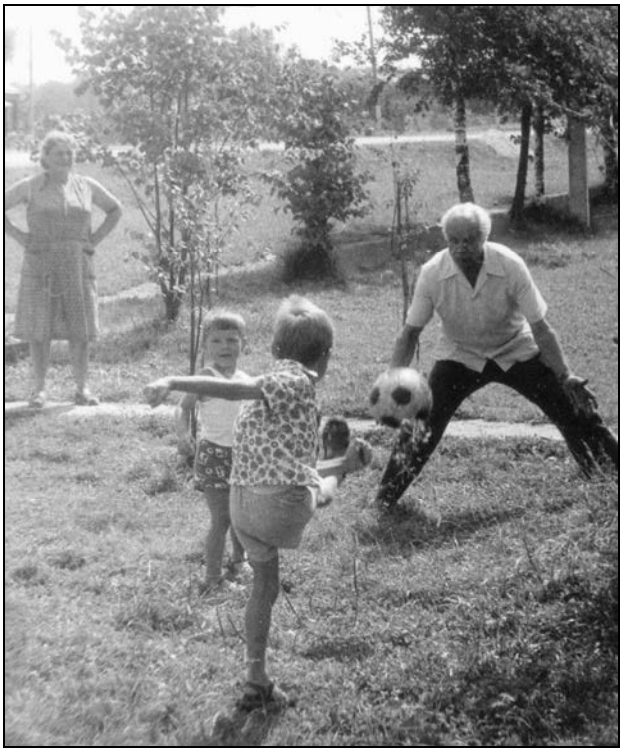
Но еще раньше в 1980 году мой брат Миша окончил МАИ и отправился служить в армию офицером на два года. Через полгода он женился на Ирине Борисовне Пашинской. Свадьба состоялась в Зеленограде в квартире его тещи Зои Гавриловны. Потом Миша еще полтора года служил. А после увольнения из армии он переехал жить к жене. В 1983 году в семье брата родился сын Паша, которого назвали в честь нашего отца. Таким образом, малыш стал полным тезкой своего дедушки, его в шутку называли Павел второй. Через четыре года у брата появилась на свет дочка Таня. Так в итоге у Павла Михайловича и Варвары Федоровны Носиковых стало три внука и одна внучка. Они много уделяли им внимания, играли и занимались. Когда внуки подросли – папа стал рассказывать им о войне.

Выступать с рассказами о своем участии в Великой Отечественной войне отец начал, еще находясь на военной службе. Чаще всего это было приурочено к определенным праздникам, как-то, день Советской армии 23 февраля, день Победы 9 мая. Ну а когда мы стали жить в Истре, то добавился еще и день освобождения города 11 декабря. Павел Михайлович Носиков активно участвовал в различных ветеранских мероприятиях. Так в 1983 году он зарегистрировался как ветеран 4-й гвардейской танковой армии (о его участии в ветеранских делах УДТК будет рассказано далее). Папа также охотно откликался, когда его приглашались выступить перед учениками школ. Он выступал и в классах, в которых учились внуки.

Таня, Сережа, мама, Алеша, папа – Дубосеково, 1987 г.

Выступление в классе внука, Сережа второй справа; внук Алеша бьет мяч дедушке – Истра; Чириково, 1988 г.

В нашей истринской квартире на улице Босова после рождения двух моих сыновей стали проживать шесть человек, было тесновато. Папа вновь встал на очередь и как инвалид войны в 1986 году получил однокомнатную квартиру недалеко от нас по улице 9-й Гвардейской дивизии дом № 41 (также на втором этаже). Так мы разделились: на старой квартире стала жить моя семья из четверых человек, а родители переехали в отдельную квартиру.

Примерно в 1990 году отец получил от педучилища шесть соток под садовый участок. Находился он в пяти минутах ходьбы от станции Манихино, до него было достаточно удобно добираться (можно на рейсовом автобусе прямо от дома родителей, а можно на электричке). Вскоре отец купил и организовал привоз хозблока, который установили на участке. Своими силами мы соорудили крышу и веранду. Получился небольшой симпатичный домик. Отдельно построили деревянный сарай для разного инструмента, поставили туалет. Отец посадил плодовые деревья, малину, смородину. Была небольшая теплица под огурцы и помидоры, имелось несколько грядок под клубнику и другие огородные культуры. Родители любили ездить на дачу, они же оба выросли в деревне. И наши дети, пока были маленькие, тоже любили проводить время в Манихино, там не было машин, рядом имелся стадион, на котором можно было играть в футбол.

Все бы ничего, но, работая на участке, папа достаточно быстро уставал. И потому часто обращался ко мне (и к Мише) за помощью в сельхозработах. Весной надо было вскопать огород, потом посадить картошку, летом требовалось приезжать на прополку и поливку растущих в теплице овощей, а осенью надо выкапывать урожай. И так каждый год. Я был, мягко говоря, не в восторге от таких работ, спина у меня тоже болела. Но приходилось терпеть. Росли собственные дети, свежие ягоды и овощи со своего участка были очень кстати. Мама закрывала много трехлитровых банок с компотом, потом всю зиму их пили. В трудные 1990-е годы дача нас выручала в продовольственном отношении. Хотя, конечно, обеспечить полностью своими овощами и ягодами она не могла. Тут больше выручал урожай с огорода тещи в Чириково.

На даче с внуками Алешей и Сережей и с сестрами Ольгой и Валентиной – Манихино, 1986 г.; 1993 г.

Павел Михайлович Носиков проработал в Истринском педучилище 19 лет (из них только 6 мы прожили вместе). Он уволился в 1992 году, когда ему было 69 лет. Почему ушел с работы? Конечно, уже сказался возраст, здоровье становилось хуже. Но, как я полагаю, главная причина была в другом – в складывающейся в то время обстановке в нашей стране. В конце 1991 года произошел распад СССР, Ельцин запретил коммунистическую партию. Тогда многие сдавали партбилеты. Но отец не был в их числе, он не вышел из компартии. Преподавать историю нашего государства в учебных заведениях новая власть требовала иначе. Надо было обличать Сталина, КПСС и т.п. Отец с этим был не согласен. Он всю сознательную жизнь был верным, преданным коммунистом, ему все происходившие тогда в стране перемены категорически не нравились. И он не собирался отказываться от своих убеждений. Поэтому вполне естественным выглядит его увольнение из педучилища.

23. Помощник депутата Государственной Думы (1996-1999)

Трудовая книжка:	«***1996.02.01*** *– Принят на должность помощника депутата Государственной думы Красникова Д. Ф.;* ***1999.12.31*** *– Уволен в связи с истечением срока полномочий Госуд. Думы 2-го созыва и окончанием срока действия Трудового договора*».

После увольнения из педучилища отец несколько лет нигде не работал. Но при этом не сидел дома, активно занимался общественными делами и в частности по делам коммунистической партии. В декабре 1995 года проходили выборы в Государственную Думу Федерального Собрания РФ второго созыва. В то время была смешанная система выборов: половина депутатов избиралась по партийным спискам, другая половина — по одномандатным округам. В Московской области в 105-м избирательном округе, в который входили районы Химкинский, Красногорский, Истринский, Волоколамский, Шаховской, Лотошинский, Можайский, победу со значительным преиму-

Бывший депутат Д. Ф. Красников и его помощник П. М. Носиков – Истра, 1997 г.

Удостоверение помощника депутата Госдумы – Истра, 1996 г.

ществом над своими соперниками одержал выдвиженец КПРФ председатель колхоза "Заветы Ильича" Лотошинского района Дмитрий Федорович Красников. В Думе он стал председателем Комитета по регламенту и организации работы.

Депутаты помимо основной работы в Думе должны встречаться со своими избирателями, выполнять их наказы. Для надлежащего выполнения этой работы приглашались помощники, труд которых оплачивался. Таким помощником в Истринском районе стал Павел Михайлович Носиков. В здании районной администрации был выделен отдельный кабинет, в нем сидел мой папа и ежедневно в рабочие часы принимал посетителей, фиксировал их жалобы, пожелания. И если требовалось, то записывал в очередь на прием к депутату Д. Ф. Красникову, который раз в месяц приезжал в свой округ и встречался с людьми.

Почти четыре года отец проработал помощником. По завершении депутатского срока в 1999 году в газете “Истринские вести” он опубликовал статью, в которой говорилось:

«*Подводя итоги, я как помощник депутата старался работать добросовестно: За годы работы в моем журнале записей посетителей записано 426 фамилий избирателей и их просьбы (правда, некоторые записаны дважды, так как затягивалось решение вопроса), 324 принял лично депутат. Это говорит о большой проделанной работе. Но есть ли полное удовлетворение от проделанной работы? Скажу прямо: нет! Многие вопросы остались нерешенными не по вине депутата: сотни семей нуждаются в улучшении жилья, многие хотели бы получить земельные участки, установить квартирные телефоны, полного выполнения Закона "О ветеранах" и многое другое*».

Д. Ф. Красников был депутатом Государственной Думы всего один срок. Соответственно по его завершении отец прекратил свою работу помощника. Как видно из приведенных выше слов, работа не принесла ему удовлетворения, т.к. многие наказы жителей не решились властью. Я не знаю, какие отношения были у моего отца с депутатом, который годился ему в сыновья (Дмитрий Федорович родился в 1947 году). Но могу точно сказать, у папы остался неприятный осадок от того, что Красников по завершении своих полномочий ни разу не позвонил ему, не говоря уже о встрече. А ведь он работал на совесть, по-другому просто не умел. Но, с другой стороны, тот же депутат помог с оплатой операции по замене хрусталика, когда у отца была обнаружена катаракта, операция по тем временам стоила дорого.

И еще об одном эпизоде в отношениях папы с депутатом хотелось бы рассказать. Когда Д. Ф. Красников узнал, что его помощник ветеран войны проживает в небольшой однокомнатной квартире, то предложил помочь получить двухкомнатную. Однако отец от этого отказался, сказав примерно следующее: «*пока хоть один ветеран живет хуже меня, мне ничего не надо*». Я думаю, что такой ответ лучше всяких других слов характеризует Павла Михайловича Носикова.

Папа работал помощником депутата, пожалуй, в самый трудный период нашей современной истории. В 1990-е годы в стране была гиперинфляция денег, финансовые накопления граждан на вкладах в сбербанке стремительно обесценивались. Все это напрямую коснулось нашей семьи. Всю нашу совместную жизнь, какой я ее помню, мы жили достаточно скромно, кроме обычных советских марок телевизора и холодильника, простой мебели других дорогостоящих покупок у нас не было. Драгоценностей и никакого антиквариата родители не покупали, автомобиля тоже никогда не было. Офицеры во времена СССР получали хорошие зарплаты (перед выходом на пенсию в апреле 1973 года папа получил 351 рубль), пенсии у ветеранов войны до развала страны тоже были неплохие. Мы никогда в семье не голодали, и близко такого не было. В доме также все необходимое было. Но родители привыкли жить экономно, и остававшиеся от зарплаты деньги откладывали на сберкнижки на будущую жизнь. В итоге в сбербанке за много лет накопилась большая сумма денег. Точной цифры я не знаю, родители о своих сбережениях никогда не говорили. Но по разговорам выходило, что можно было купить автомобиль, да не один (машина “Жигули” в советские годы стоила 5,5 тысяч рублей). И вот в 1990-е годы все это пропало (последовавшие несколько лет спустя выплаты компенсаций в условиях большой инфляции были смехотворными). Отсюда становится понятным, какое у отца было настроение, отношение к власти в стране.

24. Общественная работа

Как я уже неоднократно говорил, Павел Михайлович Носиков был активным общественником. Всю свою сознательную жизнь он много помогал людям, работал в общественных организациях. Напомню, о чем уже говорилось ранее.

Еще в молодом возрасте под конец войны Павел стал секретарем комсомольской организации учебного батальона на курсах. И потом на протяжении пяти с лишним лет он оставался комсоргом в разных воинских частях. Об общественной работе после окончания академии у меня сведений нет, хотя наверняка, отец ею занимался. Но вот в Истре это точно было. В аттестации отца, составленной во время службы в в/ч 63002, записано: «*руководит работой родительского комитета в Котеревской восьмилетней школе, является членом партийной комиссии части*». Во время работы в Истринском педучилище преподавателем общественных наук папа был еще секретарем партийной организации.

Борьба за сохранение УДТК (1990-е)

Уволившись со службы, как уже отмечалось, Павел Михайлович Носиков откликался на просьбы выступить перед школьниками, военнослужащими на патриотические темы, в основном о войне. В 1980-х годах папа стал сотрудничать с ветеранскими организациями. Особо тесный контакт наладил с ветеранами соединений, в которых служил: Уральский добровольческий танковый корпус и 4-й Танковая Армия, в которую входил УДТК. Отец неоднократно ходил на встречи и на юбилейные мероприятия. Я помню, как он ездил в Пермь – в тот город, где формировался 299 минометный полк, в котором Павел Носиков начал служить в Красной армии.

После отца осталось много медалей и памятных знаков ветеранских организаций, почетных грамот. Для показа я выбрал знак ветерана 10-го Гвардейского Уральско-Львовского добровольческого танкового корпуса.

Встреча с ветеранами 299 МП, папа второй справа; значок ветерана УЛДТК – Москва, 1988 г.; 2003 г.

Многие помнят лихие 1990-е годы, когда армия находилась в загоне, воинская служба была не в почете, офицерам месяцами задерживали зарплату, которая к тому же обесценивалась. В те годы резко сократилась численность Вооруженных сил, многие воинские части расформировывались, военные городки закрывались. Я уже ранее говорил, что подобная участь постигла некоторые части, в которых служил отец: под Волоколамском, под Мичуринском, в Уреликах на Чукотке. Подобная же угроза нависла и над УДТК. Прежде чем продолжить рассказ дальше, немного истории.

Как уже отмечалось, танковые соединения уральских добровольцев освобождали Берлин и

Прагу. После войны корпус дислоцировался на территории Германии, позже ГДР. О дальнейшей судьбе УДТК написано в книге “Ветеранский полк”: «*В ходе реорганизации армии он был сокращён до дивизии. Название ей досталось в наследство от героического соединения – 10-я гвардейская Уральско-Львовская добровольческая дивизия. Пятьдесят лет дивизия находилась в составе Группы советских войск в Германии* [и была среди лучших соединений]. *И когда её боевые машины выходили на учения, в натовских штабах начиналась тихая паника. Утирая со лба пот, офицеры в клинообразных пилотках шептали: “Чёрт их знает, эти русские танки! Этих русских добровольцев!”*»

В 1990 году произошло объединение Германии. И вскоре встал вопрос о выводе с территории бывшей ГДР наших воинских соединений. А куда их выводить? Ведь нужно было для каждой части найти подходящее место с помещениями для военной техники и жилые дома для военнослужащих. Была достигнута договоренность с властями ФРГ о том, что на территории нашей страны на немецкие деньги будут построены военные городки и необходимые здания и сооружения для размещения техники выводимых частей. Один из таких городков был построен в чистом поле в Воронежской области рядом с городом Богучар. Туда в 1994 году и была передислоцирована 10-я танковая дивизия из Германии.

Однако спокойная жизнь соединения длилась недолго. Наша страна все глубже погружалась в экономический кризис, денег катастрофически ни на что не хватало. Экономили на всем, армию сокращали, в массовом порядке происходило расформирование воинских соединений, не взирая на все прошлые заслуги. Подобная участь грозила и танковой дивизии, наследнице УДТК. Ветераны корпуса с этим категорически не согласились и встали на защиту родного соединения. Стали писать письма, ходатайства в различные инстанции. Этим активно занимался и мой папа.

В архиве отца я обнаружил целую папку бумаг, озаглавленную «*Переписка в защиту 10-й гв. УЛД дивизии*». По сохранившимся документам можно проследить, как ветераны боролись за сохранение воинской части, как удалось отстоять это славное соединение. В папке имеется копия обращения на имя депутата Д. Ф. Красникова. Полагаю, что именно Павел Михайлович Носиков предложил написать такую бумагу, ведь он в то время был помощником у этого депутата. Это обращение заканчивается словами: «*Недавно нам стало известно, что в результате реформирования ВС* [Вооруженных Сил] *РФ в ближайшее время дивизия может быть расформирована и бесславно завершится ее боевой путь. Уважаемые депутаты, мы ветераны 10 УЛДТК глубоко обижены таким решением. Мы уверены, что в Российской Армии немного частей и соединений с такими славными боевыми традициями и их нужно сохранить во что бы то ни стало. Надеемся на благоразумие и Вашу помощь*».

По этому обращению Д. Ф. Красников написал официальное обращение к Министру обороны РФ, им в то время был И. Н. Родионов. Несколько месяцев ничего не происходило, ответа не было. Полгода спустя ветераны напомнили депутату о своем обращении, тот отправил повторный запрос в министерство. После этого был получен ответ от Начальника Генерального штата генерала армии В. Н. Самсонова, в котором говорилось: «*В связи с сокращением Вооруженных Сил и уменьшением ассигнований на оборону сохранить 10 гв.тд в существующей организационно-штатной структуре не представляется возможным*». И было предложено дивизию использовать «*для мобилизационного развертывания войск в особый период*».

Такой ответ категорически не устроил ветеранов, ведь он означал фактическое расформирование танковой дивизии. Люди не опустили руки, были отправлены многочисленные запросы в газеты, напрямую Президенту РФ, в Министерство обороны. Были задействованы депутаты Госдумы В. И. Варенников (Председатель Комитета Госдумы РФ по делам ветеранов), Л. Я. Рохлин (Председатель Комитета по обороне Госдумы РФ). «*Во многие инстанции звонили и писали бывшие фронтовики. Сегодня они считают, что доля их участия в деле сохранения дивизии достаточно высока*». В конце концов, такая активность принесла свои плоды, Славное воинское соединение было оставлено в составе Вооруженных сил РФ. Я помню, как папа был этому очень рад.

Через некоторое время отец получил письмо от заместителя командира полковника С. А. Кусей, в нем было написано: «*Уважаемый Павел Михайлович! 10-я гвардейская танковая дивизия не расформирована, она осталась вопреки желанию некоторых военных чиновников расформировать ее и, конечно, дивизия осталась благодаря большой работе, проведенной ветеранами 10 УДТК. Большое Вам спасибо и низкий поклон от всего личного состава дивизии*». Далее было при-

глашение посетить дивизию в дни празднования ее 55-летнего юбилея. Отец в составе делегации ветеранов в марте 1998 года поехал в город Богучар, в окрестностях которого находилось воинское соединение. В нашем архиве среди бумаг я обнаружил статью о состоявшейся поездке, в которой есть такие слова:

«Жилой городок для танкистов построен за счёт Германии. В домах там прекрасные благоустроенные квартиры. Рядом три детских сада, современная общеобразовательная школа. В их соединении многое делалось для поддержания боеготовности на должном уровне. Солдаты и офицеры продемонстрировали ветеранам хорошую строевую выучку, слаженность действий, умелое владение сложной боевой техникой. И в столовой кормили достаточно хорошо. И казарма оказалась современной. Но самое главное, что нас обрадовало – это то, что среди личного состава нет уныния, чувства безысходности, наоборот: во всем видно стремление достойно выполнять обязанности по службе, крепить боевую готовность дивизии. Так что домой возвращались мы в хорошем настроении, убедились своими глазами в том, что есть в Российской армии части и даже соединения, способные выполнить боевую задачу по защите интересов нашей Родины». Статья эта подписана так: «*Ветеран 10-го Уральского Добровольческого танкового корпуса подполковник в отставке Носиков Павел Михайлович*». Нашлась и фотография.

Ветераны со знаменем УЛДТК, папа третий слева – Богучар, 1998 г.

На этом история с воинской частью в Богучаре не закончилась, она получила неожиданное продолжение. В 2001 году нашего младшего сына Алексея Носикова призвали на срочную службу в армию. Первые полгода он прослужил в учебке под Владимиром. По зрению сын был ограниченно годен и должен был стать связистом. Но произошла путаница при распределении и его направили не в ту учебку. В результате Алексей стал сержантом и командиром отделения бронетранспортера БТР-80. В то время был в разгаре вооруженный конфликт в Чечне, сына могли туда отправить. Моя жена Татьяна очень переживала по поводу такой перспективы. Не помню, откуда родилась идея, чтобы он служил в воинской части, в которой начинал свой боевой путь его дедушка. Но проблема была в том, что из владимирской учебки не было распределения в эту часть. Тогда папа направил рапорт на имя командующего Московским военным округом с просьбой направить внука Алексея Сергеевича Носикова в 10-ю танковую дивизию для продолжения семейной традиции. И тот написал резолюцию: «*Направить!*» Так наш сын оказался под Богучаром.

В танковой части быстро узнали, что военнослужащий Алексей Носиков владеет компьютером, да и он сам был не против работать на нем (в то время еще было немного молодых ребят, обученных компьютерной грамоте). Но проблема была в дефиците вычислительной техники, в то время Вооруженные Силы финансировали плохо, денег ни на что хватало. И тогда родилась идея подарить танковой дивизии персональный компьютер. Моя работа была связана с вычислительной техникой, я сам ремонтировал, собирал ПК. Из имеющихся деталей я собрал компьютер, монитор к нему подобрал. К этому еще добавил принтер и набор запасных деталей на случай выхода из строя компьютера. Все это мы упаковали в коробки и повезли на поезде в Воронежскую область. На станции нас встретила машина из воинской части и все помогли перевезти до места назначения. Так сын стал работать на компьютере, собранном моими руками.

Летом мы ездили к Алексею на своей автомашине. Трижды ездил к нему и его дедушка Павел Михайлович, выступал перед солдатами. Потом в газете вышла статья, в которой ветеран поделился впечатлениями: «*Мне рассказали, что в части редко бывают нарушения дисциплины, а если такое случается – нарушитель не остается без соответствующих мер наказания. Здесь нет дедовщины, дезертирства. Вывод такой: если командование на месте, знает и добросовестно выполняет свои обязанности, можно в короткий срок сделать большое дело*».

Дедушка и его внук Алеша; выступление перед солдатами – Богучар, 2002 г.

Наша поездка в Богучар состоялась в 2002 году. А за два года до этого отцу присвоили очередное воинское звание полковника. На фотографии с внуком на его погонах уже три звезды.

p.s. В самой последний момент уже после завершения работы над книгой я узнал, что в середине 2000-х годов 10-ю танковую дивизию все-таки расформировали, Теперь в Богучаре базируется другая воинская часть. Вот так в конце концов чиновники все-таки одолели ветеранов УДТК.

Участие в параде в Москве (1995)

Парад в честь 50-летия Победы в юбилейном 1995 году состоял из двух частей – парада ветеранов на Красной площади и парада войск и военной техники Московского гарнизона на Поклонной горе. Тогда, 25 лет назад, такое было еще возможно: и ветеранов было намного больше, чем сейчас, и физически они были крепче. От каждого муниципального округа, в том числе и от Истринского района, были отобраны наиболее достойные и более-менее здоровые, Павел Михайлович Носиков был в их числе. Один из ветеранов потом написал в газете: «*с 3-го мая мы были на казарменном положении. Нас поселили в гостинице ЦДСА, и начались ежедневные тренировки. Распорядок дня был как у военных, т.е. ранний подъем и далее все по расписанию. Две тренировки были проведены на Волгоградском проспекте, затем на Красной площади.* […] *ветераны Московской области – представляли первый Прибалтийский фронт и наша колонна шла первой*».

Тот же ветеран написал еще, что парад длился один час и прошел хорошо. У папы сохранились официальное приглашение и фотография ветеранов, с которыми он прошел по Красной площади (всем тогда сшили одинаковые серые костюмы, смотрелись они, правда, не очень). Каждому участнику подарили памятные часы. Папа потом их долго носил.

Участники юбилейного парада на Красной площади, папа второй слева – Москва, 1995 г.

Работа в Совете ветеранов Истринского района

Отец не ограничивался каким-то одним делом, его общественная деятельность была многогранной. Он участвовал в ветеранской работе не только в воинских частях, в которых служил, но и по месту жительства. Я пока не знаю, с какого времени он стал входить в состав президиума Совета ветеранов Истринского района (то ли в 1980-х, то ли в 1990-х годах). В то время ветеранам была выделена квартира на первом этаже в доме на улице Советской (это не центр города). Отец часто туда ходил. А когда он стал уже совсем старым, то просил иногда подвезти на автомобиле.

В начале XXI века Павел Михайлович Носиков стал заместителем председателя Совета ветеранов Истринского района. А в 2003 году был избран его председателем. Папа работал в этой должности два года. В нашем архиве я обнаружил черновик какой-то статьи, которую он написал, будучи председателем. В ней есть такие слова:

«*Сама жизнь потребовала серьезной перестройки работы Совета ветеранов, всей ветеранской организации. Сохранив первоначально созданную структуру мы главное внимание в своей работе сосредоточили на решении социальных вопросов (обеспечение ветеранов нормальными жилищными условиями, вместе со всеми ветеранами вели и продолжаем бороться за увеличение минимального размера пенсии до уровня, обеспечивающего сносную жизнь). Создали социально-бытовую комиссию, которая работала совместно с комитетом социальной защиты, пенсионным отделом*».

Далее в статье написано, что в 1990-х годах прекратилось строительство муниципального жилья. И с тех пор ни инвалиды, ни участники войны не получили ни одного квадратного метра жилой площади. Только в 2003 году получили квартиры первые 5 семей инвалидов войны. Также много внимания уделялось вопросу снабжения ветеранов лекарствами.

Президиум Истринского Совета ветеранов, отец сидит третий слева – Истра, 2007 г.

Нина Егоровна Гусева, которая с отцом работала в Совете ветеранов Истринского района, сказала, что он поднял работу этой организации на новый уровень, добился того, что с мнением ветеранов стала считаться местная власть. Когда в конце 2014 года у ветеранов Истринского района появилось отдельное, красивое здание, то Н. Е. Гусева сказала, что в этом немалая заслуга Павла Михайловича Носикова.

Как отмечали разные люди, с Главой администрации Истринского района, которой в то время была Анна Николаевна Щерба, у папы сложились нормальные, рабочие отношения. Разбирая бумаги и документы отца, я обнаружил удостоверение «*Общественный советник при Главе Истринского района*», выписанное на его имя. Удостоверение было выдано в 2005 году. И потом практически ежегодно продлевалось.

Как уже отмечал, папе на должности председателя приходилось заниматься многими вопросами. Но одну историю про немецкий танк “Тигр”, выставленный в Снегиревском военно-историческом музее, хорошо помню, в начале XXI века она гремела на всю страну. Подробности я нашел в выпуске газеты “Молодая Истра” за 2010 год. Вот краткое содержание статьи:

«*В 2001 году губернатор Саратовской области Дмитрий Аяцков обратился к главе Истринского района с просьбой предоставить танк “Тигр” на два месяца для экспонирования в местном музее боевой славы*». Ветераны нашего района были против передачи танка, их в этом поддержала Глава А. Н. Щерба. Но подключился губернатор Московской области Борис Громов, которому его коллега Аяцков пообещал все вовремя вернуть и все затраты взять на себя. Был заключен договор, и танк увезли в Саратов. А когда срок договора истек, возвращать боевую машину не спешили. Многократные напоминания тоже не помогали. Вся эта канитель длилась более года, многие о скандале стали уже забывать. Но наши ветераны это дело не оставили, они взяли инициативу по возврату музейного экспоната в свои руки, когда государственные органы бездействовали. Мой отец, как председатель Совета ветеранов направлял обращения в разные инстанции. Дело дошло до прокуратуры, до суда, который встал на сторону истринцев. В 2004 году в Саратов из Истры были отправлены мощный стотонный кран, тягач с трейлером для перевозки танка. И, в конце концов, “Тигр” вернулся в Снегири на место, где прежде находился. В упомянутой газете особо подчеркнуты заслуги в этой истории трех ветеранов, среди них и Павел Михайлович Носиков.

Танк “Тигр” из Снегиревского музея – 2004 г.

В нашем архиве я нашел фотографию немецкого танка. Подписи на обороте нет и непонятно, где именно снято и когда: при отправке “Тигра” в Саратов или уже по его возвращении.

Отец ушел с должности председателя Совета ветеранов Истринского района в 2005 году. О причинах он мне не говорил. Но догадать несложно. Как раз в это время начались серьезные проблемы со здоровьем Варвары Федоровны, моей мамы. Она в любой момент могла упасть в квартире, подняться же самостоятельно уже не могла. За ней требовался присмотр и уход.

Но уйдя с должности, папа не перестал помогать ветеранам. В моей памяти остался один эпизод, связанный с местным ветераном войны Гиляровым (полное имя или инициалы я не запомнил, кажется, его звали Павел). Ему фактически негде было жить, и папа помог получить муниципальное жилье. Потом они часто общались до тех пор, пока Гиляров не умер.

Хор ветеранов (с 1995)

В 2020 году исполнилось 25 лет хору ветеранов, это известный коллектив в нашем районе и за его пределами. А ведь отец был среди непосредственных организаторов этого музыкального коллектива, долгие годы сам в нем участвовал. Историю создания хора мне рассказал ветеран войны Валентин Алексеевич Бочкарев, который хорошо знал отца как по работе в Совете ветеранов, так и совместному участию в хоре. По его словам в конце 1994 года на нашей даче в Манихино собрался актив Совета ветеранов. Помимо отца и Бочкарева были еще Пивнев, Сафонов, Романов. Во время встречи Дмитрий Алексеевич Романов стал петь, и все отметили его хороший голос. Оказалось, что ранее он был солистом в хоре. И тут родилась идея: а почему бы в Истринском районе не организовать хор ветеранов, ведь в других районах такие коллективы есть. Решили хор создать при Истринском педучилище (к тому времени отец там уже не работал, но, конечно, всех преподавателей знал). Руководителем и дирижером коллектива стала Любовь Сергеевна Зенкина.

27 января 1995 года считается днем рождения Истринского хора ветеранов. Накануне 50-летнего юбилея Победы состоялось первое выступление в Истринском Доме культуры. Отец ходил на репетиции и выступления хора, даже выезжал с ним в некоторые города. Честно говоря, я невысокого мнения о папиных вокальных данных. Но в хоре были и сильные хорошие голоса.

Нынешнее его название – “Академический хор ветеранов войны и труда”, он удостоен звания “Народный коллектив”. Несколько лет назад на посту руководителя Л. С. Зенкину сменил В. В. Королев. За многие годы коллектив выступал на многих площадках Подмосковья, выезжал в Москву, Брест, Минск, Липецк, Волгоград и другие города. Хор и сейчас активно выступает, за последние пять лет состоялось более 80 концертов. Но, пожалуй, самым известным было выступление в мае 1999 года в Большом зале заседаний Государственной Думы. Нет никаких сомнений, что немалая роль в организации этого выступления была у моего отца – ведь он в то время был помощником депутата Д. Ф. Красникова. В районной газете о том выступлении написали так: «*Тринадцать раз гремели аплодисменты в честь исполнителей. В письме на имя Главы района депутаты восторженно выразили свое отношение к хору: “Сердечно вас благодарим! С чувством признательности и глубокого уважения к ветеранам войны и труда, организаторам и участникам Истринского хора, в творчестве которого во всей чистоте и очищенной красоте отразилась русская природа, русская душа, русский язык, русский характер и высокий патриотизм”*».

К сожалению, снимка с тем выступлением в Государственной Думе в архиве отца не оказалось. Ранее приводилась фотография участников хора, сделанная в военном городке на фоне ракеты С-75. Нашелся еще один исторический фотоснимок с выступлением коллектива. На нем папу непросто узнать из-за очков (вообще-то он их не носил на людях, использовал только при чтении).

Выступление хора на районном фестивале, папа крайний справа – Истра, 1998 г.

Заслуги Павла Михайловича Носикова неоднократно отмечались на районном уровне. После смерти в его архиве я обнаружил несчетное количество почетных грамот разного уровня, поздравительных адресов. Его фотографии вывешивались на районную доску почета перед зданием администрации как индивидуальные, так и в составе коллективов.

В последние годы жизни количество наград у отца стало стремительно увеличиваться, его довольно часто приглашали на вручение очередной медали к юбилею какой-нибудь даты. В нашем архиве сохранилась вырезка из районной газеты, в которой напечатан фотоснимок в момент вручения Главой администрации Истринского района А. Н. Щербой медали 65-летия Победы в войне.

«НИЗКИЙ ПОКЛОН ВАМ ЗА ВЕЛИКИЙ ПОДВИГ»

сказала ветеранам глава района при вручении юбилейных медалей

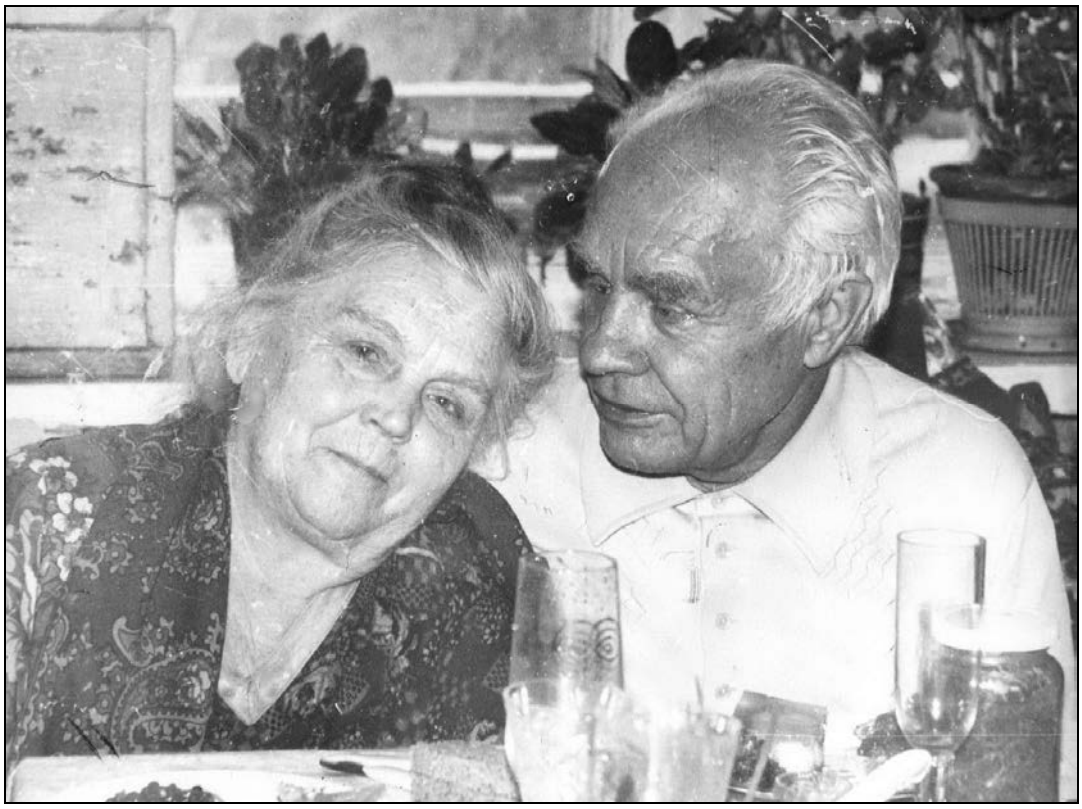
Фотография папы на доску почета Истринского района; вручение медали – Истра, 2007 г.; 2010 г.

25. Последние годы жизни

К сожалению, все мы стареем, с возрастом сил становится меньше. Ранее уже писал, что папе нравилось проводить время на нашей даче в Манихино. Но с каждым годом он все чаще просил ему помогать, т.к. сам уже не мог выполнять тяжелые физические работы. Потом, когда у нас появилась своя автомашина, он стал просить отвезти его на дачу. К тому времени мы с женой уже достаточно зарабатывали, чтобы иметь возможность покупать необходимые овощи и фрукты в магазине и даже на рынке. Да и дети уже подросли, их перестало тянуть на дачу. Так что особой необходимости в дачном участке уже не было, ситуация была не та, что в 1990-х годах. Мы с женой работали фактически каждый день. А в те немногие свободные от работы дни, которые иногда появлялись, хотелось отдохнуть, а не вкалывать на огороде. На этой почве частенько возникали трения с отцом. Он все не мог понять, что дача нам в обузу и в будущем нам не понадобится. К тому же она находилась недалеко от свалки бытовых отходов, около которой всегда крутились бомжи. Зимой они иногда в наш домик наведывались, выламывали двери, выбивали стекла, разводили костер прямо в помещении. Это сильно всех расстраивало, особенно папу. Управы на это безобразие никакой не было. Поэтому я стал уговаривать продать дачу, тем более, что мы собирали деньги на покупку квартиры для сына. Отец долго на продажу не соглашался, дача была ему слишком дорога. Но после очередного погрома в домике он смирился и дачу продали. Я с тех пор ни разу не пожалел об этом. А вот моя жена, спустя какое время стала говорить, что ей нравится выращивать разные сельскохозяйственные культуры на грядках.

В последние годы отец уже не ездил по санаториям, но почти каждый год ложился на обследование и лечение в военные госпитали. Он побывал в госпиталях Красногорска, в Андреевке (под Зеленоградом). Перед госпитализацией я его отвозил на машине в поликлинику в Нахабино, т.к. передвигаться на общественном транспорте ему было уже трудно.

Примерно в это время заметно стала сдавать и мама. В 2006 году с трудом удалось уговорить родителей переехать в нашу квартиру, где бы они были под нашим присмотром. Мы отвели им отдельную комнату (более просторную, чем ту, в которой они когда-то жили). Первые год-два все было более-менее нормально. Но потом в какой-то момент мама окончательно слегла и после этого уже не вставала. Кто с этим сталкивался, тот знает, насколько нелегко ухаживать за лежачим человеком. Вся тяжесть ухода легла на мою жену и на папу. Так продолжалось три с половиной года.

Мама и папа – Истра, 1990-е гг.

В январе 2011 года Варвара Федоровна Носикова умерла, ее похоронили на городском кладбище Истры. Вскрытие по моей просьбе не делали (также потом поступили и с папой). Поэтому считаем, что мама умерла от старости, ведь ей было 88 лет.

Папа на кладбище у могилы мамы – Истра, 2011 г.; 2013 г.

Отец очень сильно переживал потерю любимой супруги. Глаза у него часто становились влажными, в них были слезы, прежде так часто у отца их не видел. Пожалуй, только тут я стал понимать, насколько он любил маму. Мы часто ездили на кладбище. На 9-й (или 40-й?) день поехали в Аносин монастырь, зашли в храм, там отслужили панихиду по умершей. Здесь впервые в жизни увидел, как папа крестится. На мой взгляд, у него это получилось неумело, ведь привычки такой у него не было. Но это не главное, важно то, что под конец жизни он повернулся к Богу.

На следующий год на могиле мамы установили памятник. Такой, какой отец захотел.

В 2013 году в мае торжественно отметили 90-летие Павла Михайловича Носикова. Впервые решили отмечать юбилей не дома, а в ресторане “Истра”. Пришло много людей, его друзей и знакомых, были представители местной администрации. Присутствовала моя семья и семья брата Миши в полном составе. Все было хорошо, папе понравилось, он много шутил, смеялся.

90-летие Павла Михайлович Носикова – Истра, 12 мая 2013 г.

А примерно через месяц случилась очередная беда: ночью во время сна отец упал с кровати и не мог сам подняться. Как потом объяснил – снилась война, ее кошмары. Он и во сне продолжал воевать. Моя супруга Таня быстро поняла, что дело серьезное, скорее всего, сломана шейка бедра. Нужно было ехать в больницу, чтобы сделать рентген. Но папа несколько дней отказывался от этого, несмотря на боль, пытался отшучиваться. Ну а когда, наконец, согласился, и в больнице сделали рентген, то худшие опасения жены подтвердились. Врач предложил остаться в больнице. Но папа не согласился, и мы вернулись домой. Отдельная история, как его спускали и поднимали на второй этаж нашей квартиры. Папа был тяжелый, и его переносили наш младший сын со своими друзьями, отец все боли мужественно терпел (я не помню, чтобы хоть раз он вскрикнул).

Погрузка папы в машину скорой помощи – Истра, 2013 г.

Спустя какое-то время он согласился на операцию, делать ее решили в госпитале ветеранов войны в Андреевке, в котором он уже как-то лежал. Ему там сделали операцию по замене сустава, она прошла удачно (папа захотел, чтобы установили более качественный импортный имплант, и сам его оплатил). Через несколько дней он потихоньку начал вставать на ноги и передвигаться с помощью ходунков, которые мы для него купили. Вскоре перевезли его домой. Благодаря своим усилиям, он постепенно восстановился, и даже на улицу стал выходить самостоятельно. Только передвигался уже с палочкой. Примерно в это время папа решил уже не бриться. Поэтому у него стал вид настоящего старика с бородой. Да он таким и был.

В силу своих ограниченных физических сил отец почти прекратил заниматься общественной работой. Он уже отказывался практически от всех приглашений на различные мероприятия, нечасто выходил из дома. Ходить далеко ему было тяжело. Со знакомыми и друзьями в основном общался по телефону. Время проводил в основном за просмотром телевизора и чтением газет. При этом почему-то редко читал книги, хотя литературы по войне, различных мемуаров военноначальников у него было много.

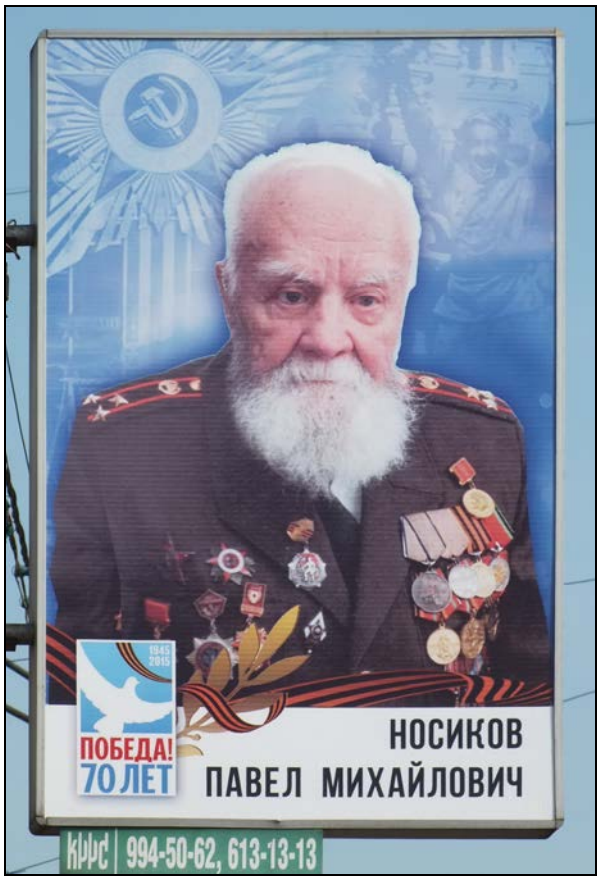
В последние годы отец стал плохо слышать, пользовался слуховым аппаратом (без этого устройства с ним уже было сложно разговаривать). Считаю, что в этом недуге он сам во многом виноват. Слишком много смотрел телевизор, причем в наушниках. И при этом выводил звук на максимальную громкость, тем самым еще больше подсаживая свой и так уже слабый слух.

В последние два года папа по какой-то причине перестал платить партийные взносы (кажется, ему не нравилась политика, которую проводило руководство КПРФ). А вот от чего он не отказался, а даже стал больше уделять внимание – так это подготовке патриотических статей для местной прессы. До 2009 года папа готовил публикации для районной газеты “Истринские вести”, они выходили по одной или две в год. А с 2012 года стал сотрудничать с бесплатной газетой “Истра плюс”, уже писал по 4-7 статей ежегодно. Его тексты в основном были посвящены годовщинам главных битв Великой Отечественной войны, иногда писал и о своем участии в боевых сражениях.

На 9 мая мы каждый год традиционно собирались дома за праздничным столом. (Помню, как однажды, когда родители были еще живы и не так стары, мы с женой уехали куда-то на День Победы. Все заранее с отцом согласовали. Но все равно, он потом был обижен на нас). Как уже гово-

рил, для папы это был главный праздник. Бывало, что к нам в этот день приезжали родственники издалека. Но в последние годы приезжала только семья брата из Зеленограда.

В год 70-летия Победы администрация Истры сделала приятный сюрприз для ветеранов войны (да, думаю, и для многих горожан тоже). На главной улице города на рекламных щитах вывесили большие фотографии ветеранов. Среди них был и портрет Павла Михайловича Носикова. Жаль только, что они висели недолго (не более недели) и с тех пор больше не появлялись. В тот же год в центре города сделали что-то типа аллеи памяти ветеранов с их фотографиями, копиями писем с фронта. На одном из стендов был и снимок отца (по непонятной причине в начале 2020 года его заменили, и теперь изображения П. М. Носикова нет).

Плакат с папой на улице Истры; на втором снимке стоят мои сыновья Алеша, Сережа, брат Миша, я, внизу жена Таня, папа, племянник Паша, его мама Ира – Истра, 2015 г.; 2014 г.

В отличие от мамы папа долго не болел, ушел из жизни довольно быстро. Примерно за месяц до кончины он стал сильно сдавать, плохо кушал. А последние три дня и вовсе не вставал. Умер Павел Михайлович Носиков вечером 8 ноября 2015 года. Отошел в мир иной, как и мама, дома в кругу семьи.

Отец оказался долгожителем, прожил 92 с половиной года. Такой солидный срок объясняется тем, что он следил за своим здоровьем, когда была возможность, регулярно ездил на лечение в санатории или ложился в госпитали. Ну и пил таблетки, которые ему прописывали. Хотя физической зарядкой папа не занимался, но и вредных привычек у него не было, никогда не курил, а спиртное потреблял в меру.

Похороны Павла Михайловича Носикова состоялись на городском кладбище, собралось немало народу, папу в городе хорошо знали. Из родственников кроме семьи брата Миши приехал из Коломны двоюродный брат Валера с женой. Отца погребли рядом с супругой, которую он любил.

В 2017 году на могилах родителей мы установили новый памятник. Решили, что лучше сделать общий для папы и мамы. Фотографию на памятник выбрали ту, которая была сделана в день их золотой свадьбы. Нам она нравится больше всего.

Памятник на могиле мамы и папы на городском кладбище – Истра, 2017 г.

Носиков Сергей Павлович
Мой папа Павел Михайлович Носиков –
М.: ООО "Сам Полиграфист", 2020. – 132 с.

Верстка С. П. Носиков.
Оформление обложки С. Ю. Мамаев.

Подписано в печать 30.07.2020 г.
Формат 205х290 мм. Бумага мелованная.
Печать цифровая. Тираж 35 экз.
Заказ № 92920.

Отпечатано в типографии «OneBook.ru»
ООО «Сам Полиграфист».
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42,
корп. 5, «Технополис Москва».
www.onebook.ru